

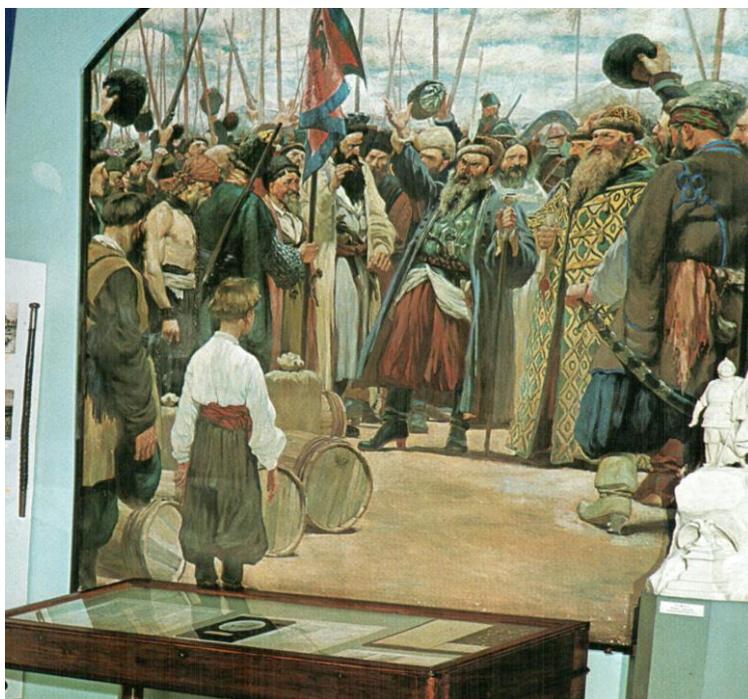
Донское казачество

О времени возникновения донских казаков до сих пор среди историков нет единой точки зрения. Так Н.С.Коршиков и В.Н.Королёв считают, что «кроме широко распространённой точки зрения о происхождении казаков от русских беглых людей и промышленников, существуют в качестве гипотез и иные точки зрения. По мнению Р.Г.Скрынникова, например, первоначальные казачьи общины, состояли из татар, к которым присоединялись затем русские элементы. Л.Н.Гумилёв предлагал вести донских казаков от хазар, которые, смешавшись со славянами, составили бродников, являвшихся не только предшественниками казаков, но и прямыми их предками. Все больше специалистов склоняются к тому, что истоки донского казачества следует видеть в древнем славянском населении, которое согласно археологическим открытиям последних десятилетий, существовало на Дону в VIII – XV в.в.»^[1].

Пролить свет на время возникновения донского казачества поможет установление точной датировки челна найденного в марте 1955 года в протоке у острова близ Хутора Пухляковский школьниками под руководством педагога и краеведа Раздорской средней школы Л.Т.Агаркова. Тогда, в результате строительства Цимлянской ГЭС Дон сильно обмелел. Чёлн был выдолблен из огромного дубового ствола. Его длина около 4 метров, диаметр - 80 см. и высота - 45 см.^[2].

В настоящее время чёлн находится в Новочеркасском музее истории донского казачества и продатирован XVII веком. Однако А.И.Потапенко по обломку амфоры найденном в носовой части челна датирует его XI-XIII веками, периодом проживания на Дону «бродников»^[3].

История донского казачества – это история непрерывной борьбы на степных просторах южных рубежей русского государства. По образному выражению Льва Николаевича Толстого – «Граница породила казачество, а казаки создали Россию».

Кзаками становились не только русские и украинцы, но и выходцы из среды местных народов. В конечном итоге, сближение пришлого люда с коренным населением сказалось на материальной и духовной культуре казачества, определило его специфические этнические приметы.

Подьячий Посольского приказа Григорий Катошихин в конце XVI века так написал о донских казаках: «...А люди они, породю москвичи и иных городов, и новокрещённые татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне. И дана им на Дону воля своя и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу...». Все, кто уходил на Дон, находили там пристанище, не опасаясь, что их настигнет рука власти. Не случайно в плоть и кровь донских казаков вошла поговорка: «С Дону выдачи нет».

Казак нижнего Дона

Облик донских казаков, их одежду, вооружение представляют на выставке фотографии из художественного фильма «Дикое Поле», повествующего о славных воинских делах казаков XVI столетия. Съёмки фильма проводились в 1992 году Свердловской киностудией (ныне г. Екатеринбург) в окрестностях Хутора Пухляковский и станицы Раздорской. Режиссёр-постановщик фильма Н.Н.Гусаров. Он же снялся в роли казака Чиги. Главную роль – донского атамана, сыграл известный актер, солист Венской оперы, автор и исполнитель казачьих песен Борис Рубашкин.

Дополнением к фотографиям служат фотокопии рисунков казаков и казачек XVIII века из книги инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана «История

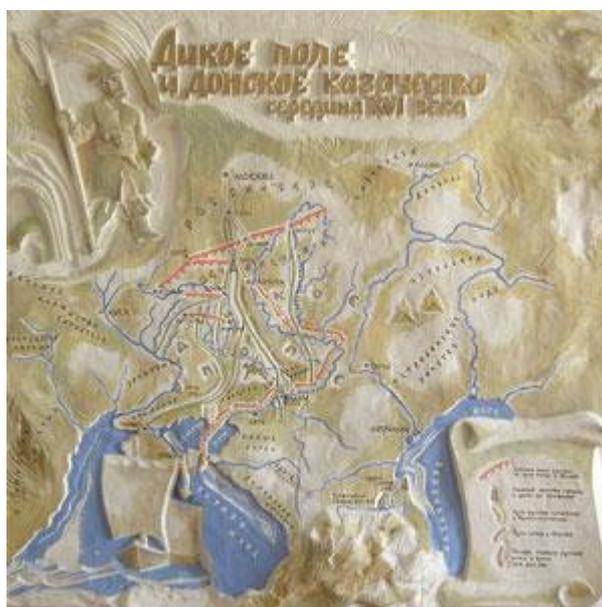
или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало своё имеют...», составленной в 1778 году (издана в Москве в 1846 году).

Казаки, разъезжая по «Дикому Полю» - так стало называться с XV века пустынное место, образовавшееся после разорения монголо-татарами южно-русских княжеств, постоянного места жительства не имели. Убежищем им служили вырытые в земле ямы, покрытые хворостом или камышовые шалаши-шиши. Первое время женатых среди них не было. Основным источником существования являлась военная добыча.

Природа щедро одарила донских казаков, они говорили: «Кормит нас молодец Бог: подобно птицам мы не сеем и не собираем хлеба в житницы, но всегда сыты. А ежели, кто станет пахать землю, того нещадно сечь розгами». Таким образом, первые казаки ревностно следили за тем, чтобы ничего не отвлекало от главного их занятия – военной службы.

В XV веке распалась Золотая Орда, и на её месте образовались Казанское, Крымское, Астраханское ханства, Малая и Большая Ногайская орды, руками которых Османская империя стремилась задушить молодое Российское государство. Ханства продолжали совершать опустошительные набеги на Русь. На южных её рубежах первыми сталкивались с незваными гостями донские казаки.

В конце XV – начале XVI веках на южных рубежах России начала создаваться единая система пограничной обороны – «засечные линии» из лесных завалов, валов, городов-острогов и постоянных гарнизонов.

Карта-схема «Дикое Поле и донское казачество в середине XVI века»

Представленная на выставке гипсовая карта-схема «Дикое Поле и донское казачество в середине XVI века» наглядно показывает огромную роль казаков в охране южных рубежей русского государства.

К середине XVI века начинается более активно процесс заселения русскими людьми просторов «Дикого Поля». К этому времени относятся известия о появлении постоянных казачьих поселений - городков.

Казачьи городки служили опорой для русских царей, в их стратегии продвижения к Азовскому и Чёрному морям. Учитывая выгоды расположения городков, уже вскоре после их возникновения прежний путь сношения с Турцией, шедший вдоль Днепра в Крым, был заменён на путь по Дону в Азов, как более надёжный и быстрый.

Первое письменное упоминание о казачьих городках относится к 1549 году. Ногайский князь Юсуф жаловался царю Иоанну IV (Грозному): «Холопи твои, некто Сары-Азман словёт, на Дону в трёх и в четырёх местах города поделали... да наших послов ...и людей стерегут, да разбивают...»^[4].

Где находились эти городки и был ли среди них Раздорский у историков нет единого мнения. Одни считают, что на Нижнем Дону. Об этом свидетельствуют исторические факты, так в 1551 году казаки «с Азова оброк емлют»^[5]. Чтобы это сделать, надо было иметь большую воинскую силу и организацию. Из верховых городков это сделать было бы очень трудно. Реально это было для низовых казачьих городков. И.Ф.Быкадоров ссылаясь на некие «старинные иностранные карты и другие исторические данные», согласно которым до похода турок на Астрахань 1569 года будто бы существовали городки Атаманский, Красный Яр и Раздоры Нижние^[6].

И.М.Сулин писал «... нужно думать, что в числе этих четырёх построен был и **Раздорский городок**»^[7].

Н.С.Коршиков и В.Н.Королёв проанализировав источник, а так же исследование П.П.Сахарова, напротив считают, что «...наиболее вероятным представляется их расположение на Верхнем Дону, откуда казакам Сары-Азмана было удобнее всего перехватывать ногайских послов и купцов на реке Воронеж»^[8]. Н.А.Мининков напротив, считает, что «города» Сары-Азмана помещались всё-таки не на Хопре, а на самом Дону вблизи Переволоки»^[9].

Таким образом, к концу 40-х годов XVI века донские казаки постепенно овладели Нижним Доном и стали представлять угрозу для турецкого Азова.

Как считает Н.А.Мининков: «Выходцы из русско-татарской Мещёры, Рязанской и Северской земель поставили на Дону свои первые поселения. Располагались они у Переволоки. Есть основания предполагать, что имелись они и ниже по Дону, на ближних подступах к Азову, откуда можно было угрожать этой турецкой крепости, например, в Донецких Раздорах. Источники, правда, не сообщают о наличии там на рубеже 40-50-х годов XVI века каких-либо казачьих поселений. Однако исключить вероятность появления в тех местах казаков не приходится. Во-первых, потому, что «раздорина» Донца при впадении его в Дон была местом, где двигавшиеся вниз по Донцу севрюки встречались со спускавшимися по Дону рязанцами. Во-вторых, в этом месте, покрытом густым пойменным лесом, с многочисленными речными протоками, легко было укрываться от врагов. В третьих, оно располагалось довольно близко к Азову. И,

наконец, известно, что **Раздоры Донецкие** являлись во второй половине XVI века одним из самых известных казачьих поселений. Именно там, как доносил в 1570 году царский посол Иван Новосильцов «от Азова за три днища» находились «ближние зимовища атаманские»^[10].

В грамоте, подписанной царём Иоанном IV (Грозным) 3 января 1570 года и посланной на Дон с боярином Новосильцовым, казакам и их атаманам Мамину и Яковлеву предписывалось слушаться Новосильцова во всех государевых делах, «... тем бы есте нам послужили, а мы вас за вашу службу жаловати хотим». За службу по охране царского посла впервые всему казачьему войску было обещано жалование.

Эта грамота - первый официальный документ о признании московским царём донских казаков и считается отправной точкой в дальнейшей истории служения казаков российскому государству. Поэтому, 3 января 1570 года является датой создания Всевеликого войска Донского.

С.А.Долгополов

Примечания

- [1] Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001 г. С. 44-45.
- [2] Агарков Л.Т. Сердце донское. // Звезда Придонья. Усть-Донецкий, 1989 г.
- [3] Потапенко А.И. Старожил земли русской. Ростов-на-Дону, 1976 г. С. 57.
- [4] Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 33.
- [5] Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 45.
- [6] Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов-на-Дону, 1992 г. С. 109.
- [7] Сулин И.М. Краткое описание станиц Области Войска Донского. // Донские Епархиальные Ведомости, 1890 г. № 19.
- [8] Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 70.
- [9] Мининков Н.А. Указ. соч. С. 110.
- [10] Мининков Н.А. Указ. соч. С. 114-115.

Казачье управление

В начале XX века Область войска Донского состояла из 9 округов. Каждый округ делился на станичный юрт. Юрт Раздорской станицы входил в Первый Донской округ. Все лица войскового сословия, проживавшие в юрте, составляли станичное общество. Вся полнота власти в станице и хуторе принадлежала станичному и хуторскому управлению.

Станичное управление в станичном обществе составляли:

- станичный сбор,
- станичный атаман,
- станичное правление,
- станичный суд.

Хуторское управление составляли: хуторской сбор и хуторской атаман.

Станичный сбор состоял из атамана и его помощников, хуторских атаманов, судей, казначея и казаков-домохозяев. Сбор обсуждал хозяйственные и административные дела местного значения (постройка магазинов, школ, разбор жалоб и т.д.)

Станичный атаман избирался простым большинством голосов на станичном сборе. В его деятельность входило наблюдение за порядком и спокойствием в пределах юрта. Атаману подчинялись все проживающие в станице жители как войскового так и не войскового сословия.

Станичный суд образовывали:

- суд станичных судей,
- суд почётных судей.

Первый учреждался для каждой станицы, второй для каждых двух станиц. Судьи выбирались на станичном сборе. Станичный суд разбирал споры и тяжбы по имуществу до 100 рублей и маловажные проступки.

Станичное правление образовывали: станичный атаман, его помощники, станичный казначей и доверенные. На станичном правлении лежало делопроизводство по всем вопросам станичного управления.

В станице Раздорской на период 1917 года здание станичного правления находилось на территории нынешнего парка. Примерно на месте, где расположен памятник погибшим красноармейцам в годы Гражданской войны. По рассказам старожилов это был одноэтажный дом, состоящий из атаманской комнаты, комнат казначея и писаря. В отдельной комнате, которая называлась «сиделка», находились

молодые казачата, выполнявшие функции дежурных и порученцев станичного атамана.

Последним атаманом станицы Раздорской, которого в 1920 году сместила советская власть, был урядник Андрей Андреевич Павлов.

Вероисповедание казаков

Донские казаки на протяжении многовековой своей истории были глубоко верующими людьми. Большинство жителей станицы Раздорской исповедовали православную христианскую веру. На период 1917 года в юрте станицы имелось 6 церквей. В эпоху строительства социализма, в 1930-60-е годы они были разрушены. Сохранились и действует церкви в хуторах Каныгин, Сусат.

Известно, что ещё в XVII веке в Раздорском городке была часовня. После «переноса» городка с острова на нынешнее месторасположение станицы – первое упоминание о церкви относится к 1726 году. В это время в станице имелся деревянный храм во имя Святого Василия Великого. Кстати, вполне вероятно, что эта дата близка времени переноса Раздор с острова на правый берег Дона.

В 1747 году вместо обветшалой церкви была построена другая, также деревянная, просуществовавшая до 1784 года. В том же году по указанию Войскового Атамана Иловайского в связи с увеличением численности населения в станице была построена новая деревянная церковь Святого Василия Великого с добавлением придела во имя Святой Варвары Великомученицы. В 1804 году к церкви была пристроена каменная колокольня. Церковь эта просуществовала в станице до 1824 года, до постройки новой, кирпичной, и была, затем пожертвована в станицу Мечётинскую.

15 июля 1817 года в Раздорской станице предположительно по проекту донского архитектора Кампиони была заложена кирпичная церковь в честь Донской иконы Божьей Матери (Донская Богородица церковь). Освящение церкви состоялось в 1824 году.

Донская Богородица церковь представляла собой великолепное архитектурное сооружение. Это была трёхпрестольная церковь: центральный предел - Донской Божьей Матери; правый - Святого Василия Великого; левый - Святой Варвары Великомученицы. Внутри церкви находился трёхярусный резной иконостас. Стены расписаны живописными фресками. Высота колокольни - 22 метра, купола - 15 метров.

Приходится лишь сожалеть, что этот храм, служивший верой и правдой станичникам и являвшийся украшением станицы (по

преданиям, будучи в станице в 1893 году подновление росписи в храме выполнил художник В.И.Суриков) в 1929 году был закрыт. С колокольни сняли и разбили кресты, колокола, уничтожили иконостас с иконами. Храм превратили в склад «Райзаготканторы». Летом 1962 года Донская Богородицкая церковь по указке районных властей и вовсе была изуверски уничтожена - взорвана.

Но память о своей родной церкви не исчезла из сердец станичников. Её история продолжается в ежегодно проводимых с 1992 года 1 сентября престольных праздниках.

В августе 1998 года был рукоположен в священники Рождество - Богородицкой церкви хутора Каныгин отец Валерий Шпаков. До этого он с отличием закончил Ставропольскую духовную семинарию, служил в храмах Мартыновского района.

Вместе со своей супругой, матушкой Татьяной, первые годы жили они в хуторе Каныгин. Но, желая возродить уничтоженный храм в Раздорской в 2000 году, переехали в станицу. В сохранившейся церковной караулке отец Валерий в 2001 году открыл станичный приход. Взял на себя нелёгкие организационные вопросы по воссозданию Донской Богородицкой церкви. Хорошо знают отца Валерия и в Раздорской школе, где он проводит воскресные занятия с детьми. Окормляет словом Божьим он и соседний хутор Пухляковский.

В ноябре 2003 года на храме в хуторе Каныгин благодаря подвижничеству отца Валерия золотом засияли новые купола с крестами. В планах отца Валерия проведение реставрации уникального иконостаса церкви.

Образование казаков

Раздорская имеет давние традиции в области народного образования. По числу учебных заведений и грамотных станица занимала одно из первых мест в Первом Донском округе. Грамотными были 31% населения станицы.

По состоянию на 1900 год в станице Раздорской были учебные заведения приходское училище, женское 3-го разряда училище и церковно-приходская школа. В них обучались 151 мальчик и 75 девочек.

В 1914 году построено высшее начальное училище (гимназия). В настоящее время в нем расположена средняя школа. Сохранилось до настоящего времени и здание женского училища. А в здании бывшей церковно-приходской школы, построенном в 1897 году расположены выставки музея-заповедника.

Казачья воинская доблесть

На протяжении своей многовековой истории донские казаки верой и правдой служили России. В составе казачьих полков они принимали участие в войнах XVIII – начала XX вв. Были среди них и уроженцы станицы Раздорской.

В 1809 году за мужество и героизм проявленные в бою со шведами на острове Бене Орденом Св. Георгия 4-й степени был награждён есаул В.Г.Данилов (ум. 1810 г.)

Уроженцем станицы Раздорской был Степан Фёдорович Балабин (1763 - 14.02.1818). Будучи сыном протоиерея в 15 лет поступил на службу казаком. В 1780 г. в составе Атаманского полка находился в Закубанских походах. Во время русско-турецких войн участвовал во взятии крепостей Кинбурн, Ларге. При штурме Измаила был ранен пулей в ногу. В 1796 и 1797 гг. воевал против персов. В 1806 году стал командиром Атаманского полка. Участвовал в боях с французами в 1807 году.

В Отечественной войне 1812 г. находясь в корпусе Платова, командуя Атаманским полком, участвовал в боях при Мире и Романове, Бородино и позже преследовал неприятеля до города Данцига.

Закончил службу С.Ф.Балабин в звании генерал-майора. Был награждён орденами, «Золотой саблей за храбрость».

Отличился на полях сражений уроженец станицы Раздорской Пётр Трофимович Басов (кон. XVIII в. - 1856 г.). Начав службу казаком в 1801 г. участвовал в Оренбургском походе. В 1805 году в Атаманском полку воевал с французами. В Отечественной войне 1812 г. участвовал во многих сражениях, в преследовании французов до г. Данцига. Вместе со своим полком многие годы провёл в боях на Кавказе. Полк был награждён знаменем с надписью: «За отличие в Персидскую и Турецкую войны в 1827, 1828, 1829 годах».

В 1837 г. П.Т.Басов был уволен в отставку генерал-майором.

Особое место среди военачальников-раздорцев принадлежит Максиму Григорьевичу Власову (13.08.1767 - 21.06.1848). Сын казачьего офицера, с детства мечтавший о ратных подвигах, М.Г.Власов прошёл путь от рядового казака до генерала от кавалерии и Наказного Атамана Области войска Донского.

Воинскую службу М.Г.Власов начал с 1791 года в кордонной страже по польской границе. С 1795 г. будучи есаулом, во главе казачьей сотни был на прусской границе. В 1805 г. вернулся на Дон и принял управление канцелярии Наказного атамана М.И.Платова.

С началом войны с Францией в 1807 г. служил в Атаманском полку и отличился в ряде сражений. В 1808 - 1810 гг. участвовал в русско-турецкой войне, получил звание подполковника.

Во время Отечественной войны 1812 года М.Г.Власов стал одним из прославленных полководцев. Будучи командиром казачьего полка своего имени, он отличился в боях при Ольшанах, участвовал в Бородинском сражении, в изгнании французов из Москвы, во взятии Парижа. За героические подвиги М.Г.Власов удостоен высших наград России и иностранных государств. Награждён тремя золотыми саблями «За храбрость».

В 1819 г. М.Г.Власов был назначен командующим Черноморским казачьим войском. В 1831 году в Польше, будучи уже седым стариком, лично водил казаков в атаку на польскую конницу. В одном из боёв был тяжело ранен – получив восемь сабельных ударов, раздробление челюсти и две раны пикой в грудь. Казаки вынесли его полуживым с поля боя. За участие в польской кампании М.Г.Власов был награждён российскими и польскими орденами.

М.Г.Власов последний из Наказных Войсковых атаманов казачьего происхождения. Назначил его в 1836 году Атаманом император Николай 1. Отправляя из Санкт-Петербурга в Новочеркасск, император сказал Власову: «Послужи мне ещё, Максим Григорьевич. Знаю, что ты страдаешь от ран, но эти раны так почётны, так славны, что жаль, было бы запрятать их в какую-нибудь глушь. Пусть они будут на виду всего Дона и служат его молодёжи примером, как служили Отечеству старые его слуги. Пусть будет в тебе живой пример, что и такие раны не прекращают деятельности в подобных тебе богатырях».

Когда М.Г.Власов стал Наказным атаманом, было ему 69 лет. В 1848 году на Дону появилась холера. М.Г.Власов, 80-летний Наказной атаман стал объезжать станицы, поражённые этой страшной болезнью. Но 21 июня сам заразился и умер в станице Усть-Медведицкой (ныне г. Серафимович), где и был похоронен в ограде станичной церкви.

В 1904 году имя М.Г.Власова было присвоено 5-му Донскому казачьему полку.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Болгарии при Кавказской казачьей бригаде командиром конно-горной батареи был подполковник Алексей Иванович Костин. Казаки-артиллеристы под его

командованием отличились при штурме городов Плевны, Этрополя и Правца. Казакам батареи А.И.Костина за эту войну были пожалованы Знаки отличия на головные уборы.

Казак-артиллерист Алексей Петрович Кульгачёв (5.11.1825-19.03.1904) происходил из потомственных дворян Войска Донского и принадлежал к Раздорской станице. Он участвовал в Венгерской кампании 1849 года. В 1850-х годах принимал участие в сражениях на Северном Кавказе. В 1855 г. во время штурма турецкой крепости Карс был контужен ядром в голову. В 1861 году во время атаки на польских мятежников опередил сотню своих казаков и с шашкой в руке ворвался в середину неприятеля но был сражён пулей и упал с коня. Подоспевшие казаки выручили своего командира, а противника уничтожили.

В дальнейшем А.П.Кульгачёв участвовал в русско-турецкой войне по освобождению Болгарии от турецкого ига. В 1880 г. был произведён в генерал-лейтенанты, в 1894 г. – в генералы от кавалерии. В 1898 г. исполнял обязанности командующего войсками Варшавского округа, а в 1900 г. был назначен членом Военного совета. Награждён орденами, Анненским оружием за храбрость, золотой шашкой «За храбрость».

А.П.Кульгачёв похоронен в г. Новочеркасске. На его могилу были возложены венки «От 7-й Донской казачьей батареи», «От артиллерии Войска Донского».

Михаил Маркович Марков (31.10.1804- 18.08.1894) уроженец станицы Раздорской в 16 лет начал службу в Донской конно-артиллерийской 1-й роте. С 1826 по 1834 гг. находился в Польше на кордонной службе по границе с Пруссией.

В 1854 году М.М.Маркову было присвоено звание генерал-майора. Во время Крымской войны принимал участие в организации отражения англо-французского флота прорвавшегося в Азовское море и устье Дона.

Долгие годы М.М.Марков являлся помощником при Наказных Атаманах войска Донского М.Г.Власове и М.Г.Хомутове. На этом посту он проявил военные и организаторские способности при проведении военно-гражданских преобразований на Дону.

М.М.Марков скончался в Новочеркасске, на 90-м году и погребён на городском кладбище в родовом склепе Марковых.

Подполковник Михаил Иванович Сулин (1822 – 9.04.1904), из дворян, родился в станице Раздорской. С 15 лет поступил на службу и был командирован в полк на Кавказ, где принял участие в сражениях с горцами. С 1842 по 1846 гг. служил на постах турецкой границы в Грузии. В 1849 году участвовал в подавлении восстания в Венгрии. В

последующие годы служил в Польше, а с 1862 по 1866 гг. в Грузии. Награждён орденом Святой Анны III степени с бантом, орденом Святого Георгия IV степени.

Михаил Степанович Марков (16.02.1833 – 7.02.1905) происходил из донской дворянской фамилии и числился гражданином станицы Раздорской. После окончания Харьковского университета поступил юнкером в Лейб-гвардии казачий полк. Затем служил в Атаманском полку. В 1859 г. был назначен исполняющим обязанности войскового есаула при Наказном атамане Хомутове. Затем состоял адъютантом и чиновником особых поручений при Наказных атаманах Граббе, Потапове, Черткове. Пользуясь их заслуженным доверием, М.С.Марков постоянно находился в командировках по важнейшим войсковым делам, где имел возможность знакомиться с нуждами донского края на служение которому посвятил всю свою жизнь.

С 1879 по 1882 гг. М.С.Марков являлся предводителем дворянства Черкасского округа. А с 1892 по 1901 гг. переизбирался на должность областного предводителя дворянства.

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. на территории Китая, в Маньчжурии раздорские казаки воевали в составе 4-й Донской казачьей дивизии, в 25-м Донском полку под командованием полковника Василия Ивановича Медведёва. За мужество и храбрость проявленные в бою у деревни Лидиутунь 17 октября 1904 г. знаком отличия Военного ордена Святого Георгия IV степени был награждён казак Раздорской станицы Василий Попов.

25-й полк в ноябре-декабре 1904 г. принял участие в рейде конницы генерала-майора Мищенко на железнодорожную станцию Инкоу. Станция служила пунктом снабжения японских войск осаждавших русские войска в крепости Порт-Артуре.

В числе других полков казаки 25-го полка принимали участие в другом значительном бою с японцами 11-15 января 1905 г. у деревни Сандепу. За доблесть в этом бою среди прочих раздорские казаки Авраам Андронов, Павел Кожанов, Григорий Гуков были награждены знаком отличия Военного ордена Святого Георгия IV степени.

После этих боёв 4-я Донская казачья дивизия была отведена в тыл, а затем отправлена в Монголию.

Самой массовой и кровопролитной для донских казаков стала Первая Мировая война. В память о погибших казаках в Первую Мировую и всех других войнах на выставке представлен комплекс «За веру, царя и Отечество».

В дореволюционной России данная идеологическая схема, позволяла подавать казаков как опору трона, надёжную полицейскую силу.

Участие донских казаков в войнах подтвердило, что на первом месте для казака было именно Отечество, в котором император выступал общенациональным символом России. Казаки со стародавних времён не щадя жизни, проявляя мужество и героизм защищали от врагов «большую» Россию и одновременно защищали и свой родной «Тихий Дон».

Ещё одной составляющей государственного патриотизма для донского казака являлась старинная казачья традиция, получившая наименование «За други своя».

Комплекс представляет собой следующее: на полке украшенной вышитым рушником - икона «Спаситель»; напротив иконы – лампадка; на столике-угольнике в подсвечнике стоит свеча, рядом лежат страницы из Евангелия, молитвослова. Казачья фуражка – символизирует не вернувшегося с войны казака. Склонённое российское знамя – символ верности и чести донских казаков своему Отечеству – России, кровь проливавших в его защиту в боях против врагов.

На фронтах Первой Мировой войны 1914-1918 гг. было около 100 тысяч донских казаков. Казаки станицы Раздорской и её юртовых хуторов участвовали в сражениях в составе 8-го Донского казачьего Генерала Иловайского 12-го полка, 15-го Донского казачьего Генерала Краснова 1-го полка, других воинских частей и соединений.

Казаки 8-го Донского полка в ноябре 1914 г. во время сражения под г.Лодзь (Польша) в критический момент боя закрыли позиционный прорыв, неожиданно образовавшийся в порядках 2-й русской армии.

В марте 1915 г. в Карпатах у селения Рухотин в труднопроходимой местности храбро бросилась в атаку на роту австрийцев сотня казаков 15-го Донского казачьего Генерала Краснова 1-го полка во главе с хорунжим Фёдором Дмитриевичем Черевковым, уроженцем станицы Раздорской. После рукопашной атаки донцов от роты противника на поле боя осталось 106 павших, а 12 австрийцев попали в плен.

Хозяйственный уклад казаков

Земледелие и скотоводство

Основу хозяйственной жизни казаков станицы Раздорской составляло сельское хозяйство. Земля являлась собственностью юрта станицы. Юртовая земля делилась на три главные части. Одна предназначалась для хлебопашества, другая для выпаса скота, а третья для сенокосов.

По состоянию на 1900 год «...В общем довольствии станицы и юртовых хуторов находится 13012 десятин земли удобной и 4100 десятин неудобной земли, в том числе под лесом – 1342 десятины».

Кроме этого небольшая часть земли отводилась под огороды, бахчи, а влажные места под луга. Лес, который рос вдоль левобережья и на острове также являлся собственностью станицы, но в хозяйстве казаков он использовался исключительно как топливо и сырьё для плетения корзин, плетней и т.д.

Главным предметом земледелия считалось выращивание пшеницы. Пшеница преимущественно сеялась яровая. Далее в севообороте значительное место отводилось ячменю, менее значительное ржи, просу, овсу, гороху, чечевице, гречихе.

Согласно статистическим данным в 1900 году «Общественных хлебных магазинов в юрте станицы состоит 6, в которых к 1 апреля 1900 года было на лицо 300 четвертей хлеба».

С выращенным урожаем казаки распоряжались по-разному. Всё зависело от его количества, состава семьи. Но если были излишки, то их свозили для продажи в общественные и частные амбары-ссыпки. Они находились в районе бывшей пристани. Сюда казаки сдавали излишки не только хлеба, но и других продуктов земледелия.

Жители станицы занимались также овощеводством.

Земледелие и скотоводство

Важную роль в хозяйстве казака отводилось скотоводству. В чистом виде казака-скотовода не было. Но тот, кто занимался

земледелием, был в тоже время и скотоводом, т.к. почти каждый имел в своём хозяйстве быков, лошадей, коров, овец. Помимо того, что скот являлся основной тягловой силой, его также продавали, что приносило немалые доходы. Казак, снаряжаясь на службу, на вырученные деньги от продажи скота, покупал всю необходимую воинскую амуницию. К тому же он уходил на службу на своём собственном коне.

По состоянию на 1900 год в станице насчитывалось:

«У казаков: лошадей – 2073 голов, крупного скота – 7356, разного мелкого скота – 11564.

У иногородних: лошадей – 170, крупного скота – 2910, разного мелкого скота – 830».

Лошади были одной породы во всей Области войска Донского. До 1917 года в станице имелся станичный войсковой табун. Пасли его на специально отведённой территории – пастбищах под городом Александровск-Грушевский (ныне г. Шахты). Гулевой станичный скот занимались пасти калмыки.

Станичный войсковой табун содержали в специальном кирпичном сарае в Забалке. Обслуживали табун казаки, освобождённые от воинской службы. Главным у них был смотритель, который отчитывался за сохранность табуна перед станичным атаманом. Табун этот также служил резервом на случай войны.

Промыслы и ремёсла

Вспомогательным промыслом считалось у казаков рыболовство. В реке Дон водилось большое разнообразие рыбы. Рыбу вялили, сушили и продавали на городских рынках, что также приносило доход в семейный доход.

Жители станицы Раздорской занимались также пчеловодством, лозоплетением.

По состоянию на 1887 год в Раздорской насчитывалось 808 дворов, в которых проживало 4047 человек. Казаков было 3344 человек. Остальные мещане, крестьяне, чиновники. В станице были и ремесленники: пекари, мясники, портные, сапожники, кузнецы, бондари, плотники.

В начале XX века в Раздорской находилось 6 маслобоек, 2 кожевенных завода, 12 кузниц, 4 водяных и 24 ветряных мельницы.

В 1911-1912 г.г. в Раздорском приходском училище занимались шелководством. Своим занятием учителя заинтересовали не только учеников, но и жителей станицы.

По состоянию на 1915 год в станице Раздорской насчитывалось 846 дворов, в которых проживало 4817 человек. Соответственно в хуторе Пухляковский – 190 дворов и 1003 жителя. А в хуторе Каныгин было 347 дворов и проживало 1856 человек.

Виноградарство

Виноградарство

Станица Раздорская с давних времён славилась своими виноградниками. Раздорскую считают родиной знаменитой «Донской чаши» - мощной формировки виноградного куста дающего высокие урожаи.

Принято считать, что промышленное развитие виноградарства на Дону связано с Петром I. По его распоряжению в 1706 и 1722 годах вблизи станиц Раздорской и Цимлянкой были заведены виноградные сады. В районе этих станиц по правобережью Дона имелись разнообразные почвы, подпитанные родниками и хорошо прогреваемые солнцем. Такие условия были благоприятными для выращивания винограда.

Как следует из многочисленных архивных документов, своего наивысшего расцвета донское виноградарство достигло в XIX веке. Так в 1878 году в станице Раздорской, на протяжении 600 десятин по склонам рек Дона и Сухого Донца насчитывалось свыше 1200 виноградных садов, с производством 60 тысяч пудов белого (преимущественно) и красного сортов винограда.

Перед Первой мировой войной (1914 г.) общая протяжённость раздорских садов и виноградников достигла более 15 километров. Выращенный виноград казаки продавали здесь же в станице,

устроивая специальные балаганы или отвозили на Новочеркасский рынок. Цена за пуд винограда колебалась от 60 копеек до 1 рубля 70 копеек.

Раздорский виноград и вино славились на всю Область войска Донского. Поставляли их в крупнейшие магазины Санкт-Петербурга, Москвы.

В книге «Очерки географии Всевеликого Войска Донского» опубликованной в 1919 году имеются сведения о Раздорской и её юртовых хуторах Пухляковский и Каныгин: «...На Дону, возле Собачинской переправы, на правом берегу, стоит хутор Собачинский, недавно переименованный в Пухляковский. Это богатый и многолюдный хутор, центр виноградарства. Здесь же находится войсковая школа виноградарства и виноделия.

... В близком расстоянии от хутора Пухляковского - станция Раздорская. Она расположена на очень сильно изрезанном балками и оврагами месте, почему плохо распланирована. Богатство населения выражается в большом числе хороших кирпичных домов. Однако в станции нет ни больших лавок, ни иных торговых предприятий. В настоящее время население её достигает почти 5 тысяч жителей... Знаменитые раздорские виноградники – более 1200 садов – располагаются за станицей, по склонам правого берега Дона.

... Хутор Каныгин представляет также центр виноделия».

Сегодня, к сожалению, в станице Раздорской и соседних хуторах виноградники существуют лишь на частных подворьях. Правобережные склоны, как называли их сами казаки «Золотые горки», за то, что выращиваемый на них виноград приносил им достаток и всероссийскую славу, ныне заброшены и пустуют.

Торговля

Скотоводство было делом выгодным и необходимым в хозяйстве казака. Излишки его обычно продавались на ярмарке, которая проходила в станице Раздорской. Ярмарка начиналась 15 августа (по старому стилю) на праздник Успения. В это время проводилась так называемая скотская ярмарка. На ней раздорцы и казаки из окрестных станиц и хуторов торговали скотом. Скот обычно сбывался гуртовщикам, которые приходили на ярмарку из близлежащих городов и из центральных губерний России.

После окончания скотской ярмарки, с 19 августа в станице начиналась другая ярмарка – донская, где продавались многие промышленные товары.

На августовскую ярмарку сгонялось скота, привозилось материй и лесных материалов на сумму до 3 тысяч рублей. Во второй половине XIX века значение станицы стало быстро падать вследствие появления более крупных торгово-промышленных предприятий в городах, расположенных на железнодорожных линиях. На период 1910 года в станице было около 20 лавок с оборотом 50 тысяч рублей.

В Раздорской владельцем многих магазинов и лавок был Севрюгов. Крупными торговцами являлись казаки Терпугов и Устинов. Их дома, построенные соответственно в 1887 и 1914 годах сохранились и являются зданиями музея-заповедника. Музейным зданием является и торговая лавка казака Гусельщикова, построенная в конце XIX века.

В 1912 году в станице Раздорской было построено здание Торгово-акционерного общества (станичный банк), с просторным залом и подвалами для хранения товаров. В этом здании совершались торговые сделки, оформлялись кредиты. В настоящее время в здании расположен станичный клуб

Особенности казачьей архитектуры

Особые военно-исторические и природно-климатические условия на Дону выработали у казаков особый тип строительства жилых и хозяйственных построек. Донские казачьи станицы имели архитектурные отличия от других населённых пунктов российской империи. Показательна в этом плане станица Раздорская. Несмотря на тяжёлые социальные потрясения, выпавшие на её долю в советскую эпоху, в станице сохранились казачьи курени, флигели, дома торговых казаков, учебные и административные заведения конца XIX - начала XX веков. Они до сих пор хранят в себе дух казачьей старины.

В работе В.Д.Сухорукова «Статистическое описание земли войска Донского, составленное в 1822-1832 гг.» содержатся сведения о станицах Первого Донского округа:

<...>

2. Все дома содержатся в отличной чистоте даже у самых бедных казаков.

3. Большая часть домов покрыта камышом и соломой. Чиновники строят себе дома хотя и маленькие, но всегда красивые, с четырёх, пяти и шести комнатами. Покрывают лубом, тёсом, иногда железом.

4. Каждая станица имеет более или менее исправные пожарные принадлежности.

5. Лучшие станицы сего округа: **Раздорская**, Кочетовская, Мелиховская, разумеется по устройству домов и чистоте улиц».

С.Номикосов на период конца XIX века так описывает внешний вид и планировочные особенности казачьих построек низовых станиц: «Жилища в казачьем населении Области весьма характерны. Казаки называют свои дома **куреньями**. Это домики городской архитектуры снаружи, с оригинальным внутренним расположением. Казачий дом весьма характерен. Он всегда снабжён рундуком - род навеса на столбах или крытого балкона, по большей части с той стороны дома, где находится входная дверь; если нет рундука, то во всяком разе есть открытое крылечко с перильцами...

Двор казака далеко не всегда содержится с такой чистотою, как дом, и низовые казаки в этом отношении, далеко неряшливее верховых, у которых усадьба выглядит всегда хозяйственнее, домовитее. У казака-земледельца невдалеке от дома находится амбар, один или два смотря по зажиточности; далее следует сарай, в котором помещаются сельскохозяйственные орудия, а затем базы или загоны для скота с особым катухом для свиней и овчарником для овец. Надворные постройки и сама ограда строятся из подручных материалов: камня, лесу, самана, хворосту и т.д.

Самобеднейшие из казаков устраивают свои хижки таким образом: основа из тонкого дерева вершков двух в отрубе заплетается камышом, а затем стены, пол и потолок обмазываются глиной и жилище готово. У таких бедняков, кроме хижки, на дворе обыкновенно никаких более построек не бывает».

Казачий курень

Казачий курень

"Мой дом – моя крепость" – казаки с полным основанием могли бы подписаться под этим изречением. Казачье жилище совмещало в себе и место обитания, и оборонное сооружение. Кроме того, в нем явно прослеживаются черты самобытной древнейшей истории. Казачий курень – еще один довод против теории о происхождении казачества из беглого населения России.

Попытаемся рассмотреть альтернативную ей версию при помощи описания жилища казаков.

На Дону, на Днепре, на Кавказе, на Тереке люди жили с древнейших времен. Самым простым жилищем была полуземлянка, крытая камышом или соломой. Степняки – кочевники жили в "кибитках" (юртах) или в балаганах. Такие шатры – балаганы до сих пор ставят казаки на покосах или на полевых станах. **Курень** в классическом, древнейшем, забытом уже во времена половцев и неизвестном казакам виде – это шестигранная или восьмиугольная бревенчатая юрта, которая до сих пор встречается в Якутии.

На конструкцию традиционного казачьего жилища, которое они называют куренем, повлияла речная культура Нижнего Дона и Прикавказья, одинаковыми приемами строительства роднящая эти далекие друг от друга места с Дагестаном и Прикаспием.

Первые поселения возникали в плавнях – речных камышовых зарослях, где землянку не выкопаешь – вода близко. Поэтому жилища делали турлучные. Стены плели из двух рядов прутьев или камыша, а пространство между ними для тепла и прочности заполняли землей. Крыша была, безусловно, камышовая, с отверстием для выхода дыма. Но жить в таких сооружениях можно было тоже не везде. Широкие, многокилометровые разливы рек требовали особых построек – свайных. Воспоминания о них сохранились в названиях. "Чиганаки" – это и есть постройка на сваях. А жили в них люди племени "чигов". Не случайно, видно, верхнедонских казаков дразнят "чигой востропузой".

Черты свайной постройки легко читаются в современном казачьем жилище. **Казачий курень** – двухэтажный. Скорее всего, это не выросший до второго этажа "подклет", а воспоминание о сваях, на которых когда-то стояли жилища. Древнейшие поселения хазар располагались в низовья рек. Да и совсем недавно еще в Черкасске весной и осенью казаки ездили, друг к другу в гости на лодках, а сам городок в периоды разливов был непреступен.

Современный казачий курень

Современный курень – двухэтажный, "полукаменный", то есть первый этаж – кирпичный (прежде – саманный, из кирпича–сырца), второй - деревянный. Чем дальше на север, тем первый этаж ниже. А на Северском Донце он уже больше похож на подвал, хотя характерные черты казачьей постройки видны и здесь. Первый этаж, как правило, не жилой, а хозяйственный. Считалось, что "жить нужно в дереве, а припасы хранить в камне".

Но уже в начале XX века хозяева куреней спешно убирают верхний этаж. Это было связано с раскулачиванием донских казаков (1929). Такой дом был менее заметным и менее броским. После войны строили дома из деревянных пластин позднее – кирпичные, в которых практически не осталось элементов казачьего куреня.

Название "курень" – монгольское. Слово "куриться", то есть пускать легкий дым, к которому иногда возводят название казачьего жилища, не имеет к нему никакого отношения. Слово "курень" означает "круглый", еще шире – "гармоничный", если попробовать "расчленив" это слово и перевести, то вот, что получится: "куря" – круг, стойбище, расположение комнат в таком доме шло по кругу. Монголы куренем называли кочевья, окруженные телегами. Куренем же называли и отряд, оборонявший этот укрепленный лагерь. В этом значении слово бытовало у запорожцев. Куренем у запорожцев и у кубанцев назывался полк.

Донские историки, занимавшиеся проблемой происхождения куреня, пришли к выводу, что курень – по типу постройки,

новгородского происхождения, обычная окраска его в желтый цвет установилась, вероятно, преемственно от новгородцев.

Часто можно услышать высказывания знаменитостей о красоте казачьих станиц, основу которых составляют дома казаков – курени.

Вот, например, что сказал Ф.Крюков о Старочеркасске: "Поблизости к собору он напоминает до некоторой степени город: дома каменные, двухэтажные, довольно красивые. ...Но чем дальше я уходил от собора, тем более Старочеркасск превращался в самую обыкновенную низовую станицу: выкрашенные в желтую краску домики на высоких деревянных фундаментах, или с "низами", т.е. с нижним полуэтажом, с деревянными галерейками ("балясами") кругом, тесно лепились друг к другу, густая зелень маленьких садиков выглядывала на улицу через живописные развалины плетней..."

Путешествуя по Дону, Ф.Крюков не оставил без внимания и другие станицы. "...Мы подъезжали к станице Раздорской. Вид – необычный, небольшие домики, крытые тесом, железом, камышом, неправильно разбросанные по гористому берегу, желтые с белыми ставнями и белые с желтыми..."

А вот как отзывался о донских куренях В. Воронов: "...В палисадниках среди зелени и цветов – голубая диковинная резьба наличников, настоящая русская кружевная вязь, как во владимирских или ярославских деревнях..."

Строительство куреня

Прежде чем рассматривать архитектурные особенности и внутреннее убранство куреня целесообразно ознакомиться с этапами его строительства.

Строительство куреня начиналось с укладки фундамента, основным компонентом которого являлся ракушечник или песчаник. Также незаменимым элементом служила строительная глина, скрепляющая их. Фундамент постепенно переходил в стены первого этажа, то есть низов. Второй этаж был деревянный. Верхняя часть дома рубилась из местного леса: дубового, тополевого, ольхового, но бревенчатые стены встречались чрезвычайно редко: обыкновенно ствол обтесывали с четырех сторон и даже распиливали на толстые пластины; щели забивали глиной, обмазывали глиной снаружи и белили.

Появился тип "круглого дома", в три – четыре окна на улицу, одна стена чаще бывает просто глухая. Непременной особенностью казачьего куреня является балкончик и "галдарея", т.е. забранный досками наружный коридор. Балкончик, которым опоясан весь дом, у казаков называется – балясником. Не случайно, про женщин, которые сплетничали на таком балкончике, говорили, что они "лясы точат". Он служил для того, чтобы удобно было открывать и закрывать ставни. А так же для того, чтобы удобно было гостям, наблюдать в окнах семейные праздники (свадьбу, проводы) и далее вести беседу (сплетничать) о гостеприимстве хозяев. Крытое крылечко – рундук ведет с балясника в галдарею, куда вела внешняя лестница с парадным резным крыльцом с навесом наверху.

Во второй половине XIX столетия на карнизах, фронтонах, стойках крыльца и других деталях появился резной орнамент с очень сложным геометрическим рисунком, основу которого составлял характерный в донском казачьем прикладном искусстве мотив – виноградный ус, виноградная лоза.

Казачий курень

Резьбой покрывалась Широкая доска, которая прибивалась на фасаде под свесом крыши. В больших станицах уже в конце XVIII – начале XIX столетия стали строить вместо рундука балкон и крыльцо с резными стойками. Окна делились на две равные части: верхнюю – неподвижную и нижнюю – подвижную, которая по пазам поднималась вверх и закреплялась в нужном положении палочкой. Если посмотреть на казачий курень, то можно увидеть очень много окон, которые придают отличие казачьему куреню от великорусских и малорусских жилищ. Следует отметить, что окна располагались не только на втором этаже, но и на первом, в зависимости от вида куреня. Если первый этаж предполагался быть не жилым, то окна были лишь на втором этаже, а роль окон в низу выполняли небольшие отверстия, которые создавали сквозняк, необходимый для хранения продуктов. Общее количество окон в курене может достигать от 10 до 20. Снаружи окна закрывались одностворчатыми навесными ставнями,

для которых так же характерны тонкие декорированные композиции. Окна обычно украшены резными наличниками. Из дерева выпиливали разнообразные фигурки, которые не только украшали, но и выполняли роль оберега (т.к. казаки были суеверны): должны были защищать от злых сил, чар и колдовства недобрых людей. Особо затейливой резьбой декор казачьих куреней, однако, не отличается; казаки не плотники, а наемным плотникам некогда было заниматься тонкими работами.

Крыша куреня была четырехскатная, некрутая – градусов около тридцати. Крышу крыли камышом, чаканом, соломой, а позднее железом. Во избежание пожара, выровненный «под гребешок» или «под щетку» сноп ржаной соломы, перед тем как уложить на крышу, макали в глиняный раствор. «Под гребешок» крыли камышом. И ныне жив этот способ. «Изогнутый» похоже на рессору, с крупной чесалкой на выпуклой стороне. В прочесанном им камышовом снопе камышины лежали ровные, как струны, крыли с низу кверху, напуская на треть верхний ряд на нижний, иногда перевязывая снопы и всегда притужая жердями. Такая струнчатая крыша с тысячами камышовых отверстий, любимых ветром и пчелами, придавала дому неповторимый вид. Вершились четыре ската на прорез, как пальцы сквозь пальцы, щегольски.

Итак, дом готов. Готовый дом мазали. По стенам вбивали мелкие колышки: в щели, в трещины – чтобы лучше держалась обмазка. Позднее появилась клинцовка, решетовка – набитый – крест–накрест прутняк, а там и дранка. На обмазку глину замешивали с навозом, но без соломы; навоз был предпочтительный конский – сухой, рассыпчатый. Мазался сразу весь дом, поэтому звали много женщин.

Вымазанный, дом обычно стоял сутки. Затем две-три женщины подмазывали, затирали трещины, выглаживали неровности.

В дальнейшем у доброй хозяйки дом был, как конфетка. Она сама его «мазикала» каждый год жидкой глиной. Со временем обмазка приобрела каменную крепость.

Чердаку (полатам) окна не полагались. Входили туда по капитальной лестнице из прихожей. Лестница упиралась в оконышко в потолке, закрытое дверкой. Откидывая дверку вверх и на сторону, открывали дорогу на полатах свету. Его вполне хватало, чтобы не перепутать золотое ожерелье лука с цинковой, панучей связкой вяленых лещей. Всё на чердаке распределялось относительно дымохода и трубы, столпа. Сухо пахнувшие кирпичом и глиняной обмазкой горизонтальный дымоход (лежень) и труба венчали собой двухуровневую отопительную систему.

Казачий курень

После того как дом был «помазан» - его красили. Три цвета принимала старобытная казачья душа: голубой, синий, желтый.

Синька с мелом давала голубой и синий цвета. Желтая глина – желтый.

Глиной желтили также деревянные стены внутри и деревянные полы - «мосты». Первоначально деревянные полы не красились. Хозяйка «банила» их песком, с кирпичом, а после натирала глиной. Просохшие, они светились теплой солнечной желтизной. Деревянные стены каркасных и саманных построек красили в белый цвет, а ставни – в желтый. Часто ставни и карнизы делали синими.

Все эти цвета гармонировали с разноцветным степным многотравьем, желтыми головками подсолнухов, белыми облаками на открытом широком просторе голубого донского неба.

Итак, с точки зрения архитектурного строительства курень готов. Но прежде чем перейти к изучению внутреннего убранства, рассмотрим несколько видов куреней. Деление которых, связано с их архитектурными особенностями.

Архитектор С.И.Куликов, исследуя народное жилище Дона, показал, как постепенно шло развитие жилища от землянки с глинобитными полами, состоящей из одной теплой комнаты – избы, и холодных сеней – чана, - до многокомнатных жилых домов.

Сначала строили курени, состоящие из двух комнат, – прихожки и горницы - разделенных между собой печью. Такой дом получил название «пятистенки», потому что, кроме четырех наружных стен, в нем была внутренняя, разделявшая комнаты. К такому дому примыкали сени, чулан и галдарея.

С разделением первой комнаты на две – прихожку и стряпную – возник трехкомнатный курень, или круглый дом, получивший самое широкое распространение. Сени использовались как кладовка. В прихожке стояли топчан и табурет с ведром воды, над топчаном

висела жердочка для полотенца. Такие виды куреней выделил С.И. Куликов, а исследователи донской народной архитектуры выделяют до 5-ти и более типов куреней.

1-й тип: двухэтажная постройка с 2-мя или 4-мя крыльцами, с обходной галереей на уровне 2-го этажа. Дом имел вынос карниза до 1 метра, традиционный декор по деревянным конструкциям в 3-6 рядов, крыльца с декорированными «зонтами», резными стойками и балясинами по маршам лестниц и галерее.

2-й тип: полтораэтажная постройка. Первый этаж – цокольный с хозяйственными помещениями. Обходная галерея в уровне верхнего этажа с глубокой верандой на южном фасаде, 2 или 3 крыльца, одно из них парадное, без лестничного марша к земле. Фасады с различным пластическим решением.

3-й тип: похож на предыдущий. Но отделочный вход в цокольном этаже, обходная галерея и веранда на два фасада, с южной и западной сторон.

4-й тип: одноэтажная постройка на высоком цоколе. Курень имел узкий обход в уровне пола жилого этажа, бывали варианты без перил. Парадное кольцо без полумарша вниз на уличном фасаде и хозяйственное крыльцо с полумаршем во двор.

5-й тип: одноэтажная постройка на высоком цоколе без обходной галереи глубокой угловой верандой, на которую выходила дверь и 2 – 3 окна. Веранда имела парадное крыльцо с "зонтом" и полумаршем в уровень земли, ориентированным на улицу.

Внутреннее убранство куреня

Первый этаж куреня традиционно называется низы. В центре низов находится комната без окон, но с небольшими отверстиями в стене. Донские казаки называли эту комнату "холодной". Веками отработанные приемы строительства позволяли так построить "холодную", что в ней постоянно дул сквознячок, остывший в окружающих эту комнату каморах. В прежние времена в холодной легко можно было наблюдать такую картину: сладко пахнут пучки трав, горы яблок, арбузов, развешанный на нитках на сквознячке виноград; вся семья собирается, расстелив кошму на прохладном глиняном полу, пьет "взвар" или ест ледяные шипящие соленые арбузы в полдень, в

самую жару, когда над степью плывет в пыльном мареве жары испепеляющее солнце.

Коморы узким коридором окаймляют холодную по периметру при помощи окон – отверстий. Когда-то здесь в нишах хранилось оружие. Узкая единственная дверь (обязательно открывающаяся во внутрь, чтобы легко было подпереть ее бревном или камнем) вела на первый, заглубленный, этаж. Войти сюда можно было только по одному, согнувшись под низкой притолокой, и сразу ухнуть на две ступеньки вниз – мой дом – моя крепость.

Казачий курень. Гостевая комната

А в старину можно было грохнуться и ниже: прямо перед дверью устраивали "ловчий погреб" – яму с колом по середине, закрытую в обычное время деревянным щитом. Враг, ворвавшийся в курень, сразу же попадал туда. Вообще, в эту часть куреня чужие не ходили. Гости обычно поднимались по широким ступеням ("порожкам") на второй этаж и попадали на "балясы" – балкон-галерею, террасу. С террасы, пройдя по узкому коридору, мы попадаем в главную комнату (зала), которая всегда была готова к приему гостей. В переднем углу этой комнаты (левом напротив входа) располагалась божница (полка или киот, т.е. остекленная рама, шкафчик для икон), имевшая несколько икон в богатых серебряных окладах (тонкое металлическое покрытие на иконе, оставляющее открытым только изображение лиц и рук). Перед божницей висела зажженная лампада (небольшой сосуд с фитилем, наполненный деревянным маслом и зажигаемый перед иконой, перед божницей).

По божнице и между самими иконами висели в маленьких пучках засушенные травы и разные украшения из цветной бумаги и колосьев. Здесь же в углу, под святым образом (иконой) стоял стол, накрытый всегда чистой скатертью. Вдоль стен располагались лавки. В домах состоятельных казаков у одной из стен ставили еще несколько стульев, или из обычного дерева, или резные с высокими спинками из ценных пород деревьев.

Все стены залы были увешены оружием и сбруей. Ружья, сабли (шашки), кинжалы, пояса с серебряными пряжками, сафьяновые мешочки для пуль. Богатство парадной сбруи зависело от состоятельности хозяина дома.

В этой комнате стоял поставчик (постав) – шкаф для размещения посуды со стеклянными дверцами, через которые хорошо видна расставленная в порядке "гостевая" посуда. В центре зала всегда стоял стол. Накрытый скатертью и всегда готовый к приему гостей. У фасадной стены в одном простенке стоял цветок, а в другом висело зеркало, и стоял на полу сундук–скрытня, окованный железом. В правом углу размещалась кровать, покрытая байковым или сшитым из лоскутков одеялом. На каждом конце кровати лежали по две взбитые пуховые подушки. На окнах над кроватью вешали ситцевые занавески. Летом такими же занавесками завешивали печь, дверные проемы. Сундук–скрытню покрывали лоскутной постилкой. Украшением комнаты служили рисунки, гравюры с изображением битв, парадов, осад крепостей, а так же семейные фотографии в деревянных резных рамках или портреты лиц царской семьи, казачьих атаманов. На подоконниках и табуретках стояли в горшках комнатные цветы. Особенной любовью казачек пользовались герань, олеандры, кадки с которыми выставлялись на балконе.

Из залы дверь вела в спальню, где стояла большая кровать с горой перин и подушек из приданого хозяйки. Эту комнату казаки называли домушкой. Около кровати висела люлька для младенца, в ней он находился до 4-6 месяцев, а затем ее заменяли на кованную из железа качающуюся люльку.

В правом углу спальни должен стоять сундук, который, как и сундук-скрытня покрыт лоскутной постилкой. В таком сундуке хозяйка дома хранила приданное, одежду, украшения.

Спальня в казачем курене

В долгие зимние вечера хозяйка прядла пряжу, поэтому неотъемлемой частью спальни является прялка. Стены спальни, как и

стены зала, были украшены фотографиями, оружием, на окнах также были цветы.

При любом количестве комнат обязательно выделялась в самостоятельное помещение кухня, или стряпная, где готовили и ели пищу. В кухне, кроме печи для хлеба, размещалась плита для приготовления пищи и полки с домашней утварью. На полках и в шкафах–поставках расставлялись кастрюли и чугуны, миски, деревянные ложки, ведра, казаны и медные объемные кубы для воды. Для приготовления и хранения пищи пользовались также глиняной посудой, которая также располагалась на полочках поставов. Глиняные сосуды имели разнообразные формы и соответственно названия: кубышки (узкогорлые сосуды с широко раздутыми боками), махотки – низкие кувшины с широким горлом без ручек, по-русски – "крынка", макитры – большие широкие горшки, кувшины – вертикально вытянутые бочковатые сосуды с зауженным горлом с ручкой, носиком, иногда с крышкой и т.д. Для придания изделиям нарядного вида их покрывали "поливой": зеленой, синей, коричневой (глазурью из свинцовой слюды и оловянного пепла).

Донские курени отличались чистотой и нарядностью. Выходя из кухни, мы вновь попадем в коридор–галерею. Вот доказательство происхождения слова "курень", то есть расположение комнат по кругу, откуда мы вошли, туда же мы и вернулись.

В коридоре-галерее хозяйка хранила сбор лечебных трав, ближе к выходу стоял сундук, на котором были ведра с водой, над ними висело коромысло, при помощи которого казачки носили воду. Тут же вдоль стен могли стоять лавки, стулья.

Вот так в чистоте и уюте жили казаки в своих куренях.

Мебель зажиточного казачьего дома

Вниманию посетителей музея предлагается интерьер одной из комнат куреня, принадлежавшего зажиточному казаку. Находящуюся в ней мебель мог себе позволить не каждый станичник, а лишь тот, у кого на это были средства. Представленная экспозиция не имела цели воссоздать интерьер богатого дома. Здесь представлены отдельные предметы из обстановки «парадных комнат». Те казаки, которые по роду своей службы бывали в «Европе», получали представление о «красивой» архитектуре и богатом убранстве дома могли позволить себе заказать «красивый» дом и мебель.

Таких в станице Раздорской было немного. На центральной улице сохранилось всего несколько таких домов. Это дом, торгового казака Г.М.Устинова, дом Терпуговых, находящийся сегодня на капитальном ремонте.

Мебель зажиточного казачьего дома

Зажиточный станичник мог привезти понравившуюся мебель из-за границы. Перед вами зеркала, среди которых, вполне возможно, присутствуют «заморские» красавицы. При изготовлении рам зеркал применялась резьба. Можно отметить сколько фантазии и любви вложили мастера в изготовление этих великолепных изделий! Каждое из них не только служило для отражения красоты хозяйки дома, оно украшало сам дом. Зеркала были распространены широко. Они были, практически, в каждом доме.

Зеркала в богато декорированных рамах ассоциируются с периодом барокко: сложные профили карнизов; в то же время присутствуют стили орнаментов из других эпох – романский стиль (геометрический орнамент) и готика (лиственный).

Также достаточно широко, распространён был в станице гардероб.

Выдавая девушку замуж, давалось «за ней» приданое. В семьях по беднее это был сундук, а побогаче – гардероб.

Мебель зажиточного казачьего дома

Громоздкую мебель везти из-за границы было не только не сподручно и дорого, в этом просто не было необходимости. В станице Раздорской жил местный мастер – краснодеревщик Самойленко Василий Петрович. Буфеты и комод, представленные на экспозиции, изготовлены здесь в 20-е годы прошлого века.

Комод, практически лишённый декора, можно отнести к так называемой «столярной мебели». Такая мебель имеет ясные очертания без подражания архитектурным формам.

Декоры буфетов, напротив, перегружены элементами, относящимися к самым разным стилям мебели. Тимпан, пилястры представляют «ренессанс», акротерионы - это «готика», филёнки – «барокко», геометрический орнамент фризов – «романский стиль».

Кресло с высокой спинкой сделано в традициях классицизма с его строгими формами.

Кресло с гнутой спинкой принадлежит к разряду «венских».

Шкаф – филёнчатые двери (рамочно-филёночная вязка применялась с поздней готики), утраченный тимпан из эпохи Ренессанса, декоративные полуколонны (принадлежность классицизма).

Часы – явно привозные. Вещь в станице достаточно редкая, доступная избранным.

Все перечисленные выше экспонаты представлены в экспозиции и посетителю становится понятно, что хотя перед нами мебель

различных стилей, но от этого она не теряет своей прелести и создаёт впечатление изящества и красоты.

Донское казачество XVI - начале XX века: Психологический портрет и психоистория

(к постановке проблемы)

Изучение истории донского казачества имеет глубокие традиции в российской и местной историографии, однако вопросы психологии казачества специально не исследовались. Во второй половине XX в. в отечественной историографии заметно усилился интерес к исторической психологии, о чём свидетельствуют работы Б.Ф.Поршнева, А.П.Пронштейна, И.Г.Белявского, А.В.Шкуратова, С.С.Минц, Н.И.Павленко, Н.Я.Эйдельмана и других ученых. Тема рассматривалась в контексте социально-экономического развития и классовой борьбы народных масс, формирования общественного сознания господствовавшего класса, антикрепостнической идеологии крестьянства и казачества.

Наряду с изменениями, протекавшими в среде казачества, складывание его психологии неразрывно связано с этническими, конфессиональными, социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в Подонье-Приазовье, Северном Причерноморье и степном Предкавказье, в Российском государстве.

Психологию и психологический портрет донского казачества можно рассматривать как взаимосвязанные и развивавшиеся явления, они постоянно дополнялись и уточнялись. Эта мозаичная картина состояла из собственных представлений казачества о себе как составной части окружающей природы и физико-географической действительности, прошлой и настоящей социальной жизни, с одной стороны, и восприятия казачества современниками и потомками – с другой.

Психоистория донского казачества может быть представлена как групповые фантазии, как результат возникновения и эволюции вольных казачьих общин и их влияния на последующее восприятие российским обществом казачества как исторической общности, отличающейся от российского этноса по происхождению, условиям формирования, проживания, в правовом, культурном,

конфессиональном, социально-экономическом и политическом отношении.

Донское казачество, как целостный психокласс, включало казачество, дворянство, духовенство, торговое казачество. Одновременно с казачьим, они обладали собственным групповым сознанием, мотивацией поведения и деятельности, что предполагает их изучение и объяснение исторической мотивации.

Коллективному и индивидуальному сознанию, психологии казачества на каждом этапе жизни были присущи свои формы организации, через которые они отражались и реализовались, такие как, например, войсковые круги. Последние не только объединяли различные социальные группы, в них индивидуальные стремления, чаяния, мотивы поведения и желания синтезировались, обретали форму коллективного сознания и решения, познавательного процесса, предметной целенаправленной деятельности индивидов и сообщества в целом. В них складывалось индивидуальное и коллективное «Я», противостоявшее сообществу и внешнему миру (Московскому государству, кочевникам Дикого поля, российской бюрократии и т.д.).

Характерной чертой психологии казачества являлась образность мышления и восприятия как формы познания прошлого и настоящего, как отражения действительности. Отсюда постоянное обращение к природе и животному миру, мифологизация событий, сравнение сообщества с человеческим телом. Через образы также объяснялись потребности и мотивы поведения казачества, а также мотивации, обусловленные психологическим развитием индивидов и сообщества.

В исследованиях по истории Донского края периодизация казачества опиралась преимущественно на социально-экономические, политические и военные события, решения государственной власти; при этом психологические аспекты не рассматривались. В то же время осознание казачьими общинами себя как части славяно-русского этноса, военно-служилого сословия, самостоятельного народа, понимание своей роли в истории государства объясняют многие политические реалии в современной России. Изучение психологии казачества позволяет наметить новые подходы в периодизации его повествовательной истории, предложить этапы развития, исходя из психоистории казачества.

Изучение военной жизни и политической деятельности войсковых атаманов и старшин занимает важное место в донской и российской историографии. Однако в результате героизации и мифологизации жизни И.М.Краснощёкова, Д.Е. и С.Д.Ефремовых, А.И.Иловайского, М.И.Платова, Я.П.Бакланова, П.Н.Краснова и многих других выдающихся донских деятелей индивидуальные особенности и

вопросы онтогенеза личности не рассматриваются. В контексте изучения общепсихологических проблем казачества важной задачей является исследование психологии целостной личности наряду и в то же время в отличие от психологии целостного коллектива.

Как в повествовательной истории, так и при изучении психологии и психоистории, составлении психологического портрета донского казачества важную группу источников составляют акты материалы, делопроизводственная документация, дневники, записки, воспоминания, частная и деловая переписка, периодическая печать, знамёна, знаки отличия, символы и их трансформация.

Наряду с историческими методами – сравнительно-историческим, проблемно-хронологическим, историко-генетическим, системным и др., широко используется метод исторического наблюдения. Его задачей является не фиксация фактов и событий, а анализ мотивации и оценки поведения, выявления ассоциативных связей.

А.И.Агафонов,
Ростовский государственный университет

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

Район дельты реки Дон как ойконим известен с древнейших времен. Археологическими исследованиями разных лет доказаны факты обитания людей в дельте Дона еще в V в. до н.э.: фактически на острове, в месте изгиба реки и деления ее на два рукава, существовало поселение, названное учеными «Елизаветинским поселением». Жизнь здесь наблюдалась с V в. по сер. III в. до н.э., но, видимо, еще с конца VI в. до н.э., как отмечают некоторые исследователи, на берегу современного ерика Дугина скифская орда основала зимнее стойбище. [1; с. 9,65]. С появлением греков в дельтовой части реки появляются поселения и стоянки тех, кто ловил и заготавливал рыбу. В начале весны и осенью сюда за товаром приходили греческие галеры.

Вышесказанное подтверждается многочисленными находками на бывшем Елизаветинском поселении каменных грузил от больших сетей и неводов, а также фрагментами терракотовых статуэток близ современных хуторов Дугино и Рогожкино. Изделия эти принадлежали грекам.

Родоплеменная верхушка скифов быстро поняла значение торгового обмена с греками и другими соседями (савроматами, местами) и стала на этом богатеть.

К началу IV в. до н.э. Елизаветинское поселение превратилось в крупнейший центр греко-варварской торговли в Подонье-Приазовье. Так продолжалось до первой половины III в. до н.э., когда сарматы стали угрожать набегами жителям Елизаветинского поселения. После их ухода боспорские греки основали здесь небольшую торговую факторию — эмпорий. Но и он, просуществовав 10-15 лет, погиб при нашествии сарматов около 260 г. до н.э.

Новым политическим, экономическим и культурным центром Подонья - Приазовья становится Танаис - древнегреческий город-порт (в районе современного хут. Недвиговки, на правом берегу р. Мертвый Донец).

На берегах Дона, в дельте, выходцами из Прикубанья - земледельцами-меотами образуется ряд поселений. После нашествия гуннов и захвата ими в 370 г. Танаиса, жизнь в округе и самом центре изменяется, становится тревожнее и опаснее. Объемы торговли потихоньку сокращаются. Только на островах дельты Дона, у современных хуторов Дугино и Рогожкино, сохранились рыбацкие поселения.

В них по-прежнему выловленная и заготовленная рыба менялась на импортные товары, чаще на вино.

В первой половине V в. н.э. жизнь в Танаисе и в дельте Дона замирает.

В XI-XII вв. место это вновь становится оживленным и значимым, т.к. находилось на торговом пути из Киевской Руси в Византию.

Поселение это значилось как «Казачий ерик», «Casale de Rossi». Другими словами, в дельте Дона действует порт. Византия, имея неограниченную монополию на морские перевозки в Черноморье, поощряет предпринимательство соотечественников, в т.ч. в рыбной ловле. Византийцы нанимают для этого местных жителей.

Контроль за устьем Дона Византия сохраняла до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году, затем эта монополия по наследству перешла к Трапезундской империи.

Монголо-татары во время похода 1222-1223 гг. перерезали водный путь из Булгара в Константинополь, чем прервали поток товаров с Севера: бургасских мехов, белок, бобров и др. Однако византийцы продолжали мелкими судами бывать в дельте Дона и закупать огромные партии соленой рыбы, которую после везли для погрузки на большие корабли.

О пребывании венецианцев и генуэзцев в районе современного Азова (район порта) подробные сведения можно найти в «Очерках

истории Азова. Вып. 7», изданном в 2003 г. Азовским музеем-заповедником.

Сферу интересов италийцев по-прежнему составляли торговля и эксплуатация ресурсов Азовского моря и дельты Дона. В последнем случае они нередко покупали места, изобилующие рыбой, вели там лов, финансировали артели или полностью покупали рыболовные цеха.

После захвата в 1475 г. османскими войсками италийской Таны она стала портом и крепостью Азак Османской империи.

Поселений, сельхозугодий, за счет которых можно было бы снабжать гарнизон крепости продуктами (кроме рыбы), вокруг не было [1; с. 74]. Их везли из Крыма, Кафы, Трапезунда.

Взамен турецкие суда загружались рыбой, икрой, шкурами бобров, лисиц, кожами и т.п. Турецкий путешественник Эвлия Челеби указывает тех, кто занимался поставкой этих товаров, и, в первую очередь, рыбы купцам. Он пишет: «Если идти от этой (Водяной - Т.Ф.) башни на запад, к углу Топрак-Кале, то встретишь вдоль берега Дона ряд помещений для рыбачьих лодок и общим счетом триста справных и захудалых домов. И по всему берегу Дона расположены в ряд триста маленьких лавок.

На ночь в этих лавчонках никакого товара не оставляют. Его относят в крепость, а по утрам вновь приносят». [17; с. 203].

Таким образом, рыбным промыслом занимались представители местного населения - оставшиеся здесь греки, татары, даже потомки алан.

Турецкая перепись сер. XVI в. сообщает о 104 семействах рыбаков, проживавших в Топрак-Кале, рыбные садки находились западнее, рядом с пристанью, ниже Азака. [13; с.69].

Азак же получил наименование «султанского рыбного двора», а его рыбные промыслы защищались турками от донских казаков.

Казачьи поселения - «городки» - стали появляться на Дону уже во 2-й чегверти XVI в. Как отмечают исследователи, набеги их на турецкий Азак случались нередко.

Поэтому в сер. XVI в. султан в Константинополе издал специальные постановления о защите азакских рыбных промыслов [2; с. 79]. Охрану города со стороны реки несли пять фрегатов, лодки с янычарами и азапами (морскими пехотинцами).

Казаки не раз собирались «воевать Азов» и действительно нападали на крепость. Однако и от другого способа приблизиться к

нему они не отказывались - своими «городками» подбирались к Азову все ближе.

В 1592 г. крымский хан жаловался русскому царю на то, что казаки вновь возвели четыре городка, плотно заселив район почти у самого Азова.

Посмотрим, что это были за городки, и что означало слово «почти».

Исследователь В.Н. Королев приводит в своей работе список донских поселений, составленный П.П. Сахаровым, где перечислены все казачьи городки «с верховья от воронежских вотчин» и до низовий Дона. Последними там названы «Бесергенов, Маночь, Черкасской, Нижний городок. Самой нижней последней от Азова в 20 верстах». [7]. Следовательно, самый Нижний находился от Азова в 21,6 км, если иметь в виду версту путевую; если же автор росписи имел в виду версту межевую, то это расстояние превращается в 27-километровый путь. Однако ни один из источников не называет поселения казаков ни в самой дельте Дона, ни рядом с Азовом. Несколько позже, в 1623 г., ближайшим, по Сахарову, к Азову оставался уже не Нижний^[1], а Монастырский городок, а после мощного турецкого наступления в низовьях Дона погибли и Нижний, и Маноцкий, вслед за ними Черкасский и Монастырский. И Войску Донскому, - как пишет В.Н. Королев, «пришлось временно отступить с Нижнего Дона к Раздорам». [7].

Следовательно, речь идет о поселениях выше Азова и уж точно не в дельте Дона. Использование современниками фразы «близ Азова» служило скорее географической привязкой, нежели действительным местопребыванием топонимов.

В «Трудах Донского Войскового статистического комитета» за 1867 г., в первом выпуске, в разделе «Краткие исторические сведения о заселении Донского края» со ссылкой на наказ царскому послу Третьяку Губину (1521 г.) упоминаются пустые земли «от Азова вверх по Дону до Переволоки и до устья Медведицы». Однако, несмотря на пустоту, земли эти принадлежали частью азовцам (туркам), частью - татарам. Спустя пятьдесят лет земли эти уже были заняты казаками. Произошло это в 1570 г., когда в Турцию был направлен царский посол И. Новосильцев. С тех пор у места, где от главного русла Дона отделялся его рукав Каланча и впадал ерик Посольский (Посоцкий), стал происходить обмен послами между турецкой и российской сторонами.

Именно отсюда, «от Каланчи... которые... донские атаманы и казаки провожали нас, и те воротились как пришла встреча из Азова»,

- сообщал в Москву в 1592 г., ехавший послом в Турцию, Г. Нащокин [11; с. 51].

Как видим, рубеж этот был закреплен и действовал длительное время. И во II пол. XVII в. граница турецких владений по-прежнему будет проходить у «каланченского верхнева устья на перевозе, где послов принимали и отдавали» [11; с. 51].

При этом и турки, и казаки неоднократно предпринимали попытки «перенести» эту границу в свою пользу - турки старались как можно выше (вверх по Дону) вытеснить казаков. Но в 1637 г. донские казаки вытеснили из Азова турок, сделав его почти на пять лет столицей Войска Донского (до 1642 г.). [10; с. 42].

После Азовского сидения государственная власть в России все меньше мирилась с независимой внешней политикой Войска Донского, с гражданским патриархально-демократическим бытом и управлением казаков. Поэтому, жалуя привилегиями, правительство всеми способами старалось превратить Войско Донское пусть в особое, но зависимое от него сословие России.

Что касается рыбных угодий, то для казаков наиболее привлекательным оставалось устье Дона. Но здесь все еще господствовала

Турция, которая сама эксплуатировала рыбные богатства края. Самым близким к Азову местом пребывания донских казаков оставался Черкасск. Турки по-прежнему не допускали казаков к морю и дельте Дона, создавали угрозу для южной России: в 1660-1663 гг. в устье Дона, чуть выше места, где река делится на два рукава, турки построили две сторожевые башни, а чуть позже на Мертвом Донце, на его левом берегу, соорудили небольшую крепость Сед-Ислам (у казаков она называлась Лютик).

Но, как показали реальные события, Турция уже не имела прежней силы влияния в Приазовье.

Кульминацией борьбы России за Азов стали первый (1695 г.) и второй (1696 г.) походы Петра I.

После азовских походов Петра I и взятия Азова в 1696 году Россия в новых условиях сможет продвинуться в Подонье-Приазовье, создать опорные пункты для строительства крепостей - сначала Азовской и Таганрогской, позже - Аннинской (1730-1731) и Дм. Ростовского (1749).

С 1696 г. под прикрытием Азова и Лютика стало возможным появление в дельте Дона казаков, а также пришлых людей из разных российских мест. Фактически с этого времени можно говорить о

зарождении тех поселений, которые и поныне сохранились в дельте Дона.

Река и ее протоки изобиловали рыбой, много было здесь осетра. Еще в 1696 г., близ нынешнего х. Петровского, для взятия Азова была устроена батарея, ниже находилась тоня, где по легенде ловили рыбу для Петра I во времена II похода на Азов. Тоня стала называться Государевой. После этих событий казаки и гарнизон крепости пользовались ею, но непременно спорили. Хутор же возникший, видимо, уже после 1774 года, получил название Государев.

Другим ранним, но тоже после 1774 года, поселением казаков под Азовом можно считать Щучий стан.

Однако некоторые исследователи называют другую, более раннюю, дату основания поселения на месте станицы.

Полковник генштаба Российской армии П.С. Балув в своей работе «Исторические и статистические описания станицам и городкам, посещенных г-ном Военным министром, при объезде его превосходительством Области Войска Донского в 1900 году» сообщает, что после взятия Азова в 1696 году «казаки заняли это место, разбили его для строения городка и поставили крест» [4; с. 186].

Автор имел в виду место на правой стороне Дона, где река огибает сушу и делится затем на два рукава.

Но ниже П. Балув дает историю появления станицы и относит время возникновения здесь первого городка к 1593 году, т.е. ко времени нахождения этой территории в составе Османской империи, пребывавшей тогда в зените своей военной и политической мощи. Полковник ошибочно соединил в один сразу два факта: появление «близ Азова» Монастырского городка и место приема и передачи турецких и русских послов у ерика Посольского. Ерик действительно находился у Азова, но дата 1593 год, связана с другим местом. В «Истории Донского войска» Вл. Броневского (С. Петербург, 1834 г.) под этой датой обозначено появление городка на Монастырском яру, что более чем в 20 верстах от Азова и который турки категорически требовали снести и дважды в 1635 году вместе с татарами пытались уничтожить.

Вызывает сомнение и сам факт того, что ниже турецкой границы (проходила выше Азова и раздела Дона на рукава) мог находиться казачий городок. Утверждение явно не соответствовало действительности [7; с. 81; 3; с. 115]. Событие же 1699 г., сохранившееся как легенда, на наш взгляд, имеет под собой больше правды, нежели то, что отнесено Балувым к 1593 году. В «Историческом описании земли Войска Донского», на стр. 380 указываются все городки казаков, существовавшие по Дону и не

менявшиеся количественно с кон. XVII в. до Булавинского восстания. Поселений в дельте Дона здесь не указано.

После присоединения Азова и устьев Дона в 1700 году к России территория эта по реформе Областного управления 1708 г. была отнесена вместе с Войском Донским к учрежденной Азовской губернии. По условиям же Прутского мирного договора (12 июля 1711 г.) Россия вынуждена была возвратить Азов Турции, а вновь построенные города в округе подлежали разрушению.

Никаких поселений в округе Азова не упоминалось и автором монографии «Дон и степное Предкавказье. XVIII - первая половина XIX в.», профессором А.П. Пронштейном, который утверждал, что земля Донская была малообжитой и являлась объектом для разбойных набегов как турок, так и крымских ханов и ногайских мурз. В таких условиях под боком у турок вряд ли могло спокойно располагаться какое-либо казачье поселение. К тому же земли устья Дона и юго-восточного побережья Азовского моря оставались барьерными вплоть до 1774 года. По условиям «барьеры» жить здесь никто не мог.

На Дону межевания земель никогда не было, то и границ казачьим владениям никто не определял. Не указывались границы и в жалованных грамотах царствующих особ.

Только в 1766 г. начато будет межевание казачьим землям. Оно продлится 20 лет, т.е. до 1786 года. За это время Азов и Приазовье, а также территория между Доном и Кубанью отойдут к России в результате русско-турецкой войны 1768-1774 годов.

Устье Дона, восточное и юго-восточное побережья: Азовского моря оказались, согласно «Карте всей земли Войска Донского», в составе владений донских казаков. 10 октября 1786 года Екатерина II начертала на ней: «Быть по сему». Однако на Дон документ этот был явлен позже — в 1793 г., 3 июня.

Получив карту земель и право на ее использование в соответствии с жалованной грамотой, казачество пожелало установить границы с соседями.

Последняя четверть XVIII в. была отмечена новой, более активной колонизацией Юга при поддержке государства. Так на Дону уже в 60-70-х годах формируются большие группы неказачьего населения - крестьяне, промысловики, оземейные, бурлаки (беглые), купцы. Для развития торговли и в целом экономического роста из Крыма и Турции в Приазовье и на берег Нижнего Дона по указу Екатерины II переселяются греки и армяне. С этого же времени очень быстро начинает заселяться Приазовье и дельта Дона.

Следует отметить, что в Приазовье московское правительство позволило поселиться значительным массам неказачьего населения. «Посреди владений казачьих» были отведены земли Ростовскому уезду и Таганрогскому градоначальству. Произошло это после того, как были для защиты «от набегов горских народов и турок...» построены крепости Троицкая (Таганрогская) и Св. Дмитрия Ростовского, а затем «разными случаями умножились близ крепостей поселения иногородцев, тогда отведены были для них из казачьих земель достаточные земли, сделавшие поселения сии прочными». [16; с. 9].

В 1795-96 гг. состоялось межевание земель Войска Донского. На стыке с Ростовским уездом Екатеринославского наместничества (позже Екатеринославской губернии) граница проходила по гирлу Свиному, далее по левому берегу Старого Дона, до устья Ерика Петровского на правом берегу, по нему - до истока ерика Дедерюгина, затем у начала Каланчи межа через Дон вновь переходила на левый берег, огибала излучину Дона и через ерик Рыгин устремлялась по суходолу к речке Койсуг, затем вновь поворачивала на север и шла по этой же речке к устью р. Чертановки, впадавшей в Койсуг, а по ней на восток до ерика Чмутова и вновь на северо-восток до р. Дон. Таким образом, почти вся территория дельты была отмежевана Войску Донскому.

В Задонской части размежевание земель Ростовского уезда и Войска Донского будет проводиться уже в начале XIX века.

В земле Войска Донского к концу XVIII в. - 109 станиц (бывших станов и городков).

В списках казачьих городков, составленных А. Ригельманом, в описи 1776 г., наконец, в работе русского просветителя XVIII в. Н.И. Новикова «Вивлиофика» (1791 г.) есть перечень и краткие сведения о донских станицах. Число их почти не менялось. Самыми крупными, не считая Черкаска, были верховые с числом от 400 до 340 дворов. Станицы под названием «Елисаветинская» нами на этот период не встречено. Однако поселение здесь уже существовало и носило имя «Казачий» или «Щучий стан».

Об этом мы узнаём из работы полковника генштаба русской армии П.С. Балуева «Исторические и статистические описания станицам и городкам, посещенных г-ном Военным Министром при объезде его Превосходительством области Войска Донского в 1900 г.». Он пишет: «С присоединением Азова в 1769 г. здесь стали быстро развиваться казачьи рыбоспетные заводы, а после образовался стан Казачий (Щучий)» [4].

Щучьим стал называться и бывший Посольский (или Посоцкий) ерик. Рыбачий стан под таким же названием - «Щучий» - упоминается еще одним исследователем истории Войска Донского полковником генерального штаба Н.И. Красновым в работе «Военное обозрение земли Войска Донского»^[2]. Название это встречается и в официальных документах. Так, в «Памятной книжке Войска Донского за 1868 г.» в разделе «Населенные местности» по Черкасскому округу указана «Елисаветовская (Щучья), казачья станица при реке Дон» [4].

В 1796 г. поселение, согласно церковной ведомости, упомянуто как Казачий стан. В 1801 году генерал князь Горчаков, представлявший Военное Министерство в Восковой канцелярии, ходатайствовал о выдаче станичным юртам специальных грамот, коими обозначались бы их границы в пределах округов, размер земельного довольствия казаков.

В 1802 г., прикрываясь старинными названиями, имперское правительство вводит на Дону принципы губернского правления - земли казаков были разделены на 7 округов, соответствовавших российским уездам (районам). В один из них - Черкасский вошла территория дельты Дона, т.е. та, где и сегодня существуют населенные пункты, в их числе ст. Елизаветинская, ставшая самым низовым казачьим поселением на Дону.

Согласно данным «Статистического описания земли Донских казаков, составленном в 1822-1832 гг.» Щучий стан (он же Казачий) в 1807 г. был удостоен чести носить имя супруги Александра I Елизаветы Алексеевны. С этого года поселение именуется «Елисаветовской станицей» [16; с. 153].

А вот что сообщал в 1902 г. по этому поводу настоятель Покровской церкви станицы Елизаветинской Дмитрий Орлов на запрос из Харькова, для XII Археологического съезда: «При основании станицы прежнее её название было «Казачий стан», первыми поселенцами здесь до 1790-х годов были «казаки станиц Черкасской, Аксайской, Роговской (ныне Александровской) и малороссы, приписанные за этими станицами». [5; ф. Р-697.].

Люди эти на острове собирались на лето и осень для рыболовства, жили в шалашах, «и только с половины XVIII столетия стали появляться дома, сначала на столбах, а потом на насыпях», так как местность затоплялась полою водою верст на семь. Вот этот стан и стали звать «Щучьим» по ерику, где ловились в большом количестве щуки [5; ф. Р-697.].

Как видим, сведения эти почти не расходятся с другими источниками. Быстрый рост населения Казачьего (Щучьего) стана и обстоятельства экономического плана привели к тому, что близ него

стали возникать рыбопромысловые и рыбоперерабатывающие пункты - хутора с рыбацкими жилищами и «спетными» заводами. Заводили такие хутора как жители Щучьего стана, так и войсковые старшины, которые особенно с сер. XVIII в. стали активно захватывать свободные земли.

В хуторах легче можно было спрятать беглецов, чем в станицах. Несмотря на запрет войсковой канцелярии «заводить хутора», эта система хозяйствования успешно развивалась. Более того, в ряде случаев хутора эти положили начало новым поселениям, сохранившимся и поныне в округе станицы.

Такова история хутора Абухова (Обухов), появившегося почти одновременно с Казачьим (Щучьим) станом.

В полевых журналах станицы за 1838 год, в разделе «О слободах, поселениях, хуторах и мельницах в первом участке юрта» упоминается «Абуховка с правой стороны Каланчи ниже устья Казачьего ерика и Казачий Ерик по обеим сторонам...» этого же ерика. О них сказано, что они «присоединены к станице Елисаветинской» [5; ф. 429.]. Хутор Абухова (Обухов) ранее 1838 г. нигде более не встречен. По нашему мнению, название хутора происходит от фамилии (прозвища) основателя - некоего Абухова (Обухова). Носители такой фамилии отмечены были исследователями в семи станицах Дона. Один из представителей этого казачьего рода, видимо, еще в конце XVIII века устроил здесь рыбоспетный завод, а затем поселение, известное сегодня как «Обуховка».

Антропонимами являются названия еще нескольких дельтовых хуторов. Так, поселение, находящееся ниже Обуховки, получило свое название по прозвищной фамилии его основателя Рогожкина - «хутор Рогожкина», «Рогожкин».

Аналогичным образом, но в удалении на юго-восток от Щучьего (Казачьего) стана, возникнет «хутор Койсугский». Однако его название связано не с конкретным человеком (или группой людей), а с названием речки Койсуг. В этом случае топоним является чистым гидронимом. Жители хутора занимались рыбным промыслом, разведением скота.

Выше ст. Елисаветинской есть хутор Шмат (Шматов). Судя по названию, он был основан конкретным человеком, чье прозвище звучало как «шмат» (от «шмат» - кусок, ломоть; «шматовать» рвать, резать на части), указывало на род его занятия, связанного с кулинарией (возможно, рыбной). Сведений о времени возникновения хутора, а также других данных нами пока не обнаружено.

Попытки описания границ Елисаветинского юрта, в т.ч. на стыке с Азовом были зафиксированы в документах под 1796, затем под 1816

годами. Но они сгорели в межевой комиссии [5; ф.229.]. Наиболее полно и точно границы юрта были обозначены в полевых журналах комиссии для размежевания земель Войска Донского. Эти документы датированы 1838 г.

Граница Елизаветинского юрта была установлена решением Правительства Сената в 1852 г. и утверждена в 1855 г. [5; ф.229].

Тогда же были составлены межевые книги на три, чрезполосно расположенных, участка, вошедших в юрт станицы: Нагорный, Задонский и Займищный.

По положению 1835 г. помещики обязаны были вывести за границы юртов своих крестьян с землями.

Еще в 1819 г. был создан «Комитет об устройстве Войска Донского». В его работе сразу же наметились две линии: донские дворяне и чиновники ничего не хотели менять в сложившейся системе владения землей и крестьянами, в устройстве власти, что давало им возможность нарушать законы в отношении казачества; правительство же стремилось к созданию военных поселений в стране и к ликвидации в будущем политической самостоятельности Войска Донского. Во втором подходе предусматривалось значительное ограничение власти старшин, в т.ч. в плане захвата ими войсковых и юртовых земель.

Но разобраться с наработками Комитета во времена Александра I не успели.

Правительство хоть и приняло курс на сохранение казачьего войска с ограничением возможности захвата новых земель у казаков дворянами, но и сложившуюся к этому времени систему дворянского землевладения на Дону оно не затронуло.

К этому времени земля войска Донского была поделена на 7 округов.

Их возглавили сыскные начальства. В военном отношении деление было иным - на четыре округа, которыми руководили окружные генералы.

Границы юртов вплоть до начала 1820-х годов оставались неточными, что продолжало вызывать споры у сторон. К тому же, внутри границ Войска, на северо-востоке и на юго-западе его территории располагались не подчинявшиеся ему административно-территориальные образования - Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство.

Поводом для споров между азовцами и жителями елизаветинского юрта было даже пользование камышом. Это

растение на Дону традиционно использовалось для топлива, в качестве кровельного и даже строительного материала.

Традиционно заготовкой камыша и азовцы и елизаветинцы занимались в Войсковом займище, в гирлах Дона.

Вопрос этот был настолько серьезен и важен для низовий Дона, что он стал предметом обсуждений в самых высоких инстанциях ещё в конце XVIII века, т.к. 27 февраля 1800 года последовало Высочайшее повеление о правилах пользования этим, почти стратегическим в условиях местности, сырьем. Указ Павла I позволял азовцам без ограничений пользоваться камышом в займищном участке дельты Дона. Выявлено это было «временными обстоятельствами квартированием и продовольствием в то время большого количества войска в Ростовском уезде» [5; ф.229, оп.3, д.336, л.56].

Займищную (дельтовую) часть Дона закон 1835 года закрепил за Войском Донским, но в нем ничего не говорилось о правилах въезда туда азовцев. А раз так, то военное министерство сочло трения между спорящими сторонами недоразумением и рекомендовало областному правлению допускать азовцев к рубке камыша, но не безденежно, но если денег нет, а камыша в избытке - давать рубить его бесплатно [5; ф.229, оп.3, д.336, л.56,69].

По закону 1835 года, рубка камыша начиналась с места и срока, определяемых обычно станичным обществом. Это совпадало обычно с периодом созревания растения - с сентябрем. Но как утверждал окружной начальник на запрос войскового наказного атамана жители посада Азов, не дожидаясь этого срока, начинали его рубку «без всякого порядка», неизменно выбирая лучший. Такое положение приводило к столкновениям сторон вплоть до применения силы.

Прийти к соглашению не удавалось. Поэтому в октябре 1875 года атаман ст. Елизаветинской Закаляев, урядники Евграф Сидоренков и Николай Панфилов обратились по поручению общества к войсковому наказному атаману Н.А. Краснокутскому с просьбой принять от них доверенность «на защиту их земельных и водных угодьев» от посягательств азовцев, кагальничан и круглянцев [5; ф.229, оп.3, д.336, л.8,10].

Вопрос о земле становился главным.

В «Положении об управлении войском Донским», утвержденном 26 мая 1835 года, была закреплена сложившаяся система организации власти и управления на Дону.

Система выборов стала многоступенчатой и во многом носила декларативный характер, т.к. большинство казаков и даже дворян не

могли лично участвовать в выборах, только через выборщиков. Выбранный станичниками атаман опять же должен был утверждаться наказным атаманом.

Наконец, документ определил и закрепил земельное устройство Войска Донского.

Вся земля предназначалась для юртового надела станиц, помещичьих крестьян, калмыков, для содержания частных конных табунов, пастбищ скота и пр.

Земли крестьян обращались в потомственную собственность их владельцев.

В границах Войска оставались также запасные земли (войсковой запас): для увеличения станичных юртов по мере надобности, а также для наделения чиновников пожизненными участками [6].

По закону от 28 мая 1835 года, землю для каждой станицы следовало нарезать «по числу жителей такое количество..., которое в сложности составило бы по 30 десятин на душу».

Станичные земли подлежали обмежеванию, а помещичьи крестьяне выселению за пределы юрта. Межеванием занялась специально созданная комиссия. В ГАРО сохранились полевые журналы по обмежеванию юрта станицы Елизаветинской, датированные 1838 годом.

Согласно этим документам территория юрта состояла из трех участков - Нагорного, Займищного и Задонского.

Нагорный участок на северо-западе имел границу с территорией Ростовского уезда, начинался от слободы Синявки и речки Донской Чулек, проходил по левому берегу реки Мертвый Донец, захватывая балки Ворошкина, Васильева, Заячью, Большую Камышеваху. В границах этого участка на 1838 год из населенных пунктов находилась слобода Синявка^[3], принадлежавшая трем казакам: сотнику Ивану Ханженкову, полковнику Дмитрию Леонову и Бобрикову. В участке также названы хутора Солдатов^[4], Щедров^[5], пос. Лукьянов^[6], Ханженков^[7], снова хутора Сенькин и Сидоров (на правой стороне р.Морской Чулек, выше балки Ворошкиной)^[8], хутор Сысоев^[9], хутор Номикосов (после Быкадоров, Зверев)^[10], пос. Мержанов^[11]. Это были владения казаков и старшин. По данным межевой книги Нагорного участка в нем на 1852 г. было:

- пашенной земли 2 785 дес. 320 кв. сажень;
- степи, способной к землепашеству 1339 дес. 600 кв. сажень;
- степных и луговых покосов 680 дес. 150 кв. сажень;
- лесу (вербы), кустарников 43 дес. 1814 кв. сажень;

- под селениями, гумнами, дорогами, церковью, неудобными землями, речками и болотами ещё 601 дес. 1935 кв. саженой, а в общей сумме площадь участка равнялась 5450 дес. 19 кв. саженьям [5; ф.429, оп.8, д.377, лл.1; 25]. Граница между этим участком Елизаветинского юрта и землями ст. Гниловской проходила по живой линии р. Лагутник.

[3] Основана в 1770 г. адмиралом Сенявиным, но в 1775 г. забрана у него в ответ на жалобу ВД (Указ.соч.А. Пронштейна.с. 10).

[4] Основан казаком ст. Гниловской Солдатовым.

[5] Основал войсковой старшина Щедров.

[6] пос. Лукьянов основал казак ст. Елизаветинской хорунжий Семен Лукьянов.

[7] пос. Ханженков основал сотник Иван Ханженков.

[8] Фактически это один хутор подполковника Ивана Лютинского.

[9] х. Сысоев основал казак - однодворец из Гниловской станицы.

[10] Старшинский хутор принадлежал разным владельцам.

[11] х. Мержанов основан есаулом Новочеркаска Василием Мержановым (ГАРО, ф.429, оп.1, д.324, л.3-4).

Следующий участок - Займищный - почти полностью имел неудобные (заливаемые в период половодья) земли. Его территорию пересекали речки Каланча, Мокрая и Сухая Каланчи, Кутерьма, река Дон, множество ериков. Удобные же земли в этом участке имелись только «при курганах Пяти братьев, между озерами Панским и Доном, примерно в длину - полторы версты, в ширину - на полверсты и луговые места о Дона и панских озер до станицы Елизаветинской, по Дугину ерику до бугров хлебопахотных и от ерика Бубнова по над старою Кутерьмою до лимана Середина и реки Лагутника, а также между Каланчою и Доном по ерику Дедерюгину, от ерика Петровского с правой стороны до Каланчи, и от ерика Островского и Дона по над Каланчою до Мокрой Каланчи... и с левой стороны реки Койсуга...» [5; ф.429, оп.1, д.324, л.1].

Именно в этом участке находилась станица Елизаветинская и её основные хутора. В «Статистическом описании земли Донских казаков» сказано, что хутора Черкасского округа «...ничто иное как большие казачьи хутора, выселенные от станиц для удобства промыслов» [16; с. 154]. Но этот же источник дает иную оценку хуторам (четырем селениям) Елизаветинской станицы «они более других заслуживают внимания» (речь идет о хуторах: Государево, Колузаевское, Койсугское, Рогожкино). Авторы упомянули Обуховку,

но не как самостоятельное поселение: «Станица Елизаветинская лежит частью на правой стороне Дона, а другими частями по обеим сторонам Казачьего ерика и Каланчи, эта последняя часть станицы называется обуховскою - сообщает Н.И. Краснов [«Военное обозрение земли Войска Донского», с. 98].

Вовсе нет никаких упоминаний о сколько-нибудь значимом поселении на месте современного хутора Дугино у устья одноименного ерика. О самом ерике сказано, что он «временно пересыхает» [ГАРО, ф.429, оп.1, д.324, л.2]. Объяснений по поводу названия пока не встречено.

Однако на 1843 г. в составе населенных мест на землях Елизаветинского юрта будет указано 5 зимников^[12], но ничего не сказано об их владельцах.

Наконец, Задонский участок.

В нем, как сказано в полевом журнале, «одна речка Эльбузда^[13] составляет всю водность участка, балки же Бурханова, Цукорова, Бирючья, Кугой (Кононова), Лазарева и Чубурки Сухой временно воду имеют в колодезях или копанях». В этом же участке находились хутора Слюсарев (есаула Павла Слюсарева), Бирюченский (по названию балки)^[14], хутор Кугейский (на вершине Кугейской балки). Правда, после съемки 1822 г. на плане он не значился. На территории же участка был хутор Стрюкачев (при урочище Кугой), при этом же урочище - зимники войскового старшины Браиловского и Сысоева (последний - казак ст. Гниловской) [5; ф.429, оп.1, д.324, л.4].

По генеральному межеванию (1796 г.) за Елизаветинским юртом числилось 65942 дес. 1387 кв. саженой земли [5; ф.229, оп.3, ч.2, л.59, об]. Займищный и Задонский участки юрта занимали немногим более 60000 дес. земли. Следовательно, самым «скромным» в юрте был Нагорный участок.

Каким же образом распределялась земля внутри юрта?

«Положение...» 1835 года, а затем решение Государственного Совета от 21 апреля 1869 года утвердили размер земельного довольствия (пай) в казачьих станицах; 30 дес. удобной земли на мужскую душу и по 300 дес. тем станицам, где были приходские церкви. В казачий пай входили усадебные земли, пашня, выгон для скота, огороды, сады, ливады^[15], луга, леса. В дальнейшем наделение землей жителей станиц должно было происходить за счет прирезывания свободных войсковых земель. В Черкасском округе, куда входила ст. Елизаветинская, запасные земли первой категории находились в приморской полосе на юго-западе: по балке и речкам Чубурке и Мокрой Чубурке, а также от моря до перемычки выше хутора Мокро-Чубурского. Это была западная часть отдела запасных

земель. Запасные участки второй категории располагались на восток от х. Мокро-Чубурского до правого берега р. Эльбузды. И, наконец, снова на восток от р. Эльбузды по речкам Мокрый Кагальник и Куго-Еи находились резервные земли третьей категории. [15; с. 69].

При наделении в 1836 г. землю, проживавших в станице казаков (1596 мужских душ), на них пришлось 47880 десятин, т.е. по 30 десятин на одну мужскую душу [5; ф.301, оп.17, д.336, л.4].

«Станица Елизаветинская строениями одинакова со станицею Гниловскою, но расположена удобнее», - сообщает автор «Статистического описания...». Жилища казаков от Аксая до Азова «чисты до излишества», в них, как правило, 3 комнаты - «стряпная, спальня и чистая, или зала». [15; с. 143]. Более подробное описание низовых станиц, в т.ч. Елизаветинской, дает член-секретарь ОВД коллежский советник Семен Номикосов в своем «Статистическом описании области Войска Донского», изданном в 1884 г. в Новочеркасске. Автор относит станицу к числу больших низовых станиц, отмечает, что дома здесь «преимущественно деревянные, иногда двухэтажные, всегда прочно и довольно красиво выстроенные, у зажиточных людей в доме от 3 до 5 комнат, у бедных две, иногда три» (с. 306). *Казачий дом почти всегда имел рундук - род навеса на столбах или крытого балкона с входной дверью или открытым крыльцом с перильцами. Сам дом называли куренем. Его стены снаружи окрашивали в охристый цвет.*

В период до 1843 г. в станице и ее хуторах было открыто полсотни торговых лавок, четыре питейных дома, девять частных кузниц, две ветряные мельницы, два кирпичных завода. Правда строения по-прежнему большей частью были деревянные. Только станичное правление, приходское училище (1833 г.), церковь да четыре дома богатых казаков и дворян красовались красным кирпичом.

Главным украшением станицы была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, которую построили к 1824 году на месте деревянной, купленной и перевезенной из Аксайской станицы еще в 1793 г., 13 февраля. Но та церковь из-за ежегодных наводнений обветшала, поэтому пришлось строить новую.

Покровская церковь строилась из камня, с колокольнею и тремя престолами: во имя Покрова Божьей Матери, в честь первоверховных апостолов Петра и Павла, в честь Великомученицы Параскевы (Пятницы).

Вот как выглядела церковь по имущественной описи, выполненной по Указу Новочеркасской духовной консистории в 1843 г. «Оная церковь и при ней колокольня... сооружены тщанием прихожан в 1824 году и освещены того же года в сентябре, 28-го, оштукатурены

снаружи и изнутри, покрыты железом, кровли все и главы окрашены зеленою краскою», на главах церкви и колокольни шар и крест, они «вызолочены чрез огонь червонным золотом, а на алтаре крест по кульфабе вызолочен листовым золотом». В описи упоминаются вызолоченные таким же способом звезды на главах церкви и колокольни.

Как видим, кроме казачьего населения, в станице и хуторах проживало неказачье население. Еще в 1811 году крестьяне-малороссы, приписанные за станицами, были переведены в казачье сословие, позже это сделать было почти невозможно [5; Р-697, оп.2, д.77, л.113]. Но на Дон и в Приазовье в поисках заработка ежегодно приходило большое количество крестьян (оброчных и государственных) из малоземельных губерний России, соседних с Войском Донским.

Население станицы Елизаветинской росло довольно быстрыми темпами, в т.ч. и за счет естественного прироста: 1820 г. — 798 казаков, 693 казачки 1836 г. — 1596 казаков, 1920 казачек 1843 г. — 1741 казак, 1920 казачек.

В 1843 г., согласно ведомости народонаселения, в станице проживало лиц:

духовного звания — мужских душ — 21, женских — 19;
служилых казаков — 469 мужских душ;
отставных — 327 мужских душ;
допризывников (до 19 лет) — 42 души;
торговых казаков — 66 душ;
детей от 1 до 19 лет — 995 душ;

Здесь же жили дворяне из числа казаков и неказаков — 35 душ обоего пола и 1687 душ (тоже обоего пола) из числа нижних чинов.

Общее число жителей станицы (с отставными солдатами, помещичьими крестьянами, разночинцами, чернорабочими и пр. слоями населения) составило 9260 чел., в т.ч. казаков (обоего пола) — 3 661 человек [5; ф.353, оп.1, д.20, л.1, об.2].

Почти за полвека станица среди населенных пунктов Войска Донского по числу в ней проживавших с 85-го места переместилась на 4-е место.

Население станицы на 1868 год (с хуторами):

Населенный пункт	Количество дворов	Население (каз.)	
		Мужское	Женское
ст. Елизаветинская	346	967	1016
х. Колузаев	36	89	102
х. Усть-Койсуг	60	188	196
х. Синявский	96	271	264
х. Рогоженский	14	36	38
х. Абуховский	181	533	573
х. Государев	80	239	223
х. Петровский	5	14	8

(Памятная книжка ВД за 1868 год, с. 2).

Сравнительные данные о казаках и иногородних в ст. Елизаветинской на 1869 год:

Казаки	Иногородние
Мужчины — 2368	Мужчины — 474
Женщины — 2399	Женщины — 396

(Там же, за 1871 г., л. 49).

Земли на всех не хватало. Закон от 17 ноября 1873 года предписывал уже другой путь решения вопроса — выселять из станиц «излишнее население» на вновь учреждаемые юрты из войсковых земель. Видимо, в ст. Елизаветинской оказалась подобная ситуация, т.к. из нее надлежало выселить 443 мужских души.

В 1872 году на 1 мужскую душу в станице могли выделить только 21 $\frac{1}{2}$ десятины на пай [5; ф.229, оп.3, д.268, я.14]. К тому же еще 8 апреля 1871 года Военный Совет издал Положение, по которому 46 семей должны быть допущены к пользованию землей в юрте Елизаветинской станицы. Но приговор станичного схода от 6 октября 1874 г. содержал отказ, т.к. выяснилось, что семей не 46, а 76. И как заметил станичный атаман сотник Закаляев «...общество, ... только и может предоставить им право довольствия...в попасе, сенокосе, огородничестве и рыбном промысле..., к разделу на пай под пашню допустить... не может...» [5; л. 6].

154 станичника подписались под просьбой отвести землю для этого из Задонского войскового участка. (Там же, л. 7). Тем более, по закону 1869 г. с увеличением числа жителей прирезка довольствия должна была осуществляться за счет войсковых земель.

Елизаветинской станице в 1884 г. добавили 28 дес. 300 саженой [5; ф.301, оп.18, д. 1499, карта].

Земля эта находилась в Задонском участке, между балками Водяной и р. Средней Чубуркой. Там же были отведены еще 4 дес. 968 саженой.

Кроме станицы, в дельте Дона (займище) владельцами земель были архиерейский дом (рыбная тоня) и войсковое правительство («жеребцовские сотни»), 10464 дес. земли находились в ведении смотрителя рыбных ловель и очистки Донских Гирл [5; ф.229, оп.3, ч.2, д.3854, л.49 ; ф.429, оп.11, д.65, л.1].

В 1886 году станица с хуторами получила во временное пользование территорию смотрителя ловель и очистки гирл. Участок этот был дан станице «за допущение... к землепользованию в своем юрте 82 семейств граждан других станиц». Жителям станицы и хуторов разрешено было косить сено, камыш, но запрещалось ловить рыбу, т.к. земли эти оставались за смотрителем рыбных ловель и очистки Донских Гирл [5; ф.229, оп.3, ч.2, д.3854, л.49, об].

В том же 1886 г. к юртовому довольствию прибавился т.н. «Меркуловский» участок площадью 2035 десятин 1200 кв. саженой у балки Меркуловой и ее отножин; при балке Терновой - 200 десятин - бывший участок детей умершего хорунжего Егора Перелыгина [5; ф.353, оп.1, д.21, л.49].

К 1900 году в Елизаветинской и ее хуторах было уже 76169 дес. земли, где количество удобной составляло 59633 дес. 1200 саженой (70%). Большая часть ее находилась в паевом наделе - 43624 дес. (73%), луга и выгоны занимали около 10% территории юрта, менее 3% занимали попасы для конноплодного и строевого табунов. Для получения средств на общественные нужды более 6000 дес. земли сдавались в аренду [4; с. 189].

Таким образом, территория и границы Елизаветинского юрта увеличились и согласно данным того же полковника Балужева к 1900 году на территории Ростовского округа у волостей было 80% земли, а в юртах Елизаветинской и Гниловской станиц - 20%, причем Елизаветинский юрт занимал чуть более 60 процентов от последней площади.

Обращает на себя внимание тот факт, что в станице с 1899 по 1911 годы не менялось количество земли под дворами (504 дес), ливадами и садами (293 дес), огородами (400 дес), зато более чем на 1000 дес. уменьшилась площадь лугов [5; ф.301, оп.17, д.773, л.1].

Станица не увеличивалась по площади, но число жителей росло и в первую очередь за счет увеличения их в хуторах. Последние все заметнее к концу XIX - началу XX в. меняли свой облик.

Самым большим из хуторов станицы оставался Обуховский. К началу XX в. его население увеличилось в два раза и составило вместе с маленьким хутором Рогожкиным (12 верст от Обуховки) 1338 мужских душ (казаки) и 1284 женских душ (казачки). В этих хуторах проживало еще свыше 1000 мещан и крестьян (556 мужских и 514 женских душ). Все православного верования. Правда, к началу XX-го столетия в Обуховском приходе жили около 300 душ раскольников (преимущественно поповцев).

На проходивший в 1902 году в Харькове археологический съезд настоятель Преображенской церкви Иоанн Ковалевский сообщал, что жилища хуторян выстроены «по берегу реки в одну длинную около 3 $\frac{1}{2}$ верст линию»; до 1861 года хутор Обуховский принадлежал к Покровской церкви станицы, т.к. собственного храма в нем еще не было. По ходатайству бывшего в то время наказного атамана генерал-адъютанта Михаила Хомутова епархиальное начальство разрешило гражданам хутора приступить к постройке своего храма. Строившийся на общественные средства и пожертвования разных лиц храм был открыт в 1864 г. Образовался самостоятельный приход. Церковь во имя Преображения Господня расположилась в центре хутора (она стоит там и поныне), имела вид креста. Прихожане выстроили ее из камня, с деревянным куполом, «без излишеств в архитектуре».

В 1886 году церковь была распространена: в 1890 г. престолом во имя св. Андрея Критского, а в 1894 г. — престолом во имя Св.равноапостольных царей Константина и Елены [8.]

В 1899 году от Обуховского прихода отделился в самостоятельный - Рогожкинский. Хуторяне созерцали теперь свой, кирпичной постройки, храм во имя Вознесения Господня. Но вплоть до 1902 г. храм оставался неосвященным [5; ф.Р-697, оп.2, д.77, л.100].

Приход обуховской церкви (вместе с рогожкинцами) составлял тогда:

- казаков - 1338 мужских и 1284 женских душ;
- мещан и крестьян - 556 мужских и 514 женских душ.

Все они были православной веры. В приходе был свой крестный ход, совершаемый ежегодно второго июля при перенесении чудотворной иконы Аксайской Божией Матери из Покровской церкви (ст. Елизаветинская) в Преображенскую церковь (х. Обуховка).

При церкви в хуторе Обуховка была открыта церковноприходская школа (женская) [5; л.100, об].

Еще в одном хуторе станицы - в Усть-Койсуге - прихожане сами на свои средства в 1897 году выстроили Свято-Никольскую (в честь святителя Николая Мерликийского чудотворца) церковь. Она была приписана к Покровской (Елизаветинской) церкви [5; л.113].

В хуторе Государевом в 1860-1861 гг. тоже был построен деревянный Георгиевский храм и открыт самостоятельный приход (Там же, л.115). Но в начале XX века она обветшала. При церкви в сентябре 1877 действовало училище.

До начала I мировой войны Елизаветинская станица имела только два хутора с устроенными церквями - Обуховский и Государев, жители других хуторов (Колузаево, Дугин, Петровский) были прихожанами той церкви, что оказывалась ближе к селению.

На 1900 год в станице Елизаветинской (с хуторами) проживало коренного казачьего сословия:

мужского пола - 5721 душа;
женского пола - 4542 души;
невойскового сословия (обоего пола) - 5140 человек;
годовых рабочих из других губерний России - 269 человек;
иностранцев (обоего пола) - 121 человек.

Всего на 1 января 1900 г. в станице и хуторах проживало 15793 человека. [5; ф.301, оп.17, д.196, л.183, об.184].

Число домохозяев в станице и хуторах:

казаков - 1693;
невойскового сословия - 620;
иностранцев - 53.

Рыболовством занято 1722 хозяина, торговлей - 44 [5; л.184, об.185].

У казаков числилось 2315 голов лошадей. Из них строевых 313 голов. Число коров, волов и другого крупного рогатого скота:

- у казаков - 4234 ед.;
- у невойскового сословия - 611 ед.

Овец, свиней и прочего скота 15900 ед. и 382 ед. соответственно.

Неказачье население станицы, равно и других поселений на Дону, оставалось бесправным и экономически слабым.

Представители этих слоев не могли иметь пая (земельного надела), строить дом им разрешалось на арендованной земле при условии уплаты высоких ставок «посаженной» и арендной платы. Эта

часть населения могла посещать сходы казаков, но права голоса на них не имела.

Однако, несмотря на все перемены в численности и социальном составе населения станицы и ее хуторов, основными владельцами земель в юрте оставались казаки. Но среди них так же наблюдалось имущественное расслоение. И дело было не только в уменьшении земельного пая. Рыночные отношения на Дону и превращение земледелия, животноводства и рыбной ловли - в товарные, тоже усиливало расслоение.

Станичное общество тоже отдавало часть юртовых земель в аренду. Так, в 1899 г. на 4-летний период в одни руки был сдан Меркуловский участок по цене 4 руб. 5 коп. и 4203 десятины в разные руки сроком на 1 год: пахотную от 6 до 12 рублей, залежетолочную от 1 руб. 50 коп. до 2 руб.40 коп., сенокос от 1 руб.40 коп. до 2 руб. 80 коп. за десятину, причем с правом распашки той земли, которая была два года под залежью, а Меркуловский участок с правом два года пахать и следующие два держать как толочную землю [5; с. 190].

Наблюдался у елизаветинцев и такой вид аренды, как отдача казаком части пая за его долги обществу, например, за сбор себя или сына на службу.

Казаки станицы Елизаветинской и хуторов с конца XIX в. чаще командировались в 16-й Донской казачий полк и во 2-ю артбатарю [4; л. 191]:

	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Призванных	58 чел.	55 чел.	55 чел.	52 чел.	48 чел.
Оставшихся от наряда (конных и пеших)	17 чел.	18 чел.	12 чел.	15 чел.	25 чел.

[4; л. 191].

В 1900 году из станицы и хуторов на службу было командировано до 50 казаков. Всем им выдали пособие на обмундирование [5; ф.301, оп.17, д.196, л.181].

В качестве арендаторов земли выступали как сами казаки из числа зажиточных, так и иногородние. Первые арендовали 19200 десятин, вторые 27 413 десятин земли [5; л.6, с. 189].

К 1911 году, судя по отчету станицы в войсковую канцелярию, в ней было уже 3804 паевых надела, т.е. за 11 лет число тех, кто имел право на пай в станичном юрте выросло на 688. На пай теперь приходилось 12 десятин земли, в т.ч. 9 - пахотной, 2 - залежетолочной,

1 - сенокоса. Кроме этих земель каждому казаку станицы нарезали $\frac{1}{4}$ десятины луга, $\frac{1}{4}$ пахоты, $\frac{1}{8}$ сенокоса и бахчей.

Цена казачьего пая для арендатора вновь стала высокой - 240 рублей, цена 1 десятины пахотной земли увеличилась в 3-4 раза.

Таким образом, к началу первой мировой войны ст. Елизаветинская попала в число малоземельных, не помогали и переделы паев через каждые 2 года. Один из последних таких переделов планировался на 1913 год. Решение об этом принято было на станичном сходе 29 сентября 1912 года. Надлежало проверить межи юрта, станицы и ее хуторов. К этому времени обострился вопрос о размерах пая у жителей х. Синявского и у самих елизаветинцев. С претензиями друг к другу обращались Елизаветинский станичный атаман П. Аханов и хуторской атаман Василий Сидоренко. Споры возникли после указа областного Правления ВД от 13 июля 1910 года, согласно которому пай каждого синявца должен был увеличиться на 1 десятину. Однако, в феврале 1913 г. станичное общество, тянувшее введение решения в жизнь, постановило не допускать синявцев к пользованию этой землей, т.к. еще в 1912 г. они обнаружили в наделе х. Синявского лишние 866 десятин. В ответ синявцы, считая себя притесненными, запретили в свою очередь иногородним, пасти скот на общей с ними толоке.

В результате казачьих распрей пострадали иногородние. Их положение в юрте было самым нелегким и зачастую бедственным. Правилами 1899 г. и 1903 г. предусматривалось частичное наделение их земель, но эти правила так и остались на бумаге.

Не воевали друг с другом и открыто не спорили лишь представители зажиточной части казачьего сословия и иногородних, тех, кто по закону 1868 г. смог купить или арендовать землю на территории Войска Донского и Елизаветинского юрта, т.е. получить оседлость.

Занятия населения Елизаветинского юрта, самой станицы были обусловлены местными условиями. Имевших землю низовых казаков трудно было назвать земледельцами. Земля, сдаваемая по большей части в аренду, кормила их, но сами они предпочитали заниматься рыболовством и переработкой рыбы, разведением скота, меньше садоводством и пчеловодством. Особняком стояла военная служба казака, отнимавшая значительное время в его жизни.

Донское казачество издавна считало устье Дона, его рукава своими исконными для рыбной ловли местами.

Не случаен в этом смысле Указ жителям, определенным в Азовскую крепость еще в 1769 году «...для прожития своего улов рыбы иметь и в оном чтобы Войска Донского обид и притеснений не было».

Документом этим определялись границы для ловли рыбы «... от Азова вверх и вниз по Дону по две, а всего четыре версты...».

Азовскому коменданту пришлось всех прежних рыбопромышленников Войска Донского с тех мест сослать, тоня же, которая образовалась ниже Азова, названа была Государевой. [14; с. 253].

В «Статистическом описании земли донских казаков», составленном в 1822-1832 годах, отмечено, что «у жителей Черкасского округа хлебопашество столь маловажно, что большая часть оных потребляют покупной хлеб... Жители низовых станиц находят более выгод в торговле и рыболовстве» [14; с. 200.].

Описание рыбных промыслов у казаков в Низовьях Дона можно найти как в указанном сочинении, так и в многочисленных рапортах смотрителя рыбных ловель, в записках «К проекту временных правил о рыболовстве в низовьях Дона» Х. Попова.

Как указано в «Статистическом описании...» в конце XVIII в. «при устье Дона основались целые поселения, по большей части из беглых малороссиян. Принадлежащие частью помещикам, частью казне, сии новые поселенцы не полагали себе никаких пределов в ловле рыбы, пересыпали большими ловушками и миллионами крючьев все устья Дона и морской залив и, наконец, до того распространили сию не дозволенную ловлю, что нередко вовсе заграждали ход рыбы из моря в Дон».

Комитет, занимавшийся устройством Войска Донского, в 1822 году значительно упорядочил это занятие, введя зимнюю, весеннюю и меженную виды ловли, ограничив их определенными сроками. С этого времени существует и официальная статистика по рыбным промыслам в Дону. Рыболовные места в каждой станице делились на пайки по жребию. Каждое место являлось «тоней» (от слова «тонить», «притонить») и получало название. У ст. Елизаветинской было 13 тонь [12; с. 506].

В 1822 г. в Черкасском и Миусском округах действовали 413 рыбоспетных заводов (заводы по засолке и сушке рыбы). Состоял завод, как правило, из сарая дощатого или камышового. В нем размещались солила для красной рыбы (прочные деревянные ящики, проконопаченные и просмоленные снаружи), вкопанные в землю буты (огромные чаны для 5000 чебаков или 10000 тарани), шапльики (перерезанные пополам бочки для мелкой рыбы), а также бочки с отверстием в 35-36 сантиметров сбоку для сельди и мелкой рыбы. Вне сарая устраивались балычницы (навес на 4-х столбах с жердями для вяления балыков), бугуны (тоже, что и балычница, но без навеса),

мочила (ямы, обшитые досками, для замачивания рыбы перед отправкой в солила), садки и ставы.

В среднем завод обходился владельцу в 800 руб., но были и больше [12; с. 507-508].

В 1822 году улов рыбы (осетровые, частиковые) составил по Черкасскому округу самое большое количество по Войску Донскому - 4 246 624 пуда. «Памятная книжка области Войска Донского за 1866 г. сообщает следующие сведения о рыбных промыслах округа: в 1838 г. число рыбоспетных заводов сократилось и составило 290, улов красной рыбы был зафиксирован на 11 212 пудах, белой (лещ, судак, тарань и пр.) - в количестве 46 660 700 штук, сельди - 25 120 000 штук, икры собрано было 2 193 пуда.

Семь лет спустя (в 1845 г.) число заводов вновь уменьшилось до 249, но количество выловленной красной и белой рыбы значительно возросло (59 310 пуд. и 62 500 000 шт. соответственно), количество же добытой сельди составило только 3 000 000 штук, а икры 1724 пуда [с. 66].

В 1834 г. в одной Елизаветинской станице было 143 рыбоспетных завода, где готовили сельдь по-особому, корнвалийскому, способу и продавали бочонок (1000 шт.) за 40-45 р.

Еще 10 лет спустя видно, что чуть увеличилось число заводов (260), но резко сократились выловы красной рыбы (20000 пуд.) и особенно белой (907 000 пуд.), добыча икры продолжала падать (в 1855 г. - сельдей было поймано 55 608 000 шт.

В 1865 году число заводов продолжало медленна расти и составило 287 штук, но белой рыбы и сельди выловлено было еще меньше, чем в прежние годы - 290 804 пуда и 1 625 700 штук соответственно. Чуть лучше дело обстояло с красной рыбой и икрой - 38 819 пудов и 3 804 пуда зафиксировано в отчетах.

К 1900 г. в станице Елизаветинской останется 11 рыбоспетных заводов [4; с. 191].

Из приведенной статистики видно, что рыба всех пород вылавливалась в больших количествах, зачастую варварским способом, в коммерческих целях. Подтверждение этому можно найти как в официальных документах, так и в частных записках тех, кто с болью воспринимал происходящее.

В 1828 году государственный Совет утвердил для всех, в т.ч. и для Войска Донского, равные права в рыболовстве «по землям им принадлежащим, не для одного продовольствия, но и для торговли». Другими словами Войску Донскому, его низовым станицам, в т.ч. Елизаветинской, а так же жителям и рыбопромышленникам

Ростовского уезда Екатеринославской губернии давалась возможность ловить рыбу в акватории, прилегающей к землям их владений или проходящую через их территории. При этом следует учесть, что речка Мертвый Донец для ловли рыбы до 1864 г. вообще была закрыта, а равно другие ерики и речки, берущие начало не в водах Дона [Памятная книжка, 1866 г., л. 67].

Дельтовая (займищная) часть Дона была закреплена за Войском еще в 1835 году. Но и для казаков здесь существовал ряд ограничений (запрещений), введенных все тем же «Положением...» 1835 года. В частности запрету подлежала ловля рыбы «ниже Посольского ерика, в юрте Елизаветинской станицы...», но этот запрет, как отмечал Х. Попов, никогда не выполнялся. Более того «рыболовство здесь носило хищнический характер», а казаки, не будучи в числе рыболовной полиции, брали на себя, её функции.

Казачество ревностно относилось к своим привилегиям, к источникам своего довольствия. По поводу использования «поземельных, так и некоторой части вод, составляющих источник доходов...» елизаветинцы почти постоянно спорили с жителями посада Азов. Вот почему в ГАРО можно встретить немало дел о размежевании станичного юрта с Азовом, земли Войска Донского с Екатеринославской губернией.

Но дело было, видимо, не только в границах пользования.

Так, в 1866 году Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор поручил представителю МВД генерал-адъютанту Коцебу и действительному статскому советнику Катакози разобраться в спорных вопросах рыболовства на Дону. Ранее выяснилось, что правила Донского рыболовства (т. XII, ч. I, Устав о благоустройстве в казачьих селениях) противоречат закону о рыбной ловле в других частях Российской империи (т. XII, ч. I, Устройство городского и сельского хозяйства). В 1865 году были выработаны для низовьев Дона правила (запрещения) в рыбной ловле для всех её участников. Но и они не соблюдались.

Елизаветинцы были убеждены в том, что азовцы в 1872 г. уничтожили часть межевых знаков, установленных на границах юрта с Азовом ещё в 1855 г. Сделано это было «для расширения (азовцами - Т.Ф.) своих земельных довольствий... через что они ещё больше стали присваивать себе местность «Урви-хвост». Азовцы объяснили ситуацию тем, что посадская ратуша Азова с торгов продала им для ловли рыбы эти места [5; ф.229. оп.3, д.264, л.1]. Споры по вопросу мест ловли имели место и в 1875, и в 1876, и в 1878 годах. За проверку межевых знаков землемеры в этих случаях брались неохотно, либо не завершали дел по разным причинам [5; л. 14-14, л. 19, л.93].

Споры о рыбных ловлях в низовьях Дона продолжались. Поэтому войсковое правительство и земская управа предлагали свои проекты временных правил рыболовства в дельте реки. Когда комиссия из членов правительства России и ученых разбиралась в этих проектах, то была отмечена нецелесообразность запрещения вылова рыбы в Посольском ерике, а самоограничение было сделано «единственно под влиянием рыбопромышленников Елизаветинской станицы. Последние 50 лет назад имели незначительное число неводов и для них совершенно было достаточно тех пяти^[16] тоней, какие и ныне существуют в станице». Однако жители селений, располагавшихся ниже разделения Дона на рукава, сочли для себя невыгодными условия лова рыбы и пожелали сделать эту территорию свободной для рыболовства, видя в этом «важную для целого края охранительную меру...» [5; ф.55, оп.1, д.230, л.2].

Рыбопромышленники тоже видели для себя невыгодность «отсужения 125 неводов на пяти тонях».

Комиссия в 1876 году сняла запрещения 1835 г. и открыла для рыболовства все без исключения рукава Дона. В целях же беспрепятственного прохождения рыбы на нерест в Дон было предложено ввести следующие общие запреты на лов рыбы:

1) в заливе Азовского моря от гирла Дона и его рукавов справа до границ Таганрогского градоначальства и слева до урочища Семибалок и в гирлах Дона и Мертвого Донца на протяжении одной версты от моря вверх (от этого запрещения освобождались гирла, у которых располагались с. Кагальник и х. Узьяк-Попов по причине «незначительной протяженности и мелководства»);

2) в воскресные и праздничные дни и с 25 мая по 1 июля, а так же удерживать «в запрещении в период времени от взлома льда до замерзания рек третью часть ширины их на всем протяжении», и в зимнее время фарватер рек Дона и рукава его Каланчи на 40 сажень и в пределах Ростовского уезда» [л. 3].

Для реки М. Донец это ограничение составляло 15 сажень, в прочих гирлах и речках, впадающих в Дон, не менее третьей части ширины реки.

Действие этого закона устанавливалось временно, сроком на 3 года, а контроль возлагался на войскового наказного атамана, на смотрителя рыбных ловель и очистки гирл Дона, областную рыбную Управу, гирловую полицию (содержалась за счет равных долей средств от рыболовства и войскового капитала).

Распределение же мест лова рыбы рыбопромышленники осуществляли по жребию для каждого вида ловли. В зимнюю пору ловушки ставились так, чтобы фарватер оставался свободным для

прохода рыбы вверх по рекам. Весной рыбу ловили неводами, волокушами, плавными сетями. Если зимой, выловленную рыбу замораживали и потом продавали в соседних губерниях, то весеннюю - солили, вялили. С середины апреля, реже с мая, начиналась меженная ловля. Ее осуществляли, как и весеннюю, с той лишь разницей, что появлялось много чехони, сельди же и рыбца было мало, а потому их солили в корень (т.е. держали в соляном растворе - тузлуке). Когда сельдь и рыбца покоптят, то получали рыбный деликатес под названием «шамаек» [16; с. 216-217].

Что касается цен на рыбу, то она зависела от многих факторов: от количества улова, от качества самой рыбы, наконец, от погодных условий в дни вывоза на рынки. Так, согласно рапорту смотрителя рыбных ловель за 1843 г. «сырцом за пуд осетра на ассигнации от 6 до 12 рублей, белуги и севрюги от 5 до 8 руб., сулы и чебака от 35 до 50 руб., тарани и синьги от 3 до 8 руб.»

Дороже, от 18 до 25 руб., стоил пуд балыка, посоленного в корень, икра стоила 24 рубля пуд. Но указанный год был средним по улову и как пишет смотритель, «цены низки из-за неудобного вывоза сырца, из-за плохой погоды» [5; ф.353, оп.1, д.21, л.15, об.17].

Торговлю рыбой осуществляли как сами рыбопромышленники, так и специальные перекупщики. Заключить торговые сделки можно было на ярмарках: 15 мая - Троицкая в самой ст. Елизаветинской (3 дня) и 1 октября - Покровская (3 дня).

В целом же тех, кто занимался в Елизаветинской станице торговлей в 1843 г. было 66 казаков. Если казак-торговец принадлежал к I разряду, то он был членом Донского торгового общества [15; с. 52-53] и освобождался от военной службы, с одновременной уплатой пошлин на военные и войсковые нужды по 63 р. 15 к. и в общий торговый капитал от 30 до 20 руб. в год. Торговцы II разряда не состояли в обществе, но производя торговлю на сумму свыше 300 рублей в год, платили пошлину в войсковой доход и в пользу Приказа общего призрения 10 р. 50 коп. в год. При этом служить в войске им надо было 22 года.

Те же торговые казаки, кто имел от торговли менее 300 руб. дохода в год, пошлин не платили и служили как остальные.

С большим удовольствием занимались казаки разведением лошадей, домашнего скота (коров, волов, овец, коз). В 1843 г. в станице числилось 2980 жеребцов и кобыл (для сравнения: в 1900 г. - 2315 голов у казаков, 249 - у иногородних). Конь играл большую роль в жизни казака, особенно в момент подготовки и прохождения воинской службы. «Воинская справа», т.е. конь и обмундирование стоили около 500 рублей (это аренда земляного пая за 3-4 года).

Вслед за рыболовством почитали казаки занятие коневодством. Но жители Елизаветинского юрта в отличие, скажем, от верхних юртов Войска Донского, для разведения лошадей не имели так называемых табунных земель. Таких земель во многих юртах не хватало, в Елизаветинском же особенности местности и вовсе снижали число желающих заниматься коневодством.

Однако каждый хозяин как уже было сказано должен был иметь как рабочих, так и строевых лошадей. В середине XIX в. станичные конные табуны формировались только на одно лето и то из строевых лошадей. Число последних колебалось и постоянным не было: в 1900 г. - 313 голов [4; с. 191]. В отчете ст. Елизаветинской за этот же год указано иное количество - 140 строевых коней [5; ф.301, оп.17, д.196, л. 185]. В 1911 году в таком же отчете их указано 222 головы [5; д.773, л.7].

[16] Количество тоней с 13-14 сократилось до 5.

Численность строевых лошадей изменялась после каждого ухода на службу казаков из пригготовительного разряда в строевой.

Пополнение выбывших, шло за счет покупки хозяином (если у него были еще сыновья) новой лошади для службы следующего сына.

На территории Елизаветинского юрта имелись так называемые «жеребцовские сотни», т.е. участки, где пасся конно-плодовый табун. В нем к 1900 г. числилось только 7 жеребцов [4; с. 191].

Лошади разводились только донской породы. Продажная (местная) цена строевой лошади в середине XIX в. колебалась в пределах 25 рублей, ближе к началу XX в. она стала увеличиваться и достигла 70 рублей [5; ф.353, оп.1, д.21, л.4].

Крупный рогатый скот, выращиваемый в станице и хуторах был двух пород: донской и калмыцкой. Калмыцкой и русской породы водили здесь овец.

В 1843 г. голов донской породы насчитывалось 3238 ед., калмыцкой - 3111 ед. (для сравнения в 1900 г. - у казаков 4149 голов крупного рогатого скота, у иногородних - 316); чуть более 7000 голов овец и коз насчитывалось у елизаветинцев, причем овец более всего. Один баран стоил в середине XIX в. от 2 р. 50 коп. до 2 р., овца - от 2 р. до 1 р. 30 коп.

К 1900 году в станице уже было более 12000 овец и коз. Примечательно то, что нигде в статистических таблицах не сообщается о количестве и видах домашней птицы у казаков и иногородних Елизаветинского юрта [5; ф.353, оп.1, д.21; 4; л.191].

В 1911 г. в станичном отчете было указано, что в Елизаветинской и хуторах проживает 2202 домохозяина, из которых рыболовством и земледелием заняты 2140 человек, остальные торговлей промышляют. [5; ф.301, оп.17, д.773, л.2]. В отчете указаны домохозяева из числа казаков и не казачьего сословия. Количество последних как мы уже видели выше, постоянно росло, начиная с конца XIX века.

В 1902 году на территории Елизаветинской станицы проживало 136 семей (268 душ) из «посторонних губерний и областей», причем в документах указывалось, что это те, кто поселился год и более назад (поселившиеся 20-30 лет назад не учтены вовсе). От 8 до 26 семей прибыли из Воронежской, Харьковской, Курской, Полтавской, Черниговской и Орловской губерний. Из этого числа семей — 14 (22 души) занимались хлебопашеством на арендованной земле, 122 семьи (246 душ) были батраками [5; ф.3-1, оп.17, д.753, л.5]. Последних нанимали богатые казаки и иногородние. Нанимало и само общество для полевых, сенокосных и прочих работ. Сохранились расценки по многим видам работ.

Так, годовой наемный рабочий мужского пола «стоил» нанимателю 95 руб., женского пола - 55 руб. Если работник был «сроковой», т.е. на период от Троицы до Покрова, то соответственно 50 и 35 руб. Наем поденного работника в страду обходился хозяину в 1 руб. 20 коп. (женщина - 60 коп.), а в течение другого времени года этот же работник получал 60 коп. (женщина - 40 коп.). Выше всех оплачивался поденный труд конного рабочего - 2 рубля.

Из других видов сельхозработ «на одной казенной десятине при даровых семенах и среднем урожае» вспашка стоила - 5 руб., посев и боронование - 2 руб., скосить - 7 руб., подвозка копны к току - 40 коп., обмолот катком - 80 коп.

Нанявшийся на сенокос работник получал 4 рубля с десятины, при условии копнения и стогования сена после сушки [5; ф.301, оп.17, д.753, л.7]

На 1911 год в ст. Елизаветинской - 20051 $\frac{1}{2}$ паевых. В хуторах следующая картина:

Государевский - 354
Усть-Койсуг - 134
Колузаевский - 144
Рогожский - 166
Бирючанский - 147 $\frac{1}{2}$
Эльбуздинский - 24 $\frac{1}{2}$
Водянский - 129

В трех последних хуторах паевые лично занимались хлебопашеством.

На пай в 1911 г. приходилось уже 7 1/2 десятины - пахотной земли, 3 десятины - бурьяновой, 2 десятины - сенокосной. Общий размер пая составил 12% десятины [5; ф.301, оп.17, д.336, л.24.]. На пай 1912 г. елизаветинцам планировалось уже 11 десятин [Там же, л.39].

И все же, несмотря на сокращение казачьего пая, бедноты среди елизаветинцев было мало. Видимо этим можно было объяснить поведение жителей юрта в период революции и гражданской войны: «Почти не известны случаи массового перехода казаков низовых станиц (в Елизаветинской - тоже, Т.Ф.) на сторону Советских войск» [5; ф.Р-1485, оп.1, д.628, л.9-10].

Чем ближе к событиям революции и гражданской войны, тем острее становился для населения юрта главный вопрос - земельный.

Время требовало все большего присутствия капиталистических отношений в аграрной экономике.

О развитии на Донской земле аграрной реформы Столыпина говорили и предполагали ее осуществление представители либерального дворянства, буржуазной верхушки казачества, донские депутаты в Госдуме, т.е. речь шла об отрубном и хуторском хозяйстве, наемном труде, о льготах по службе, о кредитах для организации промыслов на кооперативной основе.

В ноябре 1907 года Николай II утвердил положение Совета министров о распространении действий Крестьянского поземельного банка на казачье население Дона и Кубани. Теперь казак мог взять в банке ссуду и купить землю в собственность. Но за период с 1907 по 1911 годы таким образом, было куплено чуть более 4 тыс. десятин земли. Проблема заключалась в том, что существовало тайное соглашение Войскового наказного атамана и правительства всячески тормозить этот процесс. Инициатива здесь принадлежала атаману, который считая, что экономически самостоятельный казак может подорвать основы казачества как служилого военного сословия [3; с. 202].

А ведь донской правовед Х. Попов еще в начале XX в. предупреждал, что «мы не назвали бы ошибкою и то, если бы по требованию жизни разделились бы на пожизненные участки и юрты. Пока это невозможно. Но эта последняя общность лопнет как признак низкой степени экономического развития» [5; ф.55, оп.1, д.182, л.9].

На Дону, начинался раскол казачества по сословно-классовому признаку, который оформится в период с 1917 по 1920 годы. Елизаветинский юрт переживал те же процессы.

Показательны в этом плане события 1912-1914 годов, когда елизаветинцы «выбирали» станичного атамана.

25 ноября 1912 года выборные от станичников и хуторян провели голосование по кандидатурам в станичные атаманы: 58 голосов из 89-ти были отданы за урядника Афанасия Афанасьевича Аханова, 53 голоса - за урядника Михаила Ивановича Пустынникова, 51 голос - за урядника Григория Ивановича Ирхина.

Утверждению у войскового наказного атамана по числу голосов подлежала кандидатура действующего атамана Аханова (1 января 1913 года заканчивался его 3-летний срок).

Но 48-летний казак, уроженец ст. Елизаветинской не был утвержден на новый срок, т.к. вслед за просьбой Ростовского окружного начальника об утверждении Аханова к наказному атаману было направлено прошение казаков станицы не утверждать из вышеназванных кандидатов никого, потому что знают «этих лиц с весьма плохой стороны...».

Аханову не простили подлога при выдвижении выборщиков при избрании в члены Госдумы И.И. Ушакова; Пустынникову - его стремление упразднить конно-плодовые табуны и 2 и 3 очереди службы; Ирхина называли «прогрессистом», добавив, что он «еще большой мироед, спекулятор, скупщик паевой казачьей земли» [5; ф.301, оп.17, д.426, л.11-12]. 3 декабря 1912 г. Ирхин снимает свою кандидатуру.

Новые выборы кандидатов на должность атамана и голосование по ним показали, что «выборщики настроены против офицеров или урядников». По мнению Ростовского окружного начальника есаула Сутулова «темные дела по ведению станичного хозяйства, нужно полагать, и являются причиной стремления станичной администрации не допустить урядников и офицеров к власти» [5; ф.301, оп.17, д.426, л.24].

22 февраля 1913 года состоялась новая баллотировка и вновь неудачно. 5 мая того же года состоялась очередная попытка выборов станичного атамана. Бурный сбор выборщиков и его результаты, как следует из анонимного письма станичников, возмутили даже почетного судью Михаила Александровича Алистратова, заявившего, что начальству нужен атаман «под сукно».

Атаманом избрали Капитана Андриановича Чайкина, прежде бывшего станичным атаманом в Мигулинской.

Но уже через 13 месяцев Чайкин приказом по Донскому Войску 4 августа 1914 года был назначен на должность смотрителя двorca

императора Александра I в Таганроге [5; ф.301, оп.17, 8.426, л.58].
Решение странное, принятое явно под давлением.

Станица же Елизаветинская вновь осталась без атамана, до тех пор, пока на должность эту был утвержден урядник Буланов, т.е. тот человек, кандидатура которого устроила почти всех, но власть особенно.

С началом I мировой войны донское казачество выставит на фронт 1325 тысяч человек. Снабжать воинов придется не только строевыми лошадьми, но отдавать их из числа рабочих [3; с. 211].

Уход на фронт казаков-мужчин, сокращение числа рабочих рук и скота в казачьих хозяйствах вело их к упадку. К 1917 году социально-экономическая обстановка на Дону еще более ухудшилась, казачество окончательно раскололось, на беднейшее, среднего достатка и зажиточное. Одни выступали за восстановление демократических институтов самоуправления, за освобождение казаков от военно-сословных тягот и против прежней системы землепользования, другие напротив старались сохранить «казачий дух», «казачий национализм».

Т.А.Федотова,

ГОУК «Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник», г. Азов
Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 3, 2007 г.

Библиографический список

- [1] Азов - древнейший порт России, История и современность // Очерки истории Азова. Вып. 7, 2003 г., г.Азов.
- [2] Бурлака В.О. Азовский порт в турецкий период // Очерки истории Азова. Вып. 7, 2003 г., г. Азов.
- [3] Болибок Н.М., Лукинов Г.И. Дон - наш общий дом (Земля Человек хлеб). Исторический очерк. Ростов в/Д, ООО «Ростиздат», 2001.
- [4] Балувев П.С. Исторические и статистические описания станицам и городкам области Войска Донского. Новочеркасск. 1900.
- [5] ГАРО, ф.229; ф.429; ф.Р-697; ф.301; ф.353.
- [6] Земля в судьбах донского казака // Собрание историко-правовых актов. 1704-1919 гг. Сост.Коршиков Н.С. - Ростов н/Д: ДЮИ. 1998.
- [7] Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д, Ростиздат. 1991.
- [8] Кириллов А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX в. Новочеркасск, 1908.
- [9] Лунин Б.В. К истории донского казачества. Ростиздат. 1939.
- [10] Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Книга II. Ростов н/Д. 1951.
- [11] Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего

средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.

[12] Номикосов С. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.

[13] Очерки истории Азова. Вып. 6, Азов, 2001.

[14] Памятная книжка Войска Донского за 1870 г. Новочеркасск, 1871

[15] «Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822-1832 гг.»

[16] Челеби Э. Книга путешествия. Вып.2, 1979 г., М.

Казак - означает демократ

«Кзаки от казаков ведутся»

М.А. Шолохов

Это утверждение заключает в себе не только суть казачества как явления, но и является этимологическим значением самого термина - казак. Крушение тоталитарной системы с ее псевдодемократическими принципами и становление новой демократической России требует тщательного изучения всех вопросов, связанных с данной общественно-политической формой власти. Это необходимо, прежде всего, из-за того, что самодержавная Российская империя, а потом и коммунистический СССР, всеми силами, вплоть до физического истребления, стремились уничтожить все проявления демократии. Но память, лежащая в основе менталитета демократических народов, сохранилась, о чем свидетельствует возрождение казачества и Народных собраний (Хасы) у народов Северо-Западного Кавказа.

Создавая новую демократическую Россию, не следует прибегать к изучению демократии на Западе или привлекать примеры из Древней Греции. Достаточно изучить свою собственную историю. В России имеются свои территории, способные служить эталонами демократии и существовавшие в относительно недалеком прошлом.

Изучение истории донских казаков показывает, что сущность казачества заключается не в его воинской доблести, что, конечно, является немаловажным фактором, а в общественно-политических отношениях в форме подлинного народоправления - демократии. Это, бесспорно, доказывается существованием института общественной власти в виде общенародного законодательного собрания - Круга. Круг являлся высшим законодательным органом власти со всеми присущими ему функциями. Войсковой Круг решал все жизненно важные вопросы: войны и мира, дипломатических отношений,

социально-экономические вопросы (распределение земли и пастбищ, рыбных и охотничьих угодий, прием в гражданство и его лишение, отмечал за заслуги перед обществом, и т.д.), выполнял функции высшего судебного органа, избирал органы исполнительной власти. Все его решения имели силу закона и подлежали безусловному исполнению. Роль совещательного и контролирующего органа выполнял Совет стариков (старейшин).

Право участия в таком собрании имел каждый казак, при этом он обладал полноправным голосом. Каких-либо привилегий не имелось, все были равны. При избрании в органы исполнительной власти - атамана, есаулов, писарей и других должностных лиц - учитывались только личные качества и заслуги кандидата, но не его социально-экономическое положение. Кругом избирались и духовные лица - священники, дьяки и остальной причт. Вновь принятые Кругом в свое общество пришельцы имели все права казака, невзирая на национальность и вероисповедание. Четко сохранялась традиция, обеспечивающая защиту и покровительство своим гражданам, в том числе и вновь принятым беглым, что выражалось принципом «С Дона выдачи нет». Решения Круга принимались большинством голосов.

Избранные представители исполнительной власти (атаман и другие) несли полную ответственность перед Кругом. При злоупотреблении властью и нанесении ущерба обществу атаман любого уровня нес уголовное наказание, вплоть до смертной казни. Избрание на должность производилось на определенный срок или мероприятие (поход), по окончании которых все полномочия слагались и должностные лица возвращались в общество рядовыми гражданами. Точно такая же форма власти существовала и на местах в станицах и хуторах. Исполнительными органами местного самоуправления были избираемые на год атаман и есаул, но они не играли никакой роли в управлении данной общиной, а являлись лишь простыми исполнителями решений своего Круга.

Естественно, что такая форма демократии может существовать только при полной личной свободе и независимости граждан.

Такая форма прямой демократии (народоправления) существовала на Дону на протяжении многих веков и была вполне самодостаточна и не требовала изменений. Геополитические интересы Российской империи послужили причиной подчинения и вхождения Дона в ее состав. Демократические основы казачьего самоуправления уничтожаются империей, казачество становится военно-служилой категорией. Однако казачий менталитет уничтожить, полностью не удалось. Попытка казачества воссоздать традиционную демократическую форму правления в 1917-20-е годы захлебывается в крови Гражданской войны. Политика расказачивания, проводимая

Советской властью и направленная на физическое уничтожение населения и казачьего духа, также не увенчалась успехом. Доказательством этому является современное возрождение казачества.

Откуда же могла взяться такая глубокая и неистребимая приверженность к демократии у казаков? Несомненно, что такая приверженность, прочно лежащая в основе менталитета, вырабатывается веками и ее корни следует искать, прежде всего, в происхождении самого казачества.

Все теории о происхождении казаков от тюркских народов или славян, в т.ч. и от бродников, требуют значительных допущений и домыслов. Большинство имеющихся у казаков традиций и обычаев не могут быть объяснены славяно-тюркскими гипотезами. Даже общепризнанная гипотеза об этимологии самого термина «казак» в значении с тюркского языка - «вольный, свободный», является большой натяжкой и элементарной выдумкой. В тюркских языках понятий «вольный или свободный» с корневой основой «каз/коз» не существует. Попытки привлечь с тюркских языков объяснения термина «казак» через просто гуся («каз - гусь» или «белого - ак» - «каз ак») ничего не дают для объяснения. Не имеет особого смысла и слово «гузак - легковооруженный воин, всадник», т.к. не объясняет, почему оно могло закрепиться на определенной территории и за конкретным определенным народом. Легковооруженные воины имелись на всех территориях и во всех государствах. Тюркский глагол «каз - бродить», якобы являющийся калькой слова «бродник», от которых и произошли казаки, не имеет смыслового значения, т.к. казаки не были бродячим населением. Вообще, все попытки произвести казаков от бродников являются весьма гипотетичными и не имеющими ни малейшего подтверждения. Не имеют отношения к казачеству и попытки привлечь в качестве объяснения и все азиатские варианты, такие как: «казах», «киргиз-кайсаки», «саки» или «великие саки» - «ко саки/кой саки». Монгольские слова «ко - броня» и «зах - граница» в смысле «защитник границы», также притянуты насильно. Ведь казаки только волею исторической судьбы оказались на границе Московского государства и вынуждены были его защищать. Другие варианты объяснения термина: «казак» - от козы (животного), тоже - от козла (с латинского - гиркус). Не надо фаунистических изысков - казаки ни гуси, ни козлы, ни олени. С египетского языка - «ка - душа», что означает «ка за ка» или «душа за душу» (предлог «за» взят из русского языка). Являясь палиндромом, т.е. одинаковое чтение слова «казак» слева на право и наоборот, якобы свидетельствует об исключительной (божественной) миссии казачества. Попытка привлечь с латинского языка слова «каса - лачуга, ветхое жилье» как показатель оседлости в отличие от кочевников, также не является убедительной. Не

убедительна и попытка перевода с адыгского языка - «ко - сын» и «зак - единственный». Трудно представить общество из одних единственных сыновей, тем более, что читать, вероятно, следует «закко».

Единственной гипотезой о происхождении донских казаков, не требующей каких-либо допущений и связывающей происхождение и смысл термина, является предположение, выдвинутое еще Г. Байером и В. Татищевым о кавказских (черкесских) корнях казачества. Единое происхождение донских казаков и Черкасов (адыгов) подтверждается и мнением самих казаков, приведенным А. Ригельманом, которые считали, что «...они от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов, взялися...». Изучение традиций и образа жизни донского казачества и адыгов (черкесов) дает полное основание говорить о единых корнях этих народов.

Демократическая форма правления, готовность принять в свое общество инородцев и гарантировать им защиту, мореходные навыки, опыт пиратства, особенно против турок, и тип кораблей, воинская доблесть и храбрость, народная мудрость и хитрость, наличие особого воинского языка, оборонительные сооружения и архитектура, условия проживания (хуторская система), символы власти, чести и достоинства, особенности погребального и поминального обрядов, христианская религия и выборность священнослужителей из своей среды (до исламизации адыгов) и многие другие моменты, вплоть до виноградарства и почитания груши-дички - свидетельствуют о едином происхождении.

Античный и раннесредневековый период донской истории нельзя рассматривать в отрыве от Северо-Западного Кавказа - это единая территория. Зарождение принципов демократии на Кавказе относится к глубокой древности, о чем свидетельствует нартский эпос и античные письменные источники. Различный уровень развития родоплеменных отношений и степень феодализации привели к появлению различных форм управления, в т.ч. и демократии. К народам, сохранившим демократию как форму общественного управления, относятся адыгские племена. Эти племена, в разные исторические периоды, были известны под общими названиями - меоты (протоадыги), касоги, черкасы, черкесы. Но все племена имеют и свои собственные названия. Восточные адыгские племена кабардинцев и черкесов имели сословно-представительскую форму (аристократическую), а западные - натухаевцы, шапсуги и абадзехи, сохранили общенародную форму власти. Именно эти племена (натухаевцев, шапсугов и абадзехов) получили в исторической литературе название «демократических племен».

Высшим органом законодательной власти у адыгов было народное собрание - Хаса. Вероятно, наличие этого органа народовластия у адыгских племен дало основание византийскому императору Константину Багрянородному назвать данную территорию «Касакией». В русских летописях население этого региона известно под именем «касоги», в восточных источниках - «кашаки».

Сравнение функций Х(к)асы и казачьего Круга показывает полную идентичность этих общественно-политических образований. Прежде всего, это общенародные высшие законодательные собрания со всей полнотой власти. Решение всех жизненно важных вопросов происходит всенародно, каждый участник имеет право голоса, каждый имеет право избирать и быть избранным в исполнительные органы, участвовать в решении судебных дел и т.д. Совещательным и контрольным органом является Совет старейшин (стариков). При избрании на высшие должности исполнительной власти - тамады/атамана, учитываются только личные качества и заслуги, происхождение, материальное положение и т.п. не принимаются во внимание. Распределение земли, пастбищ и других угодий - все происходит на этих собраниях. Абсолютно одинаков прием в свое гражданство беглых с гарантирующим безопасностью принципом «От нас выдачи нет». Для проведения Собрания (Круга) у казаков и адыгов были определенные места - урочища. Естественно, что каждый участник таких Собраний является лично свободным, независимым гражданином. Местное самоуправление строилось на тех же принципах. Идентичность политической системы и большинства составляющих образа жизни донских казаков и адыгов, убедительно свидетельствует, что это не заимствования, а единое происхождение. Наличие на Дону русского языка является следствием постепенного накопления русскоязычного населения и результатом, в конечном итоге, его полного преобладания.

Такая демократическая система просуществовала у адыгов до середины 60-х годов XIX века и была уничтожена в результате вхождения в состав Российской империи.

Присутствие на Дону адыгского (меотского) населения археологически фиксируется с конца I века до н.э. Это подтверждается и письменными источниками. Этот момент, кстати, полностью объясняет, почему низовые казаки считают себя старше (древнее) верховых. Значительная волна переселенцев с Северо-Западного Кавказа на Дон приходится на раннесредневековый период, в VIII - X веках, когда они практически заселили весь Дои и его притоки. Возможно, что это были представители именно «демократических племен», впоследствии известных как натухаевцы, шапсуги и абадзехи. Разрыв связей Дона и Кавказа происходит в период татаро-

монгольского нашествия. Но наиболее значимым отчуждением друг от друга является принятие адыгами мусульманской религии. Именно этот фактор сыграл основную роль в разделении родственных народов. Но, независимо от конфессиональной принадлежности, и казаки, и адыги остались приверженцами демократии. Если говорить о времени появления казаков на Дону, то вполне можно начинать историю казачества с конца I века до н.э., т.е. 2000 лет назад. Но, скорее всего, момент зарождения донского казачества относится на период VIII-X вв., или чуть позднее в XI-XII вв. на основе остаточного населения Хазарского каганата.

И именно через название адыгского общенародного собрания Хасы можно объяснить происхождения термина «казак». Не следует забывать, что буквы «к/х/г» и «с/з/ш» при транслитерации с адыгского языка на русский равнозначны. И термин «каса-к/хаса-к» на адыгском языке означает «член Касы» или по-русски - «казак - член Круга».

Возможен и другой вариант. Не исключено, что первоначально на адыгском языке этот термин звучал как «каса ко», что означало «сын Касы», или «сын народного законодательного собрания». Подчеркивая сыновнюю преданность данной общественно-политической системе, адыги на более высоком уровне закрепляли значение Народного собрания в жизни каждого его члена. Признавая себя сыновьями Касы, т.е. рожденными от нее как от матери, они показывали свою полную зависимость от общества. Роль и значимость матери у адыгов чрезвычайно высоки и свято почитаемы. Это влечет за собой исключительную преданность обществу, как «матери». Не случайно самым тяжким наказанием за проступок перед обществом было изгнание из него. Утрата конечной буквы «о» в термине «казак» ни в коей мере не умаляет значения и смысла сыновней преданности обществу. В этом случае первоначальное значение термина будет еще выше, «казак» - не просто член Касы, а ее сын. В любом варианте заложен глубочайший смысл полной и положительной зависимости личности от общества. Называя себя «сынами Дона», казаки наверняка имели в виду не просто географическое название реки, а общество, «породившее» их.

Казак - это лично свободный (вольный, независимый) человек, полноправный член всеобщего народного законодательного собрания (Круга, Хасы), имеющий право избирать и быть избранным в органы исполнительной власти различного уровня (атаман, тамада), имеющий право голоса при решении всех жизненно важных вопросов (войны и мира, распределения земли и различных угодий, судебных вопросов и т.д.). Только в таком контексте этот термин может означать «свободный, вольный», но более точным по смыслу будет значение - «демократ». И, самоидентифицируясь в современном социуме как

«казак», не следует забывать о первичном значении данного термина. Данная трактовка термина «казак» находится в полном единении с вопросом о происхождении казачества и содержит смысловое значение не только самого слова, но и сущности явления.

Происхождение самоназвания и большинства сохранившихся традиций у казаков, бесспорно, указывает на основную и решающую роль адыгских народов в их происхождении, особенно низовых казаков. Вероятнее всего, адыгское население появляется на Дону вместе с тюркоязычными болгарами, переселяясь на его берега с Западного Кавказа, в связи с вхождением Подонья в состав Хазарского каганата в VIII-X вв. Тюркский язык становится господствующим на Дону, до постепенной смены его на русский, за счет накопления его носителей. Но в целом, казачество складывается на полиэтничной основе. Это признают и сами казаки, упоминая, что они от «... Горских народов...». К этим «народам», прежде всего, относятся аланы (предки современных осетин), сыгравшие значительную роль в формировании верхового казачества. Это подтверждается наличием археологических и письменных данных. Кроме алан, вероятно, имелись представители и других кавказских народов, т.к. этот этноним покрывал собой и иные народы (например, чеченцев и ингушей). Без сомнения, свой вклад в происхождение казачества внесли и более поздние представители тюркских народов (печенеги, половцы и др.). С VIII–X вв. на Дон начинают проникать славяне, ставшие в последствии основным миграционным потоком увеличения населения. Вероятно, уже в самом начале формирования казачества, при явном преобладании адыгов, население Дона было полиэтничным. Вливаясь в общины адыгов, инородцы, не являясь выходцами с Западного Кавказа, становились полноправными членами Хасы/Круга, т.е. «казаками». Многочисленные адыгские племена объединяются общим наименованием «черкасы», что означает жители «страны Касы» («чер» – на адыгском языке – страна). Донские казаки, сохраняя все черкаские (адыгские) традиции и обычаи, но, будучи полиэтничным обществом, остаются просто «казаками». Возможно, что «черкасами» назывались этнические адыги, а термином «казак» инородцы, являющиеся полноправными членами Касы. Интересно, что адыгское общественно-политическое устройство, их обычаи и традиции явились настолько привлекательными для «инородцев», что, заведомо, будучи в основном уже русскими, казаки говорят А. Ригельману о своем черкесском/адыгском происхождении, отказываясь от этнического родства. Профессор Н.А. Мининков считает, что причиной присвоения себе чужого этнонима казаками, является политической попыткой реабилитировать себя, отмежеваться от своего «неблагородного» происхождения, т.е. от

беглых и холопов. Таким образом, он невольно подтверждает, что происхождение казаков от адыгов/черкесов вполне «благородно».

Основы менталитета адыгов заложены в глубокой древности и отражены в «адыгском этикете» - своде исключительно высоких общечеловеческих морально-нравственных норм формирования личности и взаимоотношений в обществе. Авторитет у окружающих народов и целый ряд других положительных качеств дают основание казакам гордиться родством с этим народом. Искренне жаль, что многие факторы, составляющие целостную сущность адыгского народа и, следовательно, казачества, в настоящее время во многом утрачены. И очень бы хотелось, чтобы современное возрождение казачества и адыгского общества, кроме внешних признаков возродило и основную морально-этическую составляющую. Это дало бы положительные результаты в улучшении решения проблемы толерантности не только на Северном Кавказе, но и целом в России. К сожалению, мало кто знает о существовании у адыгского народа уникальной системы - «Каса» плюс «этикет», которая основана на единстве общественно-политической системы и морально-этических норм, и способна с успехом решить проблемы не только толерантности, но и создания подлинно демократического общества. Раньше почти все народы Кавказа имели, по крайней мере, ростки или понимание этой системы, что вполне обеспечивало стабильность этнополитического сосуществования. Их утрата привела к явному ухудшению ситуации.

Если черкасами являются, по сути, все адыгские народы, включая черкесов и кабардинцев, то конкретный термин «черкес», в качестве этнонима относится только к населению Черкессии, когда князь Иная в качестве обоснования для заселения данной территории объявил, что эти земли принадлежали одному из родоначальников адыгских племен Кесу. И этноним «черкес» означает «житель страны Кеса - «чер Кеса». Впоследствии этот термин подменяет общеадыгское «чер Касы», т.е. житель «страны Касы/Круга» или «страны Демократии» и применяется для обозначения всего адыгского народа.

Запорожские казаки-черкасы также являются боковой ветвью, имеющей западнокавказские корни. Но их происхождение несколько иное, чем донских. Интересно, что, будучи переселенными на Западный Кавказ и Кубань, они возвращаются на свои исторические земли.

Вообще, похоже на то, что роль северокавказских народов в формировании южнороссийского населения еще далеко не оценена и не осмыслена. Многие имеющиеся моменты и факты могут свидетельствовать об их весьма значительной, если не основной, роли в этом процессе.

Вероятно, именно с названием адыгского народного законодательного собрания - Хасы/Касы связано и название станицы Черкасской и города Черкассы (и, следовательно, Новочеркаска). Учитывая адыгское «чер – страна, территория», «чер Каса» можно перевести как «страна (территория) Касы», т.е. место, где проводится Законодательное собрание (Круг), а население этой территории - черкасы. В этом случае названия населенных пунктов можно перевести как «место проведения общего законодательного собрания, т.е. Кассы/Круга».

Сведение понимания казачества только как военно-служилой категории с его воинской доблестью и защитой Отечества вымывает и Умаляет саму сущность явления, заключающуюся, прежде всего, в общественно-политической системе. Проводимая в настоящий момент политика демократизации России может и должна учитывать многовековой исторический опыт регионов подлинной демократии - Дона и Северо-Западного Кавказа.

М.И.Крайсветный

Войсковое казачье общество «Всевеликое Войско Донское»,
г. Новочеркасск

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 3, 2007 г.

Свадебный обряд донских казаков во времени и пространстве

Свадебный обряд в духовной культуре донского казачества занимает, пожалуй, центральное положение как по сохранности элементов, так и по объему обрядово-ритуальных действий, состояний, речевых и фольклорных текстов, атрибутов, предметов, действующих лиц и словаря. Как и в любой другой этнической культуре, свадьба на Дону имеет свои хронотопные особенности, продолжая одновременно с ними определённую традицию, точнее, возвращаясь к ней в ходе своей эволюции. Нет ничего исключительного и в том, что свадьба - наиболее популярный обряд среди донских историков, краеведов, этнографов, фольклористов, а теперь - и этнолингвистов. Среди публикаций наиболее значимыми представляются работы В.Д.Сухорукова^[1], А.М.Листопадова^[2], В.Броневского^[3], Н.И.Краснова^[4], С.Номикосова^[5], А.М.Савельева^[6], Е.П.Савельева^[7]. Существенно пополняют наше представление о свадебном обряде архивные материалы – рукописи Х.И.Попова^[8] и

безымянного автора^[9]. Расширяют географию сведений об обряде публикации в периодической печати XIX-XX вв. и научных сборниках С.Анашкиной «Свадебная обрядность донецких казаков»^[10], А.В.Миртова «Казачья свадьба на хуторах Митякинской станицы»^[11], Полякова «Старинная донская свадьба»^[12], Я.Реброва «Старочеркасские свадебные обряды»^[13] и др. Предварительные итоги изучения обряда подвела в кандидатской диссертации Е.Ф.Критска-Иванова^[14], ориентируясь прежде всего на фольклорные тексты обряда. Перечисленные работы в той или иной степени служат основой для современных компилятивных описаний обряда^[15].

Большой фактический материал по донскому свадебному обряду, с одной стороны, делает возможным описание его истории на протяжении почти полутысячелетия, с другой – свидетельствует о незавершенности темы, более того, предполагает дальнейшее изучение с целью его этно- и лингво-картографирования. Лишь в этом случае картина приобретет завершенность, а исследователь получит право на окончательные выводы. В рамках объема данной статьи и на основе собранного и далеко еще не полностью обработанного полевого материала предпримем попытку некоего общего обзора донской казачьей свадьбы.

Выделение в восточнославянском свадебном обряде двух его разновидностей (типов): вирилокальной (с подавляющей ролью жениха) и уксоилокальной (с преимущественным положением невесты) свадьбы - и территориальная отнесенность первой разновидности к русскому Северу, а второй - к Белоруссии, Украине и исконным землям юга России делает актуальным вопрос об отнесенности этих дефиниций к казачьему Дону. На наш взгляд, у донских казаков оба типа органично сочетаются, взаимодополняя друг друга и исключая крайности вроде «клетного обряда» у украинцев или похоронных плачей по невесте у севернорусов. Общеупотребительное клише «Я из родительской воли не выхожу» касается в равной степени как жениха, так и невесты, причём последняя обладает относительной свободой выбора и даже правом вето на предполагаемую кандидатуру в мужа^[16]. Если окинуть взглядом весь обряд, то всё предсвадебье и начало дня свадьбы вплоть до венчания сосредоточено на половине невесты, которая, будучи засватанной, определяет весь ход подготовки к бракосочетанию, отводя жениху пассивную роль: посетить вечеринку у невесты, забрать приданое (постель), терпеливо ждать результатов переговоров дружка со свашкой у закрытых ворот, терпеть капризы продавцов места рядом с невестой в эпизоде сидения на посадке и т.д. И лишь после венца инициатива постепенно переходит к молодому супругу, хотя сама молодуха вплоть до финального эпизода остается в центре внимания участников обряда. Косвенно, но весьма

выразительно самостоятельность невесты подтверждает следующий фрагмент рассказа донской казачки о предназначении приданого:

«Вазьмёт он йиё вот такую-ты вот, ф платтицы, он: "Та мне большы нихто ни нужын, мы наживём сабе!" А раньшы этава нет. Восимь падушык, пярину хорошую, две ватных адиялы, чытыри прастины – полностью справить. А сундук – сорок рубашек накладуть туда, вот, надяват на телу. Эта фсё чистачки. А раньше ис сваво сундука год целый пользуисси. А тады ни шматочка в этом дваре ня купять, ни метра. И ни абижаица. Гот прайдёт, тада ани купять ей на зависку, на фартук купять, а ана тада пакланица в ноги, што купили ей на фартук»^[17]. Ирония последней фразы – в том же ключе относительной свободы казачки в семейной жизни, что и знаменитая донская кладка, включающая «крытую шелковым или шерстяным матерьем шубу, овчинную нагольную шубу, два платья ситцевых (или одно шерстяное), два платка, колпак и башмаки – новые»; её родители невесты выговаривают... от родителей жениха к браку»^[18]. Эту свободу поведения в предбрачный период и после венца казачка должна была завоевать, доказать полным сосредоточением на семье, муже, детях и доме после свадьбы, самоотверженной жертвенностью во благо рода, занятием того места в казачьем обиходе, которое она сама с печальной иронией обозначает присловьем «я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», Добавляя к нему шутливо-объективное «казак же в доме для красоты». Путь к свободе был очень долг, потому что почти 5 веков назад свадьбу на Дону играли совсем иначе.

Этот обряд «рыцарского» периода истории донского казачества (XVI-XVII вв.) описан едва ли не каждым историком или краеведом: «... Жених и невеста, согласившиеся вступить в супружество, являлись вместе на местную площадь во время народного собрания (т.е. на казачий Круг. - Б.П.). Здесь, помолившись Богу и кланяясь на все стороны, жених называл свою невесту по имени и говорил ей: "Будь ты мне жена", и невеста же, поклонившись жениху в ноги и назвав его по имени, говорила ему: "А ты будь мне мужем". После этого брачившиеся целовали друг друга и принимали от собрания поздравления с вступлением в законный брак, затем торжество оканчивалось пиршеством»^[19]. Здесь, в этой редуцированной свадьбе XVI—XVII вв., уже заложены существеннейшие черты донского свадебного обряда. Это, во-первых, общественный характер обряда, особенно ярко подчеркиваемый впоследствии так называемым «свадебным колдуном» (см. об этом ниже). Свадьба совершалась на казачьем Кругу, и им же выносился окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. Во-вторых, патронажная роль мужа-казака, берущего под свою защиту новобрачную. Наглядным доказательством этой роли служит укрытие полою одежды женщины, переходящей от

одного мужа к другому: «Прикрытие полою казаки почитали очень важным символом: оно значило снять с отказанной жены бесчестье развода»^[20]. Трогательно патронажную роль казака-мужа подчеркивает его фуражка в красном углу вдовьего дома: и после смерти казак заботится о той, с которой получил благословение общины. Наконец, минимальная сакрализация обряда, в котором православие явлено лишь обязательной перед любым делом молитвой. Конечно, в то время церковью на Дону практически не было, а батюшка избирался самими казаками на Кругу из своих же собратьев на определенный срок, после которого он, так сказать, возвращался в строй. Но следует, видимо, согласиться с тем, что благословение брака Кругом было выше Божьего благословения. Дело дошло до того, что в своё время грозный атаман Степан Разин выгнал с Дона попов и велел играть свадьбы «у вербовых деревьев»^[21], т.е. вернул донскую свадьбу едва ли не к языческой («умыкание невесты у воды») традиции. Религиозное своеволие донских казаков оказалось настолько устойчивым, что главным «ангелом-хранителем» свадебной церемонии даже в конце XVIII - начале XIX в. на Дону считался находящийся перед или подле жениха ведун (сбережатый), которого «дружка обязан был приискать заблаговременно и который не отлучался от жениха до окончания брака, наблюдая, чтобы на порогах и притолках, где ему надлежало проходить, не было чародейства и чтобы в пищу и питьё не примешал кто порчи»^[22]. С установлением церковной составляющей свадебного обряда (икона в храбром поезде, венчание-благословение молодых иконой при встрече в доме жениха) ведун стушеввался и постепенно трансформировался в свадебного колдуна. Но обычай оберегания жениха и невесты не только не утратился, но приобрёл самые разнообразные формы: и одевание рыбацкой сети под платье невесты (сейчас этого уже нет), и уголки крестиком на венчальном наряде невесты, и пшено в сапоге жениха, и мак вместе с зерном и хмелем во время обсыпания молодых, и т.д. В этом же ряду и белый платок, за который держатся новобрачные при входе в дом: *«Друшко за платоцик маладых - фсигда шоп диржались - видеть. Шоп за прыталку аци ни прислонились рукою, а то эти кылдуны, фсе ведьмы - ани фсё загаваривают: на пярлах, на энтих (притолоках. - Б.Н.). Он как видеть - а мы ш иё аппёрли - знащить, фсё: уже ты или жыть ни будиш, или сохнуть будиш»*^[23].

[1] Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественного, изданная А.Корниловичем. СПб., 1824.

[2] Листопадов А. М. Старинная казачья свадьба на Дону. Ростов н/Д,

1947.

- [3] Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834. Ч. III.
- [4] Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского// Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами Генштаба: В 6 т. СПб., 1864. Т. IV.
- [5] Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. В 5 т. Новочеркасск, 1884. Т. I.
- [6] Савельев А. М. Донские песни. Новочеркасск, 1867.
- [7] Савельев Е.П. История казачества (Историческое исследование). Новочеркасск, 1916. Ч. III.
- [8] Свадебные обряды. Неоконченная рукопись Х.И. Попова // ГАРО, ф. 55, оп. 1, Д. 44.
- [9] Свадебные обряды станицы Нижне-Кундрюченской // ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 43.
- [10] Анашкина С. Свадебная обрядность донецких казаков // Традиционное и современное народное музыкальное искусство. М., 1976.
- [11] Миртов А.В. Казачья свадьба на хуторах Митякинской станицы // Педагогическая мысль. Ростов н/Д, 1918. № 8.
- [12] Поляков. Старинная донская свадьба // Донские областные ведомости. 1875. №22.
- [13] Ребров Я. Старочеркасские свадебные обряды // Донская газета. 1875. № 30.
- [14] Критска-Иванова Е.Ф. Свадебный обряд и свадебный фольклор донских казаков: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1978.
- [15] См: Новак Л., Фрадкина Н. Как у нас-то было на Тихом Дону: Историко-этнографический очерк. Ростов н/Д: Ростиздат, 1985; и др.
- [16] Именно так ведут себя в предсвадебье шолоховские героини: Аксинье Степан «понравился», а потому и стала возможной их свадьба; Наталья угрожает родным уходом в Усть-Медведицкий монастырь, если они не отдадут её Григорию; Дуняша упрямо преодолевает застарелую ненависть Ильиничны к Мишке Кошевому и, по существу, женит его на себе, играя главную роль в обряде.
- [17] Назарова Вера Игнатьевна, 1915 г. р., урож. х. Вертячий Мешковской станицы (магнитофонная запись из архива автора, далее - Архив Б.П.).
- [18] Свадебные обряды... Л. 2-2 об. Состав кладки мог варьироваться в зависимости от достатка казака и даже места жительства (на богатом Нижнем Дону в кладку могли входить табун лошадей или отара овец, а бедноватые верхнедонцы обходились всего лишь несколькими предметами), но непременно составляющей этого донского калыма была донская шуба, которой обычно и открывался список жениховых даров.
- [19] Донская епархия и десятилетие управления ею архиепископа Платона // Донские епархиальные ведомости. 1887. № 5. С. 157. Таким

же простым был и развод: «Муж, введя свою жену в собрание народа, говорил: "Атаманы-молодцы, она была мне услужливая и верная, теперь она мне не жена, а я ей не муж". Освобожденную таким образом женщину мог взять в замужество кто-либо другой и здесь же, причем таковой обыкновенно прикрывал ее полою своего платья, а затем говорил... слова брачного сочетания (остаток этих форм брачного сочетания и развода можно видеть и в наши дни у некоторых донских старообрядцев)» (Там же. С. 157-158). Брак и развод XVI—XVII вв., на наш взгляд, служат замечательным указанием на донской этногенез, проходивший в этот период в условиях разрыва культурной традиции, что потребовало формирования новой, маскулинной по сути (казак в то время – воин) духовной культуры, разительно отличающейся от традиционной славянской земледельческой свадьбы и других обрядов и обычаев славян.

[20] Броневский В. Указ. соч. С. 124. Старые дончаки рассказывают, что, возвращаясь домой со службы или войны, казаки запасались большими белыми платками, которыми покрывали головы жён, согрешивших во время разлуки и прильнувших к сапогам сидящих на конях мужей в ожидании справедливого суда: этот жест означал, что грех «потопан и забыт» (есть такая формула в донское словаре), и отныне всякий, кто о нём помянет, будет иметь дело с мужем.

[21] Так записано в допросных листах Фрола Минаева после разгрома восстания. См.; Ригельман А. История, или повествование, о донских казаках. М., 1848. С. 61.

[22] Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 325. В. Броневский добавляет к этому, что ведун «избирался из так называемых колдунов... В должность сию старались сыскать упыря, рожденного от ведьмы, которого простой народ по суеверию своему почитает добрым гением; пред мудростью которого все волшебницы и колдуны смиряются и в присутствии коего никакого зла сделать не могут» (Броневский В. Указ. соч. С. 207).

[23] Чумаков Н.И., 1909 г. р., ст. Владимирская (Архив Б.П.).

«Рыцарский» свадебный обряд сменяется более развёрнутым в XVIII в., когда после реформ Петра I донские казаки начинают заниматься земледелием и животноводством и вести оседлый образ жизни, что привело к увеличению женской составляющей казачества, численности семьи и т.п. Именно казачка развернула свадебный обряд до тех пределов, в каких он фиксируется донскими историками и краеведами XIX в. – от Сухорукова до Листопадова. Этот обряд становится трехчастным, состоящим из предсвадебья, дня свадьбы и послесвадебья, он насыщается фольклорными песнями, присловьями, включает в себя обязательное венчание, обрастает различными предметами и атрибутами и т.д. Возникает и расширяется свадебный словарь, состоящий, по нашим наблюдениям, из более чем 200 общеупотребительных и диалектических слов и фразеологизмов.

Примечательной чертой этого словаря можно считать абсолютное отсутствие в нем слов неславянского происхождения. К середине XIX в. донская свадьба достигает пика в своем развитии. При этом наибольшее сходство она имеет с южнорусским обрядом, отличаясь от последнего многими чертами и особенностями, о причинах которых частично было уже сказано выше. Отличают от русской донскую свадьбу и отдельные элементы, проникшие в обряд от украинцев. Речь идет не о тех запорожцах и сердюках (выходцах из бывшей Северной земли), вместе с русскими и представителями различных восточных этносов положивших начало донскому этногенезу, результатом которого из-за вмешательства в дела Дона российских властей, превративших казаков в военное сословие, стало образование донского субэтноса, части русских со своеобразными чертами материальной и духовной культуры. На донскую свадьбу повлияли крепостные, которых донские дворяне приобретали в Слободской Украине и переселяли на подаренные им за заслуги пустующие войсковые земли, в результате чего в большой излучине Дона образовались многочисленные украиноязычные анклавные слободы, поселки и хутора, а на западе и юго-западе Области Войска Донского такими анклавами оказались уже русскоязычные казачьи станицы и хутора. Наиболее интенсивно этот процесс украинского освоения Дона шел с последней трети XVIII в. до середины XIX в. Казаки считали своих соседей уже «чужими», «хохлами», нарочито подчеркивали разницу в языке и быту, но тем не менее усваивали и украинизмы, и элементы обрядов. В свадьбе их достаточно много.

Так, чисто казачий обряд не знает так называемой «антисвадьбы», т.е. разнузданного веселья второго дня с переодеванием, розыгрышами, солеными шутками, валянием в грязи, обливанием гостей и хозяев и тому подобными действиями в честь нечистой силы, коей и посвящена антисвадьба, объективно репрезентирующая часть славянской земледельческой свадьбы с её мотивами почитания предков. И до сих пор в бывших 2-м Донском, Усть-Медведицком и Хоперском округах ОВД обходятся без этого свадебного «излишества», а на остальных казачьих землях Дона антисвадьба воспринимается едва ли не как исконная традиция. В последнее время в некоторых местах замечены даже тачки для катания тещи и других персонажей.

Донской каравай имитирует «мировое древо», представляя собой основу, лежень, изготовленную из сдобного теста, украшенную фигурками и узорами, в которую вставляется пышная ветка плодового дерева, обернутая полосками теста и увешанная лентами, конфетами и т.п. Такой каравай нейтрален по отношению к репродуктивной символике свадебного обряда, что естественно для казаков-воинов (по приоритетности занятий). В бассейне Северского Донца, на

Нижнем Дону, в Задонье караваем считается украинская «шишка», сдобный пирог из заостренных палочек теста, связанных также лентой из теста: фаллическая, т.е. прямо относящаяся к идее плодородия, символика такого караваев несомненна, что естественно для украинцев-земледельцев. Иногда можно встретить контаминированный каравай: запечённые в тесте деревянные палочки густо втыкаются в сдобную булку.

Не знали казаки и так называемых быков, т.е. двух связанных друг с другом бутылок спиртного, стоящих нетронутыми перед молодоженами во время свадебного пира. Эти быки пришли к казакам от украинцев, традиционно подкрашивающих горилку как намёк на мистерию первой брачной ночи. Иностранность быков на донской свадьбе обнаруживается, в частности, в том, что существует множество вариантов дальнейшего использования этих сосудов: одни продают «огненную воду» гостям по чайной ложке, другие отвечают этим напитком на дары гостей (этот эпизод, так называемый сыр-каравай, во многих ареалах Дона отнесен ко второму дню свадьбы), третьи берегут бутылки до годовщины свадьбы или рождения первого ребенка, и т.д. и т.п.

Вслед за быками казаки стали «забивать чоп», т.е. заканчивать женитьбу последнего сына забиванием в землю деревянного кола, вокруг которого устраивается потеха с шутками, розыгрышами, состязаниями и т.п.

Отметим, наконец, факт контаминации двух традиций - казачьей и украинской - в Задонье, которое было заселено очень поздно, причём в этом процессе на равных участвовали казаки и украинцы, постепенно вытесняя с их родовых земель на восток аборигенов-калмыков. В Зимовниковском районе уже не могут определить, из какой традиции взят тот или иной эпизод: и казаки, и украинцы в свадебный поезд жениха включают так называемую свитылку - девочку с букетом цветов и сам букет. И те и другие поют одну и ту же песню, но казаки вставляют в текст слово печь, а украинцы заменяют его на слово груба - всё остальное совпадает.

Конечно, за полтора века эталонный донской свадебный обряд середины XIX столетия не мог не измениться. Вкратце охарактеризуем эти изменения по всем трем частям обряда.

Предсвадебье некогда состояло из следующих эпизодов:

- **сватовство**, состоящее из *выбора свахи и сватов* (института профессиональных свах на Дону не было, а потому в свахи попадали наиболее расторопные и сообразительные казачки из числа родственников жениха); прихода сватов в дом жениха и зачина сватовства (для последнего характерны многочисленные варианты

иносказательного объяснения причин появления гостей («*телушка заблудилась*», «*куница спряталась*», «*гулюшки залетели*» и т.д.); смотра невесты с элементами розыгрыша, замены девушки на старуху и т.п.; совета сватов и жениховой родни о достоинствах жениха и невесты и их взаимном согласии; запива (дон. *своды, сводилки, договоры*), во время которого соединяли руки будущей четы, накрыв их платком (см. выше), и достигали обоюдного согласия на продолжение обряда, сговора, или рукобитья, т.е. помолвки, с обязательным зарядом – своеобразной страховкой на случай отказа одной из сторон и пропоем (дон. *запоем, пиром*), на котором молодые люди официально объявлялись женихом и невестой и обсуждались затраты сторон, объём кладки, последующие действия и пр.; окончания сватовства, о положительном результате которого станичников или хуторян извещали с помощью нескольких песен, распеваемых участниками сговора, расходящимися по домам;

- **смотрение места** (дон. *смотреть печи, гладить стенки, глядеть пепелище* и др.) как официальное посещение невестой (еще один признак её свободы в обряде) и её родственниками дома жениха, будущего места обитания, с обязательным элементом общения с домашним пенатом-домовым в форме различных манипуляций с русской печью (выгребание золы, побелка поцарапанных стенок);

- **общение жениха и невесты** в необрядовой форме, а также на вечеринках, устраиваемых невестой, усиленно готовящей подарки суженому;

- **подушки**, т.е. перенос приданого в дом жениха с неизменными песнями, угощением и эротическими играми с постелью;

- **девичник и мальчишник** (дон. *вечер*) с заметно развитым сюжетом девичника (выбор *дружки*, которой, как правило, становилась самая близкая, *тайная*, подруга невесты, обыгрывание печальными песнями расставания с девичьей волей, примерка подвенечного наряда и т.п.) и элементарным застольем мальчишника.

Непременной составляющей предсвадебья были **обрядовые песни**, «стартом» для которых становился сговор. На Дону сложился устойчивый, воспроизводимый практически на всем пространстве ОВД репертуар предсвадебных песен, включающий такие тексты, как «На горе чи дуб, чи береза», «Да у лебедя лебедушка под крылом», «Во садику во земном соловей калину щекочет», «По рукам сваты вдарили, заряды положили» (на сватовстве; в качестве примера песенного обыгрывания обряда здесь и далее мы приводим данные по станице Нижне-Кундрюченской), «Пьяница пропойница», «Да бел заюшка молоденький горностаи», «У нас ныне незнакомый побывал» (на сговоре-помолвке), «Месяц дорожку просветил», «Не шушкайте, не

гугукайте на нее», «А мы в свата были» (на «подушках»), «Дуброва зеленая» («Дуброва, дубровушка» - для сироты), «Вечер, вечер, вечеришнички», «Свет мой, воля девичья» (на девичнике). Заметим, кстати, что практически ни одна из названных песен не представлена в фольклорном свадебном репертуаре собственно русской традиции^[24], что свидетельствует о творческом развитии обряда донскими казаками. Предсвадебье в XX в. редуцируется как в количестве эпизодов, так и в песенном обслуживании. Сватовство практически сводится к однократному посещению сватами дома жениха (в старину оно затягивалось на несколько приемов-пиров), во время которого обсуждался весь комплекс вопросов, связанных с подготовкой к свадьбе, – это стяжение лексически проявляется в семантической разноголосице свадебных терминов: в разных станицах одним и тем же словом могут называть самые разные эпизоды сватовства. Естественным следствием этой редукции стало сокращение числа песен, а в некоторых районах – и практически полное исчезновение предсвадебного репертуара.

День свадьбы в донском обряде расписан столь же скрупулёзно, как и предсвадебье, причем сюжет этого дня сохраняется в неизменности даже в современном исполнении ритуала. Этот день начинается с оголашивания невесты, играющей на заре печальные песни о расставании с родными и девичьей волей (сирота оголашивается на могилках родителей), причём этот ритуал представлен на Дону спорадически, потому что содержательно он чаще всего совершается накануне, на девичнике.

Далее последовательно совершаются:

- **одевание невесты**, с таким архаическим элементом, как стояние на полсти (войлоке) или вывернутой шубе (через них невеста «общается» с предками, надеясь на их благословение), а также с неизменными оберегами (см. выше);

- **отъезд храброго поезда жениха за невестой**: «На Михайлыу день была свадьба. На Михайлыу день жыних должын ехать за нивестай на лошади з друзьями. У мене шесть щилавек была шахвируу, я сидьмой. Паехали за нею. Линейка или дрошки, пара лашыдей зыприжона у эти дрошки, два развода – пыйижжани, эта усе там - песни, эта мая радня уся – паижжаны называют. Мы на кони пысадились и пыскакали, а на дрошках – там тока сидить друшка и свашка, большы никаво, и куцир»^[25]; скачущие к невесте казаки ощущают себя охотниками (в XVII в. гулебщиками называли охотников, а позже гулебные – это гости на свадьбе), преследующими «молодую куницу – красну девицу»;

- **сидение на посаде невесты** в красном углу в ожидании приезда жениха;

- **преодоление препятствий** храбрым поездом жениха – наградой за «подвиги» становится его появление вблизи невесты;
- **выкуп места** – шуточный торг с его хранителями, становящимися после продажи объектом насмешек и укоризненных обличений (см. ниже);
- **угощение гостей** у невесты и *прощание* её с домом и родными - насыщенные песнями эпизоды;
- **следование храброго поезда** к церкви с появлением в этом эпизоде свадебного колдуна (см. ниже) и венчание, проводимое в строгом соответствии с каноном;
- **встреча молодых в доме жениха** с активным включением в обряд зрителей (дон. *глядельщики, смотрельщики*), которым достаются не только конфеты, орехи и деньги во время обсыпания, но и кусочки *встречника* (сдобного хлеба, который разламывают над головой новобрачных);
- **свадебный пир и дары** (дон. дарёж, сыр-каравай), отличительной чертой которых в давнее время и особенно на свадьбах простых казаков была так называемая *зеленая телушка*, т.е. отложенный подарок: приплод скота, домашней птицы, который получают молодые после его появления на свет (напомним, что дары могут переноситься на второй день свадьбы);
- **обкрутка невесты** – замена девичьей прически (две косы) на женскую. Получившийся *куль* прячут в *колпак* или *фальшонку*, по которой всегда можно было определить донскую казачку; отводы в постель, в донской традиции совершаемые деликатно, незаметно, без привлечения внимания пирующих;
- **вечерние гости** – не везде соблюдаемое приглашение родных невесты на пиршество в дом жениха.

[24] См.: Русская свадьба: В 2 т. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2000.

[25] Галушкин В.Д., 1909 г.р., ст. Семикаракорская (Архив Б.П.).

Чуть подробнее коснемся двух моментов.

Свадебный колдун, известный и в русской традиции^[26], на донской свадьбе играет весьма специфическую роль. Он появляется (часто даже не физически, а действием) в момент отправления храброго поезда в церковь в том случае, если его забыли пригласить на

свадьбу, а это случается потому, что он уже стар, дряхл, живет одиноко на краю хутора или станицы, не является родственником. Наказания за пренебрежительное отношение к станичнику самые разнообразные: с брички слетают колеса; лошади вмиг оказываются на свободе, или встают на дыбы, или разворачиваются мордами к бричке, или не трогаются с места; молодые и их гости неожиданно начинают скорбеть животами, или обращаются в соляные столбы, или испытывают непереносимую головную боль; свадебный кортеж кажется охваченным огнем, и т.д. и т.п. Цель всех этих «безобразий» – напомнить хозяевам свадьбы, что этот обряд искони носит общественно значимый характер, что создаваемая семья непременно должна получить одобрение всего социума. И именно эта роль подчеркнута тем обстоятельством, что после принесения сватами извинений, угощения и приглашения на свадьбу колдун отправляет процессию в путь словами: «Езжайте с Богом». Связь свадебного колдуна с нечистой силой призрачна, условна, если никто не реагирует на его «шутки», он может сам пострадать от этого, да и его чары иногда находят естественное объяснение: лошади не двигаются с места, потому что перила моста смазаны волчьим жиром и т.п. Колдун продолжает роль ведуна (см. выше), оберегая не участников обряда, а высший его смысл – создание ячейки общества, введение в социум новых членов, призванных продолжить жизнь рода в тех нравственных и этических нормах, которые завещаны были предками, казаками-«рыцарями» XVI—XVII вв.^[27]

Песенный репертуар дня свадьбы просто необозрим: опеваются едва ли не каждый эпизод. Многие из этих эпизодов обрамляются песнями, обычно короткими по размеру, но по смыслу напрямую соотносимыми с происходящим. День свадьбы обыгрывается, как правило, небольшой группой песенниц, мастериц своего дела, досконально знающих ход обряда и зачастую определяющих его ритм. Своё место в песенном наполнении свадьбы занимают так называемые корильные песни, малоизученный жанр русского обрядового фольклора, что «объясняется тем, что корильные песни записывались не так часто»^[28]. Первым адресатом укоров становится отец невесты еще на сватовстве, на пиру, закрепляющем договоренности о создании новой семьи:

Да пайдёмте па улицы,
Да пайдёмте па шырокай,
Два двара да минуючи,
Да два двара да минуючи,
Да ф треттим паслухаим
Да што люди гаворють,
Маво батиньку порють:
- Да пьяница, да прапойница.

Да пропил да он Настюшку
Ни за мёт, ни за чару -
Да за умнаю пару.
Да он любачка ходя,
Да манежна гаворя,
Да он тиха ступая,
Да Настюшкой называя»^[29].

(Мы привели пространный текст «жалобной» невестиной песни, в которую включена корильная часть, что свидетельствует о популярности этого мотива; е с т ь и записи самостоятельного текста подобного содержания).

Далее под огонь критики попадают *подушечницы*, оставившие приданое в доме жениха:

Подрушка наша да Настюшка,
Пьяницы тваи падрушки:
Прапили тваи падушки,
Здали Ванюшки на паручки^[30].

В день свадьбы «достаётся» от песенниц, выступающих в роли ведущих и одновременно критиков обряда:

- **брату невесты** , продающему место для жениха рядом с сестрой:

Ты, братиц-татарин,
Ты, братиц-татарин,
Систру прыматарил
За два залатова^[31].

(во всех вариантах этой корильной песни обыгрывается оппозиция «свой-чужой»: «свой» братец превращается в «чужого» татарина, как только получает выкуп);

- **свахе**:

Наша сваха рохля,
Под печкой издохла.
Друшко заглядаить -
Качиргой выгрибаить.

- **дружку**:

Табе, друшко, да ни друшкавати -
Только варавати
Ва горади вайиводаю
Са харошаю пагодаю^[32].

Общей чертой свадебных корильных песен на Дону можно считать нарочитую нелепость, абсурдность обвинений в адрес того

или иного участника обряда, что свидетельствует не только об игровой природе тех или иных эпизодов обряда, но и об иронии и самоиронии - характерных чертах психологии донских казаков.

Послесвадебье в донской свадьбе калейдоскопично в том смысле, что не имеет выверенного, охватывающего весь Дон сценария: кое-где ещё сохранилось *варёное*, т.е. угощение молодым на утро после свадьбы, присылаемое тещей; где-то практикуют *отводы*, т.е. продолжение свадьбы в доме невесты, *курей*, т.е. складчину, собираемую участниками свадьбы для продолжения веселья. Выражение *бить горшки* в одних станицах понимают как обряд благодарения женихом тещи, сохранившей дочь в невинности: уложив тещу на лавку, молодой муж меняет ей старые туфли на новые, а затем разбивает на её животе глиняный горшок, что символизирует окончательный уход дочери от отца-матери; в других станицах - как испытание ловкости и домовитости *молодайки*, заматающей веником разбитые на подворье гостями горшки. Не везде играют антисвадьбу (см. выше). Конечный эпизод свадьбы также обозначают по-разному: и *бить горшки*, и *завивать (заливать) овны*, и *заливать пожар*, и *хоронить концы*, и даже странно и непонятно - *сосать гвоздок*. Тем не менее есть один устойчивый, общедонской эпизод послесвадебья, связанный с невинностью невесты. Он устанавливается относительно поздно, в пору развертывания «рыцарской» свадьбы в трёхчастный обряд, но в XIX и даже XX в. соблюдается весьма строго. Невинность невесты отмечают повсеместно одинаковым образом: по станице или хутору *носят калину* - флаг с кистями калины (эта ягода может украшать и каравай), выражают всеобщую радость обильным возлиянием, песнями, славящими мать и дочь:

Ты не бойся, матушка, не бойся,
В червоны чоботы обуйся;
Да хоть наша Марфушка молода,
Да вывела матушку со стыда^[33].

Наказанию же за то, что невеста не соблюла себя, подвергаются и она, и её мать. Если отбросить редкие крайности (невесту возвращают родителям, на тещу надевают хомут), то надо признать, что отношение казаков к невинности («порочности») невесты в целом довольно снисходительное, что проявляется не только в широко практикуемой подмене дефлоральной крови воробьиной или петушиной, но и в лёгкости наказания. На Верхнем Дону в этом случае используют *худую ведёрку*: свекровь просит невестку принести из Дона воды, вручая ей ведро с дыркой.

Ещё одним общим элементом можно считать участие огня в заключительном эпизоде свадебного обряда, очистительная символика которого не подлежит сомнению.

XX век внёс свои коррективы в обряд. Прежде всего, усилилась экономическая сторона свадьбы (дошло до того, что ныне *смотрельщикам* продают кусочки *встречника*, что уродливо с точки зрения традиции), сокращен репертуар фольклорных текстов, ведущие традиционного обряда - *друшко* (он же - *тысяцкий*, *старший боярин*, *сват*) и *свашка* - становятся простыми шаферами, а распорядителем становится ведущий, специально готовящий сценарий свадьбы с массой игровых, но не обрядовых действий, усиливаются локальные варианты обряда, закреплённые казусом, прецедентом («а у нас так принято»). И всё же донская свадьба сохраняет главные традиции, о чём мы и попытались рассказать в данной статье.

Б.Н.Проценко,
Ростовский государственный университет

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

[26] См.: Левкиевская Е.Е. Колдун // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528-534.

[27] Подробнее об этом персонаже см.: Проценко Б.Н. Донской свадебный колдун: образ, действия, функции, значение // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. консерватории им. С.В.Рахманинова, 2000. С. 235-245.

[28] Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М.: Высшая школа, 1982. С. 97.

[29] Песня записана фольклорным коллективом «Сторонушка донская» (г.Волгодонск) в г. Каменск-Шахтинском у сестёр Ковалёвых.

[30] Хутор Александровский Морозовского р-на (запись «Сторонушки донской»).

[31] Яковлева Е.А., 1912 г. р., урож. ст. Мелиховской Усть-Донецкого р-на (Архив Б.П.).

[32] Оба текста записаны в х. Александровском Морозовского района.

[33] Броневский В. Указ. соч. С. 211.

О некоторых компонентах мужской традиции в духовной культуре донских казаков

(На материале, собранном в Усть-Донецком районе*)

Изучение мужской традиции в духовной культуре донских казаков для постижения ее своеобразия является чрезвычайно важной задачей. Некоторые особенности формирования и развития как донского казачьего субэтноса, так и его культуры уже становились предметом научного этнолингвистического исследования [1]. Среди них можно назвать полиэтнический характер формирования социума, отрыв от материнской славянской традиции, дальнейшее воссоздание элементов земледельческой культуры [2]. Очевидно, что складывавшаяся мужская культура, субъектом которой являлся казак-воин, составляет оригинальный пласт традиции, отличающий ее от других локальных вариантов. В предлагаемой статье будут рассмотрены некоторые компоненты мужской традиции, реконструируемые на основе полевых материалов Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ из ст. Раздорской и окрестных хуторов.

Рождение мальчика у казаков, так же как и у русских, считалось большим счастьем, так как каждый мужчина получал еще при рождении надел земли, так называемый «пай». Однако в материалах есть указание на то, что мальчику делались особые подарки «на зубок»: *«Дед с бабкай идуть, тетка там, абизательна нисуть какой-та падарак. Или авечку дорють, или худобу какую-та там, чи телка. «Это тибе внучик! Это тибе на твае щастя!» Типерь жы ни носят. А раньшы ище кастюмы дарили. Саблю дарили гадов в семь-восимь. Сабля та ж ни маленькая, она ж па зимле будит»* [3]. На девочек это все не распространялось.

Сажали ребенка на коня с раннего возраста, что можно расценивать как элемент мужской инициальной обрядности: *«Кагда сидеть он можыт, посодють иво на каня, да придерживають, чтоб ни упал»* [3]. Но начиная с двух лет его регулярно сажали на коня. Если он мог схватиться за луку (выступающий изгиб переднего или заднего края седла), то это всегда примечали: *«Сразу видна, что он будит наезьник хороший, сразу видна, что он будит настоящий салдат!»* [3]. Таким образом, посадение на коня является способом определить дальнейшую судьбу и качества казака-воина.

В дальнейшем мальчики должны были научиться держаться в седле (для чего собственно при рождении ребенка и приобретали коня,

чтобы они с раннего возраста привыкали друг к другу), а также хорошо орудовать пикой и шашкой. Лет с тринадцати мальчики участвовали в скачках. Проводились они каждый год после сбора урожая. Их приурочивали к престольному празднику иконы Донской Божьей матери (1 сентября). *«Скачки у нас в Раздорах правдились ва втарой палавине дня, правдились у берега Дона. Такая равнина у нас, называли ее «гридина», ровная места. Начинались скачки с тех, кто гатовился служить. У них уже были сваи лошади, ани уже гатовились к служби. Парни, падроски. И вот первый заезд был, канешна, для парней, для таких молодых казаков. Навабранцы, каторыи гатовились к служби. Смотрели, канешна, ни только на казака, но и на лошадь. Добрый конь, ухожыный, или какая-нибудь такая, тожы смотрели, какой он будит хозяин. Какая сбруя, ну затем как казак держится в сидле. Абизательна была рысь, затем скачки на скорость. Интиресна ва время скачик была такая праграма: рубка лазы. Устанавливали лозу, и казак должын был праскакать и на полном, ну, в основном эта галопом идет лошадь, а он должын саблей срубить лозу. Причем если промахнется, уже учитывали промах. Хто харашо прайдеть эта задание полностью, затем абизательна паследняя там должна иль хвуражка, или шляпа, он должын паддеть. Затем заезды были па вазрасным группам. Маладежь, затем уже служилые казаки и дажы хто пастаршы. Причем в станицы да сих пор помнят, что умение владеть шашкой — это харашо. Но вот если две шашки, на две стороны рубить лозу, вот эта уже была искусства» [3].*

Проводы в армию также являлись неотъемлемой частью жизни донских казаков. Повсеместно на территории Ростовской и Волгоградской областей фиксируются описания обрядов проводов в армию: перед выходом из дома казак должен был попрощаться с печью («чтобы здоровым вернуться», ст. Пятиизбянская, Волгоградская область), казаки стреляли в вереву (столб, на который навешивается створка ворот), в порог (ст. Казанская, Верхне-Донской район). В хуторе Каныгин Усть-Донецкого района был записан такой текст: *«Раньшы ленты привязывали. Кагда в армию праважали, знамя брали, цвитами украшали [новобранца]. Я кагда первава внука праважала, гаварю: «Давай, мы тебе лентами пиривяжем». А он: «Баба, да ты что!» Были ленты краснаи, да так красивей жы и хватаграхвировали все» [3].* Лента - широко используемый в восточнославянской традиции предмет, «элемент украшения, выделяющий лиц по их половозрастному статусу и обрядовой роли и маркирующий ритуальные предметы-символы» [4, т. 3]. Поэтому использование ленты в инициальном обряде отвечает ее обобщенным семантическим характеристикам, однако в традиции восточных славян не зафиксировано обрядовое употребление

подобное приведенному. Этот своеобразный акциональный символ - повязывание лентой - в дальнейшем потребует дополнительного анализа.

Еще одним компонентом, составляющим мужской элемент в культуре, являются масленичные кулачные бои, в которых участвовали, конечно же, мужчины, жившие либо в разных хуторах, либо в разных частях одного населенного пункта. В ст. Раздорской *«сражались баски с гарадком, а затем баски сражались с балкай. Правил обычна не была, но знаю, был закон: «Лижачива ни бить»* [3]. Участвовали в «кулáчках» люди разного возраста. Очевидно, были приняты какие-то возрастные ограничения: *«В основном уже мужчины. Малалетак ни брали. Малолетки — где-та 14-15, эта до 16 лет. И болия старшые пакаление, стариков нет, ну а астальныи ризвились»* [3]. Однако ритуальное начало боя показывает, что это действие, в которое вовлекалось все мужское население, в том числе и мальчики: *«Ну вот, выходять, стаять радители и дитей затрагивають: «Пойди-ка, дай иму», а тот уже больна сделал, начинают заступаться, пабольших падсылають. А патом ужо и до старых доходить»* [3].

Таким образом, материал по мужской традиции в духовной культуре донских казаков, записанный в ст. Раздорской и окрестных хуторах, является важным источником изучения этой темы и может служить основой для сопоставительного исследования традиционной картины мира донских казаков на всей территории Ростовской области.

Н.Морячков,

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Все тексты, использованные в статье, записаны во время экспедиции в ст. Раздорскую, х. Каньгин Усть-Донецкого района в 2001 г. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом - примечания собирателей.

Библиографический список

- [1] Проценко Б.Н. Этнолингвистическая концепция происхождения и характера духовной культуры донских казаков // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. К 70-летию юбилею Федора Мартыновича Селиванова. М.: Диалог-МГУ, 1998. - С. 80-82.
- [2] Проценко Б.Н. Культура донского казачества в исторической ретроспективе // Донские казаки в прошлом и настоящем. VI. Культура донского казачества. - Ростов-на-Дону: «ГинГо», 1998. - С. 390-399.
- [3] Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ.
- [4] Славянские Древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах

/ Под общ. ред. Н.И. Толстого. - Т. 1: А-Г. - 1995. - с. 584; Т. 2: Д-К. - М.:
Международ. отнош., 1999. - с. 704; Т. 3: К-П. - 2004. - с. 704.

Запреты в жизни донских казаков

(На материале диалектологической экспедиции в ст. Раздорскую*)

Вся повседневная и обрядовая жизнь человека ограничена запретами, или табу. Даже современный горожанин знает, что нельзя, например, оставлять на ночь нож на столе или смотреть в окно на похороны. В то же самое время архаические запреты, связанные с различными видами хозяйственных работ, например с ткачеством, становятся неактуальными и забываются. В наше время уже трудно найти людей, которые бы знали, как вести себя на свадьбе или похоронах в соответствии с традицией. Поэтому работа по сбору материала в станицах и хуторах Ростовской области является необходимой для того, чтобы восстановить и сохранить сведения о древних обрядах, традициях. Экспедиции по сбору материала по духовной культуре донских казаков проходят в старых станицах, где коренные жители сохранили частички традиционной культуры. Подобная диалектологическая экспедиция, состоявшая из студентов факультета филологии и журналистики РГУ и преподавателей кафедры общего и сравнительного языкознания, работала в ст. Раздорской в июле 2001 года.

Хотя в ст. Раздорской не проводился целенаправленный сбор запретов, представляющих для нас научный интерес, но тот материал, который был получен в процессе работы по другим программам, позволяет делать определенные выводы. Запреты — это правила, ограничивающие деятельность людей. Такое явление, как запрет, известно во всех мировых культурах - не исключение и культура донских казаков. Задача данной статьи - провести этнолингвистический анализ запретных формул и текстов, содержащих подобные формулы, записанных от жителей ст. Раздорской.

Запреты, о которых рассказали старожилы станицы, разнообразны и могут служить важным источником этнолингвистического изучения казачества. Это и запреты, существующие в рамках обряда, и запреты, ограничивающие повседневную жизнь человека.

Одна из самых многочисленных групп - это запреты для лиц, находящихся в определенном состоянии (беременные женщины), и

для особых половозрастных групп (грудные младенцы). Это объясняется тем, что положение беременной женщины в представлениях носителей традиционной культуры было опасным и каждое её действие могло навредить будущему ребенку и ей самой. Подобным образом маркируется образ беременной женщины на общеславянском материале. Она «смерть носит», у неё две души. Беременная женщина представляла угрозу и для окружающих. Проклятие будущей матери обязательно сбывалось, поэтому считалось, что беременным нельзя отказывать, чтобы не навлечь на себя её гнев. Женщины в таком положении не могли исполнять некоторые обрядовые роли - быть крестной матерью, обмывать покойника. По народным верованиям, душа нерожденного ребенка еще принадлежит к миру мертвых, поэтому присутствие беременной на похоронах и любые контакты с покойником нежелательны, иначе ребенок мог так и остаться в «мире ином». Для того чтобы при родах не было осложнений, женщина на сносях не должна была выполнять некоторые работы: вязать, шить, рубить, резать - которые могли бы навредить будущему ребенку. Нельзя было совершать и другие действия, например, переступать через веревку, коромысло, пинать ногой кошку, смотреть на пожар и так далее [3].

В архиве Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ по ст.Раздорской содержится целый ряд запретов, касающихся новорожденного ребенка. Новорожденный находился в крайне уязвимом положении, поэтому считалось, что младенца нельзя показывать посторонним, чтобы избежать сглаза: *«Показывать нильзя месуц, патаму шта у каво какой глас»* [2]*. Маленького ребенка нельзя класть на стол: - Детей можно класть на стол? *«Нет, можыт иво младенская, такая балезнь»*. - На стол ребенка можно класть? *«Нильзя. И чирис стол пиридавать нильзя. И ни учить дитя ходить па сталу. Стол есьть стол»*. [2] Особые запреты касались люльки младенца: ребенка запрещалось передавать через люльку, смотреть на спящего в люльке со стороны изголовья, нельзя также качать пустую люльку: *«Ну вот дитям жы приказана: ну што ты качаиш, у дитя галовачка будить балеть! Ну што ты качаиш»* [2]. Из наиболее часто фиксируемых запретов, органично входящих в родильно-крестильный обряд, стоит также упомянуть запрет до года сричь детей.

Другой обряд, в рамках которого встретилось огромное количество запретов, — похоронный. Соблюдение определенных правил нужно, во-первых, для того, чтобы обеспечить покойнику счастливую жизнь на «том свете», а во-вторых, чтобы последствия контакта с умершим не отразились негативно на живых людях. Первая группа запретов касается правильного проведения похорон: *«Харанили биз вина, биз вотки, биза фсиво. Первая, фтароя,*

третья» [2]. В некоторых других районах Ростовской и Волгоградской областей это объясняется тем, что покойники на том свете будут стоять по колени в водке. Старожилы учитывают и то, в какой день проходят похороны и поминание. Как рассказали нам жители Раздорской, нельзя допускать присутствие скоромной пищи в постный день: «Абеды када сабирають па усопшай душе, абизатильна скромна. Вот например щас Питрофский пост, значить, абизатильна сахранять абет иминна ф таком садиржании. Штобы ни была скаромнай пищи: мяса, малака, ииц. Штобы была скромная паминавения. Асобинна када Виликий Пост» [2].

По словам информатора, существуют такие дни, когда вообще запрещается помянуть умерших: *«Пирит Пасхай асобинна строгая паминавения идеть. И пирит Пасхай дажы пакойники ни паминаюца. Патаму шта гаспоть нисеть страдания. И па книгам нипаложына дажы. Када вот пирит Пасхай, эта называица страшная сидьмица. Там дажы нипаложына поминать пакойникаф» [2].*

Для того чтобы не навредить душе покойного, на поминальном столе не должно было быть острых предметов - ножей, вилок.

Группа запретов, призванных оградить живых от влияния мертвых, связана, прежде всего, с родными умершего. Им запрещается обмывать тело, одевать покойника, считается, что нести гроб тоже должны посторонние люди: - Кто несет гроб? *«Канешна, па старому обычаю лучшы фсиво нирадным нисьти. А проста, хто силён - мущина там. Па абычию гаварять, нильзя радным» [2].*

Особая группа табу касается умерших неестественной смертью, так называемых «заложных покойников». В народной традиции людей, наложивших на себя руки, считают «нечистыми», поэтому их запрещается помянуть: *«Ни паминают утоплиникаф, если он сам налажыл на себе руки» [2],* отпевать в церкви и хоронить на кладбище. В разных станицах говорят о том, что самоубийц хоронят за оградой кладбища, на дороге, во дворах. Традиция захоронения во дворе очень древняя, услышать об этом можно только от самых старших жителей того или иного населенного пункта. В ст.Раздорской и х.Каныгин старожилы еще помнят об этом обычае: *«Раньшы удушлиных и утопных ни харанили, нет, на кладбищи ни харанили. Или ва дваре у себе или там спициальна где, пад деривам. - Почему под деревом? Я так понимаю, штобы ни талклися на этом месьти. Так на магилку ты никагда ни наступиш» [2].* Запрет хоронить на кладбище распространяется также на некрещенных детей.

Человек, потерявший близкого родственника, должен соблюдать определенные правила отношения к умершим. На материале экспедиции 2001 г. запрет долго плакать и тосковать по покойнику встречается очень часто. Жители станицы говорят, что

«притсказаня такая, што ни плачь, а то ф слизах будиш фсю жысьть» [2]. Такое толкование запрета встречается довольно редко и представляет интерес для исследователя. Более традиционное объяснение запрета заключается в том, что к горюющей вдове может прийти нечистый в обличье мужа. Иногда сами запретные формулы сопровождаются развернутым рассказом об этом. В Раздорской мы записали такой рассказ. Выводом из него является следующий запрет: «...ана день и ночь кричит, день и ночь плачит. Так што ты пиристань, говорю, а то... Нильзя этава делать, нильзя задумывать. Нильзя так делать. Ты за ним следам пайдеш. - Значит, плакать нельзя? Нильзя ни ф коим случии. Фсе таскують, я ей сказала: сколько пагибла у нас народу. Каждый таскуить па сваиму роцтвинику, но так убиваца тожы нильзя» [2].

Нельзя также и плохо отзываться о покойном, по мнению жителей станицы *«...эта хто зьделаить, можыт ни к памити асуждаить чилавека, то эта на нем будить грех» [2].*

Казачи ст.Раздорской почитают различные церковные праздники. Главными праздниками считали Пасху, Крещение, Рождество, Троицу. Согласно традиции, на «годовые» праздники нельзя работать и совершать определенные действия: мыть голову, выезжать на поле, рубить и так далее. В среде казаков почитали и дни святых: Петра и Павла, Ильи, Николая Угодника и других. Интересный запрет, связанный с днем Усекновения, был записан от жительницы станицы: *«Строгий празьник, я знаю один празьник. Адинацатая синьтибря эта усикнавление главы прарока притьтечи. иму усикли голаву. Эта такой пичальный празьник. Дажы старыи люди гаварили, от претках вот гаварили, што дажы нажом ни резали. Как раз жы синьтябрь месиц, арбузы спеють, винаграт уже спеить. Арбузы разбивали и лошками ели, ну нигде ни написана, што иминна ни резать нажом, а пачимута вот старыи люди... Ну они падражали, што вот мы ни будим, гаварили, вот как эта, ниверующи. Как верующи, как саблезнующи йиму, этому прароку» [2].*

Нарушение этого запрета не связывается с наказанием. Этот пример свидетельствует о том, что запрет может в качестве своей функции иметь выказывание уважения к кому-либо.

Все перечисленные запреты можно отнести к обрядовым. Но существуют и правила, определяющие повседневное поведение. Бытовые запреты ограничивают всю жизнь человека, они маркируют собой наиболее значимые предметы быта (нож, посуда, стол), части жилища (окно, порог, погреб). Много запретов связано у русского народа с процессом строительства дома [1]. Казачи станицы верили, что жизнь в новом доме напрямую зависит от того, правильно ли выбрали место для дома. Запрещалось строить дом на месте бывших

дорог, кладбища, на месте сгоревшего дома: - Можно ли строить дом на месте пепелища? - *«Гаваряць нет, ну пажар жы на этом месъти. Посли пажара строитъ нильзя. Рядам можыш поставитъ, но только ни на этом месъти»* [2].

Разные части дома тоже ограничены запретами. С матицей, дверью, печью связано много правил. В особую группу можно выделить запреты, которые маркируют поведение за столом и по отношению к столу. Стол в доме соотносится с алтарем в церкви, считается святым местом, «божьим престолом», за которым позволено только принимать пищу. Поэтому запрещается класть на стол посторонние предметы: шапку, ключи; недопустимо сидеть на столе: *«Ругали фсигда - на стол ни садись, грех»* [2]. По поверьям, вокруг стола нельзя обходить, нельзя качать ногой, сидя за столом: *«Чиртяку качаиш»* [2].

Изучая запреты, можно определить, какие предметы, действия являются наиболее значимыми для современного носителя традиционной культуры. Запреты, регламентирующие бытовую жизнь, позволяют выявить мифологический слой в повседневности, также они помогают установить связь между повседневностью и обрядом.

С.Ткаченко,

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Все тексты, использованные в статье, записаны во время экспедиции в ст. Раздорскую Усть-Донецкого района в 2001 г. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом - вопросы собирателей.

Библиографический список

[1] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - М.: Наука, 1983.

[2] Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ.

[3] Толстая С.М. Беременность, беременная женщина // Этнолингвистический словарь «Славянские древности». - Т. I. - М.: Международные отношения, 1995. - с. 160-164.

Поход Ермака в Сибирь

К началу XVI века борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями в основном была закончена. Однако в далеких сибирских краях еще властвовали остатки Золотой Орды. Среди уцелевших кое-где отдельных ханств было Сибирское ханство, которое особенно усилилось в царство хана Кучума. Кучум, став во главе Сибирского ханства, порвал вассальные отношения с Москвой и прекратил уплату дани. Вместе с тем, он установил нестерпимый гнет в подвластных ему племенах, опустошал сибирские земли, наводил ужас на жителей Сибири. Он также совершал набеги на русские земли. Эти набеги несли с собой разрушения, ограбления и угон в рабство русских людей.

Уничтожить остатки Золотой Орды, обезопасить границы своего государства становилось необходимо для дальнейшего развития нашего народа.

1 сентября 1581 года, т.е. 375 лет тому назад, в сибирские края отправилась дружина русских казаков в составе 840 человек. Вел ее казачий атаман Ермак Тимофеевич.

Поднявшись по реке Чусовой к Уральским горам и перезимовав на перевале, дружина Ермака по рекам Серебрянке, Жаровле, Тагилу и Туре подошла к Тоболу.

Движимое чувством беспредельной любви к своему народу, русское казачество в упорных боях на реках Тоболе и Иртыше разгромила войска сибирского хана Кучума. 26 октября 1582 года под столицей ханства городом Кашлыком в местечке Чувашове произошло решительное сражение. Кучум, потерпев поражение, бросил свою столицу и откочевал в Барабинскую степь. Подвластные хану народы Западной Сибири отказались поддержать его и приняли русское подданство.

Получив от Ермака извещение о завоевании Сибири, Иван Грозный взял ее под свое управление, и «новая сибирская земля» вошла в состав русского государства.

Поход Ермака освободил от татарского ига народы Западной Сибири и положил начало освоению Сибири.

Смелость и выносливость, доблесть и мужество казаков Ермака, дерзновенно проникших в глубь неизведанных земель, не были забыты в народной памяти. Образ Ермака Тимофеевича и его

сподвижников хранит наш народ в своих песнях, картинах, литературных произведениях.

Л.Т.Агарков,
Газета «Советский Дон»,
2 сентября 1956 г

Атаман М.И.Платов - выдающийся русский полководец

Хвала, наш вихорь - атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь;
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь!
Они лишь к лесу - ожил лес,
Деревья сыплют стрелы!
Они лишь к мосту - мост исчез!
Лишь к сёлам - пышут сёла!

В.А. Жуковский

Матвей Иванович Платов

Матвей Иванович Платов родился в 1753 году 8 августа в станице Прибылянской городка Черкаска (ныне станица Старочеркасская) и здесь же провел своё детство.

Городок Черкасск в то время являлся столицей Области Войска Донского, и вся жизнь в нем была проникнута военным духом. Отсюда исходили все распоряжения по военной части, здесь собирались служилые казаки для выступления в походы. Окружающая обстановка, а также рассказы старых воинов о бранных подвигах оказывали большое влияние на молодежь, подражая героям, она проводила время в играх военного характера. Верховая езда, ловля зверей и рыбы, упражнения в стрельбе было любимым ее занятием. В среде этой молодежи и рос будущий предводитель донского казачьего войска Матвей Иванович Платов, который уже в то время выделялся из общей массы остротой ума, проворством и ловкостью.

Отец его Иван Федорович Платов был известным на Дону старшиной, но не отличался материальным достатком и поэтому сыну своему дал лишь обычное в казачестве образование, обучив его чтению и письму.

Тринадцати лет Матвей Иванович определен отцом на службу в войсковую канцелярию, где скоро обратил на себя внимание и был произведен в урядники.

Во время русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. Платов находился в рядах действующей армии под командованием князя М.В. Долгорукова, в качестве командира казачьей сотни. За боевые заслуги при взятии Перекопи и под Кинбурном он был назначен командиром полка донских казаков.

В 1774 году, еще до заключения мира с Турцией при Кучук-Кайнарджи, Платову было поручено доставить в армию, расположенную на Кубани, обоз с продовольствием и снаряжением. На вышедшие с обозом из Ейского укрепления полки Платова и Ларионова в пути напал брат крымского хана Девлет-Гирей. Под зеленым знаменем пророка было до 30 тысяч татар, горцев, ногайцев. Положение, в котором оказался обоз, было отчаянным.

Ларионов передал общее командование отрядом Платову, не веря, чтобы можно было устоять против такой прочной силы. «Друзья, - сказал Платов казакам, - нам предстоит или славная смерть, или победа. Не будем мы русские и донцы если устрасимся врага. С божьей помощью отрази злые его замыслы!»

По приказанию Платова из обоза было наскоро устроено укрепление. Семь раз с остервенением кидались в атаку татары и их союзники на сравнительно слабые силы казаков и семь раз последние отбрасывали их с большим уроном. В то же время Платов нашел

возможность сообщить о безвыходном положении обоза своим войскам, которые не замедлили явиться на помощь. Татары были обращены в бегство, а обоз доставлен в целости по назначению. Этот случай доставил Платову известность не только в армии, но и при дворе.

Дальнейшую службу Платов проходит под начальством князя Потемкина-Таврического и великого русского полководца А.В. Суворова. Служба под руководством Суворова была для Матвея Ивановича лучшей школой.

В период второй турецкой войны в 1787-1791 гг. Платов принимает участие в боях при осаде и штурме Очакова, при атаке и занятии Гассан-Пашинского замка.

13 сентября 1789 г. Платов со своими казаками и егерями при Каушанах обращает в бегство турецкие войска и захватывает в плен «трёхбунчуржного пашу» Зайнал-Гассана. За этот подвиг он назначается походным атаманом казачьих полков.

В 1790 г. Платов находится в армии Суворова под Измаилом. 9 декабря на военном совете он один из первых подал голос за немедленный штурм крепости, а 11 декабря, при самом штурме предводительствовал пятью тысячами казаков, которые с честью выполнили поставленную перед ними великим полководцем Суворовым задачу. Суворов писал князю Потемкину о Платове и его полках: «Храбрость, стремительный удар Донского войска не могу довольно выхвалить перед вашей светлостью». За заслуги при взятии Измаила Матвей Иванович был представлен Суворовым к награде орденом св. Георгия III степени, а в конце войны произведен в чин генерал-майора.

В последние годы царствования Екатерины II Платов принимает участие в Персидской войне. Дела при Дербенте, Баку, Елизаветполе вплели новые лавры в венок Платова. Он был награжден орденом св. Владимира III степени, а Екатерина II наградила его саблей в бархатных ножнах и золотой оправе, с крупными алмазами и редкостной величины изумрудами.

Донской писатель Дмитрий Петров (Бирюк) в историческом романе «Сыны степей Донских» пишет, что «Матвей Иванович Платов сделал в короткий срок головокружительную карьеру. Без связей, без образования, зачисленный в 13 лет на службу в казачьи войска, Платов в 19 лет уже командовал полком. Он участвовал во всех войнах и больших походах его времени, всегда выделяясь, получая награды, привлекая внимание крупнейших полководцев, политических деятелей царского двора».

Платов становится одним из самых популярных людей на Дону и видным лицом в сановном Петербурге.

Вступивший на престол после смерти Екатерины II Павел I отзывает армию Зубова, в которой служил Платов от границ Персии. Платову разрешают возвратиться на Дон. Но тут стряслась беда. По дороге Матвей Иванович был настигнут царским фельдъегерем и доставлен по приказанию царя в Кострому, в ссылку. Затем он был отвезен в Петербург, и заключен в рavelин Петропавловской крепости. Это было в 1797 году.

Причиной для ареста Платова послужил ложный донос. Павлу внушили, что огромная популярность Платова приняла опасный характер. Надо сказать, что Павел вообще был недоволен прославленным казачьим генералом за его близость к Александру Васильевичу Суворову, противнику прусской муштры, которую Павел насаждал в русской армии.

В конце 1800 года Павел I освободил Матвея Ивановича из-под стражи для того, чтобы впоследствии использовать его в осуществлении своего нелепого и фантастического плана - завоевания Индии. Платов понимал, что задуманный Павлом поход потребует много жертв и пользы не принесет России, но отказаться от предложения царя не посмел.

В короткий срок к походу было подготовлено 41 конный полк и две роты конной артиллерии, которые составили 27500 человек и 55000 лошадей.

В начале февраля 1801 года отряд тронулся в путь.

Тяжелые испытания выпали на долю казаков в этом злополучном походе. И только внезапная смерть Павла I прекратила их мучения. Вступивший на престол Александр I приказал вернуться казакам домой. Так закончился поход в Индию, о котором лишь предания и скорбь сохранились на Дону.

В августе 1801 года, в первый год своего царствования, Александр I прислал на Дон грамоту, адресованную Матвею Ивановичу Платову. В грамоте говорилось, что за долговременную и безупречную службу он назначается войсковым атаманом Донского войска. Являясь войсковым атаманом, Платов так же обнаружил свои замечательные дарования.

18 мая 1805 года по инициативе Платова была перенесена столица Войска Донского из Черкаска на новое место в Новочеркасск. В этом же году Наполеон напал на Австрию, которая являлась союзницей России. Платов, сформировав двенадцать казачьих полков и артиллеристскую конную батарею, выступил в поход к австрийской

границе. Однако участвовать в сражениях ему не пришлось, так как вскоре после победы Наполеона под Аустерлицем над союзными войсками был заключен мир. Но война на этом не закончилась. В 1806 году Наполеон напал на Пруссию. При Иене и Ауэрштадте он нанес прусским войскам жестокое поражение. В несколько недель с Пруссией было покончено, и Наполеон вступил в Берлин. Прусский король бежал в Кенигсберг.

Платову и его донским полкам пришлось немало сражаться в Пруссии против наполеоновских войск. Имя донского атамана приобрело еще большую известность не только в России, но и за границей.

Но вот война закончилась. На 25 июня (7 июля) 1807 года в Тильзите было назначено свидание трех монархов для подписания мира: Александра, Наполеона и прусского короля Фридриха-Вильгельма. Матвей Иванович Платов в это время находился в свите Александра.

В это время произошел характерный случай. По просьбе Наполеона проводилась джигитовка. Казаки джигитовали стоя на седле, рубили лозины, стреляли из-под брюха мчавшейся лошади в цель. Всадники доставали с седла разбросанные по траве монеты; мчась галопом, дротиками прокалывали чучела; некоторые вертелись в седле на сем скаку ловко и так быстро, что нельзя было разобрать, где у них руки, а где ноги...

Еще многое проделывали казаки, от чего у любителей и знатоков верховой езды дух захватывало. Наполеон был в восторге и обращаясь к Платову спросил: «А вы, генерал, умеете стрелять из лука?» Платов выхватил у ближайшего башкира лук со стрелами и, разогнав лошадь, на скаку пустил несколько стрел. Все они со свистом вонзились в соломенные чучела.

Когда Платов вернулся на свое место, Наполеон сказал ему:

- Благодарю Вас, генерал. Вы не только замечательный военачальник, но и прекрасный наездник и стрелок. Вы мне доставили много удовольствия. Я хочу, чтобы у Вас обо мне осталась добрая память. И Наполеон протянул Платову золотую табакерку.

Взяв табакерку и поклонившись, Платов сказал переводчику:

- Передайте его величеству моё казачье спасибо. У нас, донских казаков, есть дедовский обычай: подарки отдаривать... Извините, ваше величество, у меня с собою ничего нет такого, что обратило бы ваше внимание... но я не желаю остаться в долгу и хочу, чтобы ваше величество так же помнило обо мне... Прошу принять в подарок от меня вот сей лук со стрелами...

- Оригинальный подарок, - улыбнулся Наполеон, рассматривая лук. - Хорошо, мой генерал, ваш лук будет напоминать мне, что от стрелы донского атамана даже маленькой птичке трудно уберечься. Меткая стрела атамана всюду ее настигнет.

Когда переводчик это перевел, Платов проговорил:

- Да-а, глаз у меня наметанный, зоркий, рука твердая. Не только мелкой, но и крупной птице надобно опасаться моей стрелы.

Намек был слишком откровенен. Под большой птицей Платов явно имел ввиду самого Наполеона и не миновать бы большому конфликту, если бы не находчивый переводчик.

К 1812 году почти вся Западная и Центральная Европа была подчинена Наполеону. Он перекраивал ее как ему хотелось, создавал новые государства, в завоеванных странах на трон сажал своих родственников. Непокоренными остались на Пиренейском полуострове испанский народ; за Ла-Маншем Англия, упорно отстаивавшая свои притязания на мировое господство; на востоке Европы - Россия.

Наполеон стал тщательно готовиться к походу на Россию. В июне 1812 года, без объявления войны Наполеон с армией в 420 тысяч человек с тысячью орудиями перешел ее границы. К августу того же года на русскую территорию вступило еще 155 тысяч. К началу войны Россия могла выставить против Наполеона не более 180 тысяч человек. Огромные силы необъятной страны еще не были собраны. Но русская армия обладала рядом достоинств. Высок был боевой дух русских воинов, беззаветных патриотов своей великой родины... Русский солдат отличался непревзойденным мужеством, обладал острой сметкой. Среди полков было немало участников суворовских походов, воинов суворовской школы. Немало суворовских учеников насчитывали блестящие ряды русских командиров. Россия обладала вместе с тем обильными и сильными боевыми средствами - превосходной артиллерией, сильной конницей, хорошо вооруженной пехотой.

Таково было соотношение сил в начале отечественной войны 1812 года.

В борьбе русского народа против наполеоновских полчищ с первых дней принимали участие 14 казачьих полков, объединенных в конный летучий корпус. Командовал этим корпусом Матвей Иванович Платов.

В первый период войны Платов находился во второй армии, которой командовал Багратион. Армия Багратиона шла на соединение с 1-й армией, которой командовал Барклай. На конный корпус Платова

была возложена тяжелая задача - следовать в арьергарде армии и всячески задерживать продвижение неприятельских войск. Отходя, казаки беспрестанно налетали мелкими группами на обозы противника, громя их и мгновенно исчезая; уничтожали авангарды противника; совершали рейды по тылам, заводили его в заблуждение.

В день Бородинского сражения по плану М.И. Кутузова корпуса Платова и генерала Уварова переправились вплавь через речку Колочу и направились в глубь неприятельского тыла, в расположение его обозов, где подняли большой переполох.

Наблюдая за действиями корпусов Платова и Уварова, Кутузов с восхищением восклицал: «Молодцы!.. Молодцы!.. Чем может быть оплачена сия доблестная услуга нашей армии?.. Рад, очень рад!.. Операцией Платова и Уварова Бонапарт введен в заблуждение. По всему вероятно, он подумал, что ему в тыл ударила большая наша сила. А мы конфузней Бонапарта воспользуемся».

Операция кавалерийских корпусов Платова и Уварова вынудила Наполеона приостановить наступление на целых два часа. Русские за это время сумели подвести подкрепление и выставить резервную артиллерию.

В сражении под Бородино воля и искусство Кутузова победили волю и искусство Наполеона. По выражению самого Наполеона - русские стяжали право быть непобедимыми.

3 сентября казаки Платова, перестреливаясь с неприятельскими уланами из авангарда Мюрата, последними покидали Москву.

- Прощай, Матушка! Мы еще вернемся! - говорил Платов оставляя Москву. В тяжелые дни для России, когда наполеоновская армия все дальше продвигалась в глубь ее территории, Платов обратился с призывом к жителям Дона стать на защиту Родины. Этот призыв Дон с честью выполнил. Двадцать четыре конных полка народного ополчения да шесть конных орудий было послано в действующую армию. Пятнадцать тысяч верных сынов тихого Дона стали на защиту Родины... Не только мужчины, но и женщины становились в ряды армии.

Когда Платов явился к Кутузову доложить о прибытии полков с Дона, последний сказал дрогнувшим от волнения голосом: «Спасибо! Спасибо, атаман!.. Сия услуга никогда не забудется отечеством!.. Всегда, до того часа, когда богу угодно будет призвать меня к себе, пребудет в моем сердце благодарность войску Донскому за его труды и храбрость в сию тяжкую годину».

После вступления в Москву положение неприятельской армии становилось все более тяжелым. Казачьи полки и партизанские

отряды Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера окружали Москву со всех сторон, не давая возможности французским фуражирам добывать в окрестных деревнях продовольствие и корм для лошадей, добывать даже то небольшое, что можно было найти в обезлюдевших и опустошенных селениях. Войска Наполеона вынуждены были питаться кониной, падалью. Начались болезни. Вражеские солдаты умирали тысячами. Весь русский народ поднялся на Отечественную войну. Наполеон вскоре вынужден был покинуть русскую столицу. Это событие было сигналом для общего наступления армии Кутузова, который особое и почетное место в нем отводил действиям корпуса Платова.

Атаман М.И. Платов

Матвей Иванович Платов, во главе своего корпуса, преследовал неприятеля по пятам. «Теперь, братцы, - говорил он казакам, - наступила наша страдная пора... Лишь успевай точить сабельки да дротики навастривать... Подотрем мы теперь сопли хвостуну Бонапартишке. Давайте, братцы, прошумим, дадим знать Россиюшке нашей, что живы еще ее сыны, лихие донцы...»

И действительно, начиная с Тарутинского сражения, казаки зашумели. Не проходило того дня, чтобы они чем-нибудь не отличились. Всюду только и разговору было, что о казацких подвигах. Много шуму по стране вызвала весть о том, что казаки под Малоярославцем едва не захватили в плен самого Наполеона.

19 октября в сражении с корпусом маршала Даву при Колоцком монастыре казаки Платова снова отличились. Они разгромили

арьергард Даву и захватили огромные трофеи. Через пару дней после этого казаки столкнулись с корпусом неаполитанского короля, разгромили этот корпус, захватив до трех тысяч пленных и полсотни пушек. А еще через три дня Платов со своими полками настиг под Духовщиной корпус вице-короля итальянского и после двухдневного кровопролитного боя разбил его, захватив снова до трех тысяч пленных и до семидесяти орудий.

В эти дни в столичных газетах было опубликовано донесение Кутузова императору Александру о доблести платовских казаков: «Велик бог, всемилостивейший государь! Припадая к стопам вашего императорского величества, поздравляю Вас с новой победой. Казаки делают чудеса, бьют и артиллерию, и пехотные колонны!»

За тысячеверстный переход от Малоярославца до границ Пруссии казаки захватили у французов более 500 орудий, огромное количество обозов с вещами, награбленными в Москве, более 50 тысяч солдат и офицеров пленными, в том числе 7 генералов и 13 полковников.

К концу декабря 1812 года последние остатки армии Наполеона были изгнаны из России.

Навсегда останутся в памяти народа прекрасные подвиги наших предков в Отечественной войне 1812 года. Не забыл и не забудет народ и славных дел донского казачества, заслуги которого перед отечеством ярко оценил великий русский полководец - М.И. Кутузов: «Почтение мое Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании неприятеля, лишённого вскорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно, и орудий... пребудет в сердце моем. Сие чувствование завещаю я и потомству моему».

Но изгнанием армии Наполеона из России война не закончилась. 1 января 1813 года русские войска перешли Неман и двинулись на запад, освобождая поработленную Наполеоном Европу. Началась кампания 1813-1814 гг., в которой казаки еще более преумножили славу русского оружия.

В феврале месяце казаки и гусары совершили набег на Берлин, который непосредственных военных результатов не дал, но произвел на пруссаков огромное впечатление. Это ускорило поворот в русской политике. Пруссия порвала свои отношения с Наполеоном и заключила военный союз с Россией.

Казаки Платова, преследуя неприятеля, заняли города Эльбинг, Мариенбург, Мариенвердер и другие.

«Падение славных укрепленных городов Эльбинга, Мариенвердера и Диршау, - писал Кутузов Платову, - я совершенно

приписываю мужеству и решительности Вашего сиятельства и предводительствуемого Вами храброго войска. Полет преследования ни с какою быстротою сравниться не может. Вечная слава неустрашимым донцам!»

Решающей битвой кампании 1813-1814 гг. явилось крупнейшее сражение под Лейпцигом, в котором участвовало до 500000 человек.

Сражаясь на правом фланге русской армии, казаки взяли в плен кавалерийскую бригаду, 6 батальонов пехоты и 28 орудий. Через всю Европу прошли с боями донские казаки.

Война 1812-1814 гг. принесла казачеству Дона всемирную известность. Газеты и журналы того времени пестрели сообщениями о донцах, их боевых подвигах. Огромной популярностью пользовалось имя донского атамана Платова.

После заключения Парижского мира, Платов побывал в Лондоне, находясь в составе свиты Александра I. Лондонские газеты посвящали Платову целые страницы, перечисляя его подлинные и вымышленные подвиги и заслуги. О нем сочиняли песни, печатали его портреты. В Лондоне Платов встречался с известным английским поэтом Байроном и писателем Вальтером Скоттом.

Уже впоследствии, когда Платов вернулся на Дон, к нему прибыл английский офицер и вручил ему диплом почетного доктора Оксфордского университета и саблю от граждан города Лондона.

Участие в войне 1812 года, боевые заслуги и патриотические подвиги не принесли, однако трудовому казачеству, как и всей трудовой России, лучшей жизни. Трудовой казак с полным правом мог сказать о себе словами русских солдат: «Мы проливали кровь... Мы избавили Родину от тирана (Наполеона), а нас вновь тиранят господа».

Остаток своих дней Платов посвятил административным делам, так как запущенное за военные годы хозяйство Области Войска Донского требовало его внимания.

Л.Т.Агарков,
Выступление на конференции, 1955 год

Донцы – молодцы

«На то казак народился,
чтоб русской земле пригодился».
(Народная поговорка)

Смотришь на них и невольно радуешься их гордой осанке, бравому виду, знающих себе цену людей. Как тут не вспомнить сказанное в «Картинах бывшего Дона».

- Была у них сила неумемная, веселье в боях и пляске лихой, в песнях звонких и раздольных. Да то и не диво: ведь каждый, кто просился в казаки, проверялся в походах дальних, испытаниях суровых, отсеивался как жито на лопате, и слабое, пустое зерно, словно мякина на ветру, отлетало. А молодцы добрые, надежные, сердцами твердые оседали на Дону.

Недаром так высоко ценили многие видные деятели на Руси свое казачье происхождение. А великий русский художник Василий Иванович Суриков, побывав в 1893 году на Дону и, в частности, в станице Раздорской, в поисках природы для своей картины «Покорение Сибири Ермаком», нашел здесь фамилии своего рода, и в одном из писем в Красноярск к брату писал: «Душа так и радуется, что мы с тобой роду хорошего...».

Кстати, подобное высказывание было не единственным. В письмах с Дона он упоминал и о том, что донская природа напоминает местности сибирские. Что, по-видимому, и послужило причиной выбора его предками этих мест для жительства, связывая, таким образом, сибирских казаков с их донским происхождением и проходом в Сибирь вместе со своим знатным атаманом Ермаком.

Радость ощущения своей личной биографической, почти семейной связи с героями своего будущего полотна, сподвижниками покорителя Сибири, еще более весомо чем в письмах, выражена в путевых зарисовках, а также в многочисленных этюдах к картине, на которой запечатлены фигуры и лица (о чем я уже рассказывал ранее) многих раздорцев и жителей других станиц и хуторов нашего района.

Слова ликующей победной песни - «Эй донцы - молодцы!»... - были потом, а сначала были славные дела. Где только не прославили свое оружие казаки: в завоевании Казани и овладении Астраханью. Сибирском походе и Азовском сидении, в Суворовских штурмах крепостей и гор, в сражениях 1812 года у Бородино, Тарутино, Березены. Были многочисленные мелкие и крупные бои, отчаянные

рейды по тылам врага, бесчисленные атаки сокрушительной казачьей лавы.

Между прочим, в многочисленных сражениях сложилась у казаков своя особая тактика ведения боя с использованием хорошо отработанных приемов, самым распространенным среди которых все же была казачья лава.

Это кавалерийская атака, в которой казаки размещались в неподдающемся никакой регламентации строе. В зависимости от обстановки лава могла быть то рассыпной, то сомкнутой, то производилась со спешиванием. Искусство маневрирования лавою заключалось в единстве действий всех, принимавших в ней участие, в умении принимать каждый замысел командира, а также в личной находчивости, ловкости, способности действовать самостоятельно каждого воина с одновременным выполнением общей задачи.

«Сверкали копья пик, краснели алые лампасы, слышен был страшный гик несущихся всадников. Казаки были везде, их тонкий фронт был широк, что не хватало полков ударить на них».

Как и «лава», не поддается точному описанию и другой маневр - «вентерь». На Дону так называется очень добычливая снасть для рыбной ловли, используемая преимущественно во время весенних паводков. Рыба, в мутной воде наткнувшись на сеть, передвигается вдоль неё и попадает в ловушку, из которой выхода уже нет. При устройстве «вентерья» на войне одна часть казаков располагалась заблаговременно и скрытно в засаде, хорошо замаскировавшись, а другая, искусно и правдоподобно симулируя после короткой схватки отступление, завлекала противника в засаду. Улучив удобный момент, обе части, участвующие в маневре, бросались в атаку на преследовавшего противника, который всегда оказывался в ловушке, между двух огней.

Приобретенные в ходе своей жизни, начиная с раннего детства, навыки, такие, например, как оценка местности по малейшим признакам, умение читать следы, незаметно подкрадываться на охоте к добыче, затаиваться и маскироваться, бесшумно передвигаться в лесу, нашли применение на войне в приеме, получившем название «открыть сакму» или «идти к сакме» (по следу).

Очень распространенным в казачьих частях, во время боевых столкновений с противником, был прием, когда казаки спешивались, иногда целыми полками, заменяя собой пехоту и вступая в стрелковый бой, чем вводили неприятеля в заблуждение. Особенно часто в пешем строю казакам приходилось действовать во время нахождения их в арьергарде (охраняя тылы своих войск). Казачьи полки имели свои правила несения аванпостной службы (охраны

войск), унаследованные еще от самых ранних времен казачества, когда кочевавшие в степи татары и ногаи могли напасть на них каждую минуту и с любой стороны. С тех времен появилась сторожевая служба и так называемые «сторожевые курганы». Любое перемещение казаков в степи, время привала сопровождались высылкой охранений. В подтверждение сказанному хочу предложить отзыв одного из участников войны 1812 года.

«В службе аванпостной казаки неподражаемы, и никакую регулярной кавалерией заменить их невозможно.

С волчьим глазом и чутьем они неутомимы, деятельны, верны службе, терпеливы в нужде. Приложив ухо к земле, они слышат канонаду за 30 и 40 верст, и верно могут показать направление, в котором происходит сражение. По следам и по срубленным в лесу ветвям деревьев отгадывают, приблизительно, в каком числе, когда и куда прошел неприятель... Место, выбранное казаком для пикета, есть лучшее в окрестности. Никто скорее казака не отыщет брода, проходимых мест на болоте, и никто вернее его не осмотрит леса, дефиле (узкий проход) и побочных путей, ведущих во фланг и тыл неприятельской позиции». (Броневский. СПб. 1834, ч. 2, с. 256-257).

Даже в аллюре, т.е. ходе казачьих лошадей, есть своя особенность. Вместо галопа казаки всегда шли «наметом» т.е. аллюром, представляющим собою нечто среднее между рысью и галопом. Всемирную славу сыскало старинное казачье оружие - пика, которое в их руках наводило на врагов ужас и сеяло в их рядах панику. Пика сыграла блистательную роль в боевых столкновениях казаков в течение Отечественной войны 1812 года. Она являлась лучшим специально-колющим оружием, особенно в руках опытного кавалериста и, тем более, при боевом столкновении с сабельной кавалерией. Казачья пика составляла важнейшее и почти единственное прикрытие наших армий при отступлении и затем при наступлении и изгнании с русской земли французов. Французской сабельной кавалерии было трудно бороться с пиконосной кавалерией казаков.

Многие французские полководцы армии Наполеона поражались особым боевым качествам донских казаков: их лихости и увертливости. Одному из них, генералу Морану, принадлежат следующие слова о казаках: «...Казаки, кидаясь в атаку, обыкновенно несутся мар - маршем и хорошо останавливаются на этом аллюре. Их лошади много способствуют смелости и со своими всадниками составляют как бы одно целое. Эти люди, будучи осторожны, не требуют особых попечений о себе, отличаются необыкновенной стремительностью в своих движениях».

Люди эти мне известны не понаслышке. Деды и прадеды мои были казаками. Со дня рождения жил среди них, видел их в делах и на отдыхе. Они разводили донских скакунов, стерегли в засадах зверя, ловили в реке рыбу, распахивали степи и сеяли хлеб, возделывали виноградную лозу и давили вино. Вместе с тем удивительно разумно вели свое хозяйство, сочетая необходимое с возможным. Это тема для другого разговора, но нельзя не восхищаться их умением жить в контакте с окружающей природой.

Особенно запомнились праздники со скачками, джигитовкой, рубкой лозы. Восхищали ухоженные, горячие кони, обученные многим необходимым для боя навыкам, brave, молодые, чубатые парни и казаки - ветераны с лихо закрученными усами, в казачьей форме с воинскими доспехами. Все было аккуратно подогнано, начищено, исправно. На портупелях, через плечо, висели шашки с махорчатыми темляками на эфесах, за спиной - винтовки и пики.

Долгое время в Раздорской средней школе я руководил обществом юных исследователей родного края, девизом которого были слова писателя В.Каверина: «Искать, узнавать, открывать». Много было сделано членами этого общества в изучении родного края. Публикуемую фотокарточку нашла и передала мне одна из активных участниц общества - Раиса Маркова, но до сегодняшнего дня еще неизвестны изображенные на ней наши земляки. Всмотритесь внимательно в лица, возможно вы узнаете в них своих близких, бесспорно, в прошлом настоящих хозяев донской земли и мужественных воинов, горячих патриотов России.

Л.Т.Агарков,
Газета «Звезда Придонья»,
13 января 1990 г.

Дон - земля российских бунтарей

«Велик тот народ, который постоянно ощущает живую связь со своей историей, может брать всё лучшее из своих традиций и делать это достоянием сегодняшнего дня», - говорил Л.И. Брежнев на открытии мемориального комплекса в Киеве 9 мая 1981 года.

Советский народ дорожит революционными, трудовыми и боевыми традициями предшествующих поколений. Он помнит и чтит бесстрашных борцов России против угнетения и рабства.

В освободительной борьбе русского народа против угнетателей заметная роль принадлежит жителям донского края. Да и сама земля

донских казаков была ареной крупнейших антикрепостнических выступлений крестьянских масс.

Возникнув в эпоху определённых общественно-политических условий, характеризовавшуюся не только быстрым ростом русского государства и укреплением его международного авторитета, но и усилением закрепощения крестьян, донское казачество в массе своей сложилось из беглых крепостных крестьян, а также из числа тех, кто искал убежища от расправы царских слуг, от преследования церковников.

Г.В. Плеханов в «Истории русской общественной мысли» упоминает: «Чем больше возрастал гнёт, лежавший на низшем классе Московского государства, тем больше являлось побуждений для побега и тем многочисленнее становилось население по берегам казачьих рек, т. е. Дона и Яика, Волги и Терека». Как отмечает В.И. Ленин, примерно с XVII столетия Россия вступает в новый период своей истории, характеризующийся «фактическим слиянием ... областей, земель и княжеств в одно целое» на базе формирования единого всероссийского рынка и создания буржуазных «национальных связей».

К этому времени крестьяне России были закрепощены окончательно. Уложение 1649 года навечно лишило их личной свободы. Малые народы насильно обращались в христианство. Повсеместно были введены телесные наказания, непосильные налоги, барщина. Все это толкало крестьян к массовым побегам. На Дону продолжало расти население за счёт «пришлых людей», несмотря на строгие запреты властей.

Уходя на территорию «Дикого поля» крестьяне искали не только свободы, лучшей жизни, но и уносили с собой протест против притеснения, ненависть к угнетателям, бунтарский дух против существующего строя. Антикрепостнические настроения среди жителей Дона на протяжении последующего времени не затухали, а обострялись всё новыми мерами центральной власти, освежались в памяти рассказами вновь прибывающих на Дон партий беглых. Именно поэтому сложилось так, что несколько столетий подряд Дон поставлял России народных героев, становившихся грозой для царей, обитателей дворцов и палат.

Нетленным примером массового героизма является крестьянская война угнетённых народов России под руководством Степана Разина, который уже тогда, в XVII веке, стремился заменить крепостную систему народовластием: «За дело, братцы! - говорил он, - Ныне отомстите тиранам, которые держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришёл дать вам свободу».

Как созвучны этому высказывания В.И. Ленина в работе «К деревенской бедноте», хотя они относятся к более позднему периоду: «Наконец не стерпели и крестьяне. Весной прошлого, 1902 года, поднялись крестьяне Полтавской, Харьковской и других губерний и пошли на помещиков, отпирали их амбары, делили между собою их добро, давали голодным хлеб... Крестьяне не вынеси безмерного угнетения и стали искать лучшей доли. Крестьяне решили, - и решили правильно, - что лучше умирать в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодной смертью. Но крестьяне не добились лучшей доли. Царское правительство объявило их простыми бунтовщиками и грабителями (за то, что они отбирали у грабителей помещиков крестьянами же посеянный и убранный хлеб!), царское правительство послало против них войско, как против неприятелей, и крестьяне были разбиты, в крестьян стреляли, многих убили, крестьян пересекли зверски, засекали до смерти, истязали так, как никогда турки не истязают своих врагов христиан».

Ленин высоко ценил Разина. Великий вождь трудящихся одобрил включение Разина в число борцов за свободу народа, заслуживающего увековечивания путём установки монументов в память о них. Об этом свидетельствует и речь Ленина произнесённая 1 мая 1919 года на открытии временного памятника Разину в Москве на Лобном месте, где перестало биться сердце российского бунтаря.

М.М. Эссен, профессиональная революционерка, близко знавшая Ленина, жившая в его семье, вспоминает: «Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил попеть в хоре и послушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен ... Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири - «Ревела буря». «Славное море, священный Байкал» - и песнь о Степане разине - «Есть на Волге утёс». Особенно отчётливо пелся куплет:

*Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую любил,
И во имя её подвизался,
Пусть тот смело идёт, на утёс тот взойдёт
И к нему чутким ухом приляжет:
И утёс-великан всё, что думал Степан,
Всё тому смельчаку перескажет...*

Таким образом борьба Разина явилась могучим источником патриотизма для последующих поколений борцов за социальную справедливость, таких, как Кондрат Булавин и Емельян Пугачёв - народных вождей XVIII века и их дальнейших последователей.

В своих высказываниях Кондрат Булавин в качестве классовых врагов восставших крестьян и казаков прямо называл князей, бояр, прибыльщиков и других «худых людей». Во всех трудах по истории казачества говорится, что Булавин застрелился. Но совсем недавно доказано, что он был убит предателями, подосланными сговорившейся с царём казачьей знатью. Версия же о самоубийстве преследовала определённую цель: народная молва не сделает самоубийцу героем, а бунт Булавина должен забыться. И действительно, громкая слава имён и Пугачёва, и Разина, не идёт ни в какое сравнение с именем Булавина. Тем не менее, последствия булавинского бунта занимали всех представителей дома Романовых вплоть до 1917 года.

Морем крови залило царское правительство донскую землю. По личному указанию Петра Первого его каратели «многие казачьи городки взяли и выжгли и вырубili без остатку».

Тело же Булавина рассекли на части и насадили на колья.

Уникальным памятником Булавину, не имеющим аналогов в истории, являлась многотысячная казачья община его сподвижников во главе с Игнатом Некрасовым, ушедшая с Дона от царской расправы. Более двухсот пятидесяти лет некрасовцы находились в эмиграции при этом сохранили свой язык, быт, культуру и горячую любовь к своей настоящей Родине. В 1962 году они обратились к Советскому правительству с просьбой о разрешении вернуться на Родину в Советский Союз, которая и была удовлетворена.

Крестьянские войны XVI XVIII веков потрясли до основания феодально-крепостнический строй и тем самым шаг за шагом расчищали постепенно путь грядущей революции, гегемоном которой станет пролетариат во главе с партией коммунистов. В этом их историческое значение.

В совместных выступлениях против классовых врагов представители различных национальностей находили общий язык - язык ненависти к угнетателям трудящихся, в борьбе рождалась и крепла дружба народов нашей страны. В рядах восставших мы видим чувашей и татар, мордву и башкир, киргизов и казахов, а также других народностей нашей многонациональной Родины. Здесь проявлялись дружеские связи русского народа с другими народами, имевшие глубокие исторические традиции.

Есть на Дону станица, которую по праву называют Орлиным гнездом. Это станица Зимовейская. Три столетия подряд казачки рожали здесь мальчиков, которые затем, достигнув возраста, становились во главе народной борьбы за свободу и справедливость. Вожаки крестьянских войск Степан Разин и Емельян Пугачёв,

народоволец Василий Генералов - все они, по данным Большой Советской энциклопедии, - родились в одной и той же станице Зимовейской. Невероятно, но это подлинный исторический факт. Энциклопедические издания бесстрастно фиксируют строго научные сведения.

Примечательна история и самой станицы Зимовейской. Изначальное место её - теперь дно рукотворного Цимлянского моря. Старожилы рассказывали, что станица была основана в числе первых казачьих поселений на высокой гряде правого берега Дона. После подавления восстания Пугачёва в 1775 году и расправы над его предводителем, императрица Екатерина II повелела казнить и его станицу. Зимовейцы были переселены на левый берег, а Зимовейскую, как желала того «Просвещенная монархиня», сравняли с землёй. На новом месте станице дали новое имя. Екатерина нарекла её Потёмкинской. Несмотря на то, что дом Пугачёва в станице Зимовейской к моменту подавления восстания был продан его женой казаку станицы Есауловской Евсееву, который успел перенести дом на новое место, правительство обязало коменданта крепости Дмитрия Ростовского-Потапова «для возбуждения омерзения к Пугачёву злодеяния» дом сжечь, а место, на котором он стоял, посыпать солью. И дом в феврале 1775 года был возвращён на старое место, где сожжён с надворными постройками, изгородью и садовыми деревьями. Пепел развеяли по ветру, а место окопали рвом. Всем тем, кто носил одну фамилию с Пугачёвым, как утверждают старожилы, была дана фамилия Сычёвых. Так исчезла с лица земли Зимовейская, родина народных вождей Разина и Пугачёва, но не исчез, а лишь затаился на столетие бунтарский дух, и зимовейцы ещё предъявляют свой счёт дому Романовых.

В 1950 году станица переселилась во второй раз. Теперь уже казаков побудила к этому гигантская стройка по сооружению Волго-Донского судоходного канала им. В.И. Ленина и Цимлянского моря. Потёмкинская оказалась в зоне затопления и пришлось буквально со дна морского уходить на сухое место. Обновились неподалёку от хутора Генераловского. Когда-то, давным-давно хутор этот выделился из станицы Зимовейской. По просьбе станичников вышел указ, по которому станица именуется теперь Пугачёвской. На дне моря - прошлое, а по берегам - настоящее земли бунтарей российских, родная их сторона.

Наследником бунтарского духа станицы Зимовейской стал сподвижник Александра Ульянова, член «Народной воли», - Василий Генералов, которому, как когда-то Разину и Пугачёву, попы во всех церквях Дона провозглашала анафему, как особо опасному государственному преступнику.

Василий Генералов, окончив мужскую гимназию в Новочеркасске, уезжает в Петербург и поступает на первый курс юридического факультета императорского университета. Здесь он знакомится с Александром Ульяновым (старшим братом Владимира Ильича Ленина) и под его влиянием включается в борьбу за народное счастье.

Живший на одной квартире с Александром Ульяновым И.И. Чеботарёв вспоминает, что из участников заговора против Александра III наиболее часто бывал у Ульянова именно Генералов. «Видимо, он свято верил в дело революции и без сомнений и колебаний отдал себя в распоряжение руководителей, в частности, Александра Ильича».

По единодушному признанию современников, Александр Ульянов был редкостно одарённым человеком, в чём усматривали начало титанической личности. Безусловно, общение с Александром оказало на Василия Генералова огромное влияние, ускорило его превращение в стойкого революционера.

Так случилось, что тщательно разработанному плану покушения не пришлось осуществиться. Арестованные члены «Народной воли» предстали перед судом. На суде Василий Денисович Генералов вёл себя достойно революционера, твёрдо верившего в справедливость своего дела, согласно со своей совестью, произнёс свою речь, исполненную мужества и благородства. Таким показан Генералов и в историческом романе Владимира Васильевича Канивца «Ульяновы».

В день казни Василию Генералову исполнилось двадцать лет и два месяца (родился 21 марта 1867 г.). «В происходившей 20 (8) мая казни жестокость была доведена до самой зверской утончённости. В предыдущих казнях «великодушное» правительство обычно даровало всем осуждённым по отдельной виселице. На этот раз иначе: для пяти казнимых было поставлено только три виселицы, - писала в июне 1887 года французская рабочая газета "Зов народа"».

Движение истории - есть последовательная смена и взаимосвязь отдельных поколений. «В их преемственности, - говорится в передовой газете «Правда» за 9 мая 1982 года, - для советских людей не просто «связь времён», череда дат и событий, но ощущение причастности каждого из нас к подвигам дедов и отцов, к гигантским революционным преобразованиям».

Имена Разина и Пугачёва, Булавина и Генералова, как и многих других за свободу, продолжают жить среди нас - их потомков, в названиях улиц и населённых пунктов, теплоходов и совхозов.

В дни Великой Отечественной войны советского народа с фашизмом газета «Правда» писала: «Советской Родине дорог любимый Тихий Дон, река русской свободы и героических преданий».

Здесь в течение веков шла непримиримая борьба с врагами русского народа. Здесь от смертельного удара пало многочисленное иго, и Дмитрий Донской завоевал историческую свою славу. Здесь Степан Разин собирал дружины своих храбрецов. Здесь росли поколения отважных воинов, передавших из рода в род традиции беззаветной преданности Родине и бесстрашия в бою».

Л.Т.Агарков,
Газета «Звезда Придонья»,
3 августа 1982 г.

Песня храбрых донцов

От редакции: В нашей газете за 9 мая 1973 года рассказывалось об истории одной песни, родившейся в 5-м Донском казачьем корпусе в годы Великой Отечественной войны. Песня, публикуемая сегодня - новая находка краеведа.

Редактор В.Хмелевский.

«Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость...» - говорил о народных пословицах и поговорках замечательный советский писатель, наш земляк Михаил Александрович Шолохов.

Эти его слова можно в полной мере отнести и к народным песням - живой, полнокровной, изумительной по силе и сердечности части немеркнущего творчества русского народа.

Любят, поют, создают и хранят песни у нас на Дону. Недавно мне посчастливилось услышать и записать слова еще одной песни, родившейся в 5-м гвардейском казачьем кавалерийском Донском Будапештском краснознаменном ордена Богдана Хмельницкого корпусе в годы борьбы советского народа с фашизмом.

Название войскового соединения красноречиво свидетельствует о его боевых заслугах. Под знаменами корпуса в Великую Отечественную войну служили многие наши земляки. Служил в этом корпусе и уроженец станицы Калининской, Цимлянского района, Ростовской области ныне пенсионер колхоза «Большевик» Михаил Сергеевич Савватов. Он и сохранил до наших дней песню, которую пели казаки-гвардейцы прославленного соединения.

*По над тихим Доном шли мы эскадронам.
Нам страна сказала: сабли в руки взять!
На врага-злодея жизни не жалея
Ринуться в атаку за Россию - мать!
Эх, Россия наша, нету Дона краше.
Нет страны родимей Родины любимой.
Мы в огонь и в воду за свою свободу
На врага несемся на лихом коне.
Бились на Кавказе с черною заразой,
Не давали спуску ни в каком бою.
Били гадов прусских за страданья русских,
За народ советский, Родину свою!
От степей Кизлярских до высот Карпатских
За Дунай широкий путь в боях лежал.
И в горячих схватках с меткою хваткой
Наш лихой гвардеец немца побеждал.
Эх, Россия наша, нету Дона краше.
Нет страны родимей Родины любимой.
Мы в огонь и в воду за свою свободу
На врага несемся на лихом коне.*

Жизнь - она нелегкая, всякое в ней бывает. Песня людям помогает жить. Людям без песни нельзя. Песня... она нужна как ключевая вода в нестерпимую жару.

Л.Т.Агарков,
Газета «Звезда Придонья»,
24 февраля 1974 г.

С нею шли в бои казаки

(из истории одной песни)

«Дон Тихий, а слава о нем громкая», - говорит народная мудрость. Славные боевые дела донских казаков вошли яркой страницей в героическую историю нашей Родины. Начиная с момента возникновения казачьей вольницы на Дону, ни одна война Российского государства не проходила без самого активного участия жителей Дона. Поговорка утверждает: «На то казак и родился, чтоб русской земле пригодился». Казаки не только проявляли массовый героизм при защите своей Родины, но вместе с русской армией приходили на помощь братским народам. Не раз раздавался боевой клич казаков и свист острых клинков на Балканах, в Карпатах, Альпах.

Жизнью многих солдат и казаков заплачено за освобождение братских славянских народов от ига поработителей.

В грозные годы Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом на священную борьбу поднялись и донцы. Они с честью и славой пронесли по военной тропе эстафету побед предшествовавших поколений.

Нелегко был боевой путь сынов Дона, прошедших от Кавказа до Альп в составе 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса. На этом пути казаки-гвардейцы участвовали в освобождении от немецких захватчиков Кавказа, Дона, Украины, Румынии, Венгрии, Австрии, Югославии, уничтожили 59 тысяч вражеских солдат и офицеров, 676 танков и самоходных установок, 947 орудий, 1362 пулемета, 4500 автомашин. В составе корпуса служили многие жители из Усть-Донецкого района.

В боевых делах казакам-гвардейцам помогали песни, которые приносили с собой из хуторов и станиц и пели в походах и на привалах, когда позволяла обстановка. А Дон удивительно богат песнями. Недаром же собранию донских песен Александр Михайлович Листопадов посвятил целую жизнь. Он собрал тексты, записал и аранжировал музыку 1500 казачьих песен. Эти звучащие цветы растили людские сердца и поэтому то они богаты живой человеческой историей.

Говорят, что среди радостей, отпущенных на земле человеку, одна из самых больших - спеть с другом песню. Часто и сама песня рождает дружбу, сближает совсем незнакомых людей. Песня имеет удивительно магическую силу: пробуждает в людях родственные чувства и мысли, организует их, устремляет к единой цели, зовет на подвиг. Особое значение песня приобретает, когда волею судьбы человек оказывается оторванным от семьи, дома и всего того, что окружало его в дни мира. Тогда песня становится мостом, связывающим человека с домом, с родиной, делает его сильным. Рождались песни и в походе.

Была песня и в 5-м казачьем корпусе. Пел ее в годы Великой Отечественной войны вместе со своими однополчанами бывший гвардии казак 39 полка 11 гвардейской дивизии Валентин Петрович Сулин. Он сообщил мне слова этой песни. Пусть они в день Победы будут боевым приветом из далекого сурового, но славного прошлого всем ветеранам 5-го гвардейского и поручением молодым и будущим воинам.

*Скачут степью эскадроны,
Копытом топчут ковыли.
Мы сыновья родного Дона,*

*Казачьей вольницы земли.
Не позабыть нам меж холмами
В дыму Кизлярские пески.
Как в час атаки над врагами
Свистели грозные клинки.*

Припев:

*Эй гвардейцы пятого
Корпуса, вперед!
Бей врага проклятого
За родной народ!
Над Терской степью шли туманы,
В долине Терек рокотал.
Нас вел товарищ Селиванов,
Казачий главный генерал
Под пушек гром и град свинцовый
Рубили немцев казаки,
Как буря мчались над Ростовом
Конногвардейские полки.*

*Ты не шуми ковыль над Доном
Среди раскинутых долин.
Еще казачьи эскадроны
Придут с победами в Берлин.
И Тихий Дон в боях прославят
Непобедимые донцы.
И славу вечную оставят
В веках гвардейцы - молодцы.*

У песен разные судьбы. Есть такие, которые живут как бабочка «только одно лето». А есть песни, которые с нами живут не год и не два, и всякий раз молодая радость поднимается в тебе, когда слышишь такую песню.

Человеку много надо от жизни. Если же говорить о малом, то ему необходимы хлеб, работа и песня. Без этого человек просто не может жить.

Л.Т.Агарков,
Газета «Звезда Придонья»,
9 мая 1973 г.

Три письма на одну тему

(исторический очерк)

Славные боевые дела русских казаков яркой страницей вошли в летопись военного прошлого нашей Родины. После возникновения казачества ни одна война не проходила без самого активного его участия. Особую роль казаки сыграли в освоении земель на юге страны и их охране от притязаний иноземных захватчиков. Вместе с регулярными частями русской армии казаки нанесли ощутимый удар по армии султанской Турции и освободили от ее тирании народы Кавказа и Балканского полуострова. Свято хранит память о русских воинах, уничтоживших многовековое ярмо турецких захватчиков, болгарский народ.

Казаки участвовали в сражениях не только на суше, но и на море. Не все морские походы казаков были зафиксированы в летописях, но с 1614 по 1645 год было отмечено документами около двух десятков совместных походов донских и запорожских казаков. Особенно напугали Турцию и Крым походы 1616, 1630, 1637 годов. Иногда в морских битвах участвовали десятки тысяч казаков и сотни судов.

Не раз обращались к русскому царю с жалобами на казаков из Турции и Крыма, адресовались угрозы непосредственно казакам. Истории известны достойные ответы этим государственным мужам.

«Ты шайтан турецкий, проклятый черта брат и товарищ самого Луципера секретарь», - такими словами начинается письмо - ответ запорожских казаков турецкому султану Махмуду Четвертому на его письмо в Сечь в 1675 году.

В своем послании Махмуд Четвертый величал себя сыном Магомета, братом солнца и луны, внуком и наместником божьим, владельцем многочисленных царств - македонского, вавилонского, иерусалимского, Великого и Малого Египта. Он называл себя царем над царями, властелином над властелинами, необыкновенным и никем непобедимым рыцарем, неотступным хранителем Гроба Иисуса Христа, попечителем самого бога. Султан утверждал, что является надеждой и утешением мусульман, смущением и великим защитником христиан.

Своим посланием Махмуд Четвертый повелевал запорожским казакам сдаться ему добровольно, без сопротивления, принять турецкое подданство и своими нападениями его не беспокоить.

Отвечая самовлюбленному и самоуверенному восточному владыке запорожцы перефразируя присвоенные им себе титулы и достоинства и добавляя свои смешные и обидные прозвища,

называют его «вавилонским кухарем, македонским колесником, ерусалимским броварником, александрийским козолупой, каменецким катом, подолянским злодюкой» и всякими другими прозвищами.

Заканчивают свое ответственное письмо запорожцы словами: *«Числа не знаем, бо календаря не маем; месяц у неби, год у кнызи, а день у нас ткий, яко и у вас - поцелуй за то ось куды нас»*. В конце письма подпись - *«Кошевой атаман Иван Сирко зо всим Кошем запорожским»*. (И.Добрынин, элементарный курс русской истории 1912, с. 120-130)

Между прочим, как утверждают искусствоведы, именно после прочтения этого письма 26 июня 1878 года в Абрамцево на даче С.И.Мамонтова, великий русский художник Илья Ефимович Репин создает первый карандашный эскиз своей будущей знаменитой картины «Запорожцы».

Смешное, острое, меткое по своим бесцеремонным выражениям письмо-ответ поражает чувством юмора, духом вольности и бодрости, раскрывает характер и нравы прославленных свободолюбивых запорожских казаков.

Известно и другое письмо, созвучное первому. Это письмо-ответ донских казаков Крымскому хану на угрозу последнего - послать войска на Дон и разорить казачьи городки. Вот что в 1682 году те ответили хану: *«Зачем тебе так далеко забиваться? Мы люди не богатые, городки наши некорыстны, оплетены плетнями и обвешаны тернами, а надобно их доставать твердо головами, на посечение которых у нас сильные руки, острые сабли и мелкие пищали, а стад у нас конских и животных мало; даром вам в дальний путь забиваться»*. (Акты Лишина, I, с. 110).

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов жители станиц и городов Дона вместе со всем советским народом поднялись на священную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Потомки казаков-героев Отечественной войны 1812 года с беспримерным мужеством сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Замечательный боевой путь от гор Кавказа до Альп совершил Пятый гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус.

В период Великой Отечественной войны, аналогичное приведенным выше письмо было написано в Берлин, лично Гитлеру. Оно относится ко времени освобождения от фашистов Ростовской области и было опубликовано от имени казака Ивана Гвоздева во фронтовой газете «Красная Армия».

Образ Ивана Гвоздева создали поэты А. Твардовский и Б. Полищук. Он отважный и находчивый воин, никогда не унывающий, полюбился бойцам, заставляя от души смеяться над своими боевыми

приключениями, поднимая настроение в короткие минуты отдыха. С полным правом Ивана Гвоздева можно назвать собратом Василия Теркина. Вот что пишет он в послании к фюреру: *«Господин! Мы, участники ростовской атаки, донские казаки, конники да рубаки, как люди в этом сведущие, хотим посоветовать вам следующее: вызовите вы Клейста - каналю в имперскую канцелярию, а вместе с ним старого болвана Гудериана. С юго-востока Шведлера потребуйте да побеседуйте.*

Пусть Шведлеру и Гудериану господин Клейст напрямик, без обману, расскажет о том как без задних ног он пер из Ростова за Таганрог. Как надо бежать, с оглядкой ли без оглядки, чем и как намазывать пятки, потому что и остальных господ сиятельных такая же участь ждет обязательно. Да и вам самим послушать надо, как бегать от наших клинков и снарядов...

За сим, так сказать, оставайтесь в тревоге: ваших молодчиков вырубим в Таганроге, чтоб со временем и вы протянули ноги.

По поручению казаков, ваш «старый знакомый» Иван Гвоздев» («Молот», 7 марта 1973 г.).

Можно рассматривать эти письма с разных сторон, по разным аспектам оценивать их. Нас привлекает в них прежде всего, высокое гражданское достоинство авторов этих писем, их глубокий патриотизм, созвучные нам, нынешнему поколению советских людей, делающих все возможное для сохранения мира, но как и в прежние время, умеющих постоять за свою независимость. По особому звучат приведенные письма в дни приближающегося 40-летия Великой Победы.

Л.Т.Агарков,
Газета «Звезда Придонья»,
19 января 1985 г.

Сердце Донское

В сутолоке своих повседневных, так сказать, местных, касающихся только казачьего войска забот, городок Раздоры, как его главный стан, размещавшийся на одном из красивейших лесистых донских островов в ста сорока верстах от турецкого Азова, находился в постоянной орбите общегосударственных российских дел.

Установив отношения с Москвой в период царствования Ивана Грозного, донские казаки долгое время оставались главными защитниками русской земли от турецко-татарской экспансии.

Укрепившись на значительной территории «Дикого поля», казачье войско разобщало возникшие после распада Золотой Орды Казанское, Астраханское и Крымское ханства, а также ногайские орды, как в связях между собой, так и изолировало их от сношений с Турцией и лишало последней возможности подчинить их своей власти. Затем донцы последовательно участвовали в покорении Казани (1552), Астрахани (1556), сражались в русской армии в период Ливонской войны (1558-1583), покорили Сибирское ханство своим походом под руководством Ермака (1582-1585).

Менее известно, но не менее важно, участие донцов в борьбе с Крымом. В мае 1571 года крымский хан Девлет-Гирей напал на Москву и сжег ее. В следующем, то есть 1572 году, он с 120-тысячным войском вновь напал на Русь, но в 60-ти верстах южнее Москвы у села Молоди проиграл несколько сражений, после чего бежал в Крым. Его крупный военачальник Дивей-мурза при этом был пленен и доставлен в Новгород, где тогда находился Грозный. Одним из выдающихся героев разгрома крымского хана был донской атаман Михайла Черкашенин, под руководством которого казаки из Раздорской и других городков успешно действовали против войск Девлет-Гирея. Во время героической обороны Пскова в 1581-1582 годах против войск польско-литовского короля Стефана Батория, так и не сумевших взять город, атаман донских казаков был убит. Защитники Пскова отразили более тридцати приступов, заставив Батория заключить перемирие с Россией (М.: Исторические песни, баллады, 1986, с. 572).

Автор «Истории военного искусства» Е. А. Разин не только подтверждает участие казаков во всех упомянутых войнах, но и утверждает то, что «Решающей силой, определявшей исход борьбы, являлись не дворяне и дети боярские, а стрельцы, боярские люди (холопы) и казаки» (М.: Воениздат, 1957, с. 366). В XVI веке городские казаки несли пограничную службу и участвовали в больших походах русского войска. Вольные казачьи отряды, возникавшие в пограничных землях, совершали походы по своему почину или по договоренности с официальными или частными лицами. В этих походах выработывались некоторые особенности боевых действий, определившиеся составом казачьих отрядов, целями походов и своеобразием обстановки.

После Ивана Грозного (1584 г.) царский престол достался его сыну Федору. Будучи неспособен управлять государством самостоятельно, он сначала доверял эту деятельность своему дяде по матери Никите Романовичу Захарьину, а после его смерти, к царю приблизился Борис Федорович Годунов. Существует легенда по поводу происхождения Годуновых от татарского мурзы Четы, который, якобы, в XIV веке перешел на службу к московскому князю Ивану

Калите и принял христианскую веру. Сочинили эту сказку монахи Ипатьевского монастыря в Костроме, служившего родовой усыпальницей Годуновых, чтобы, как считает доктор исторических наук Р.Г. Скрынников, исторически обосновать княжеское происхождение династии Бориса, а заодно - извечную связь новой династии со своим монастырем. Более того ипатьевские монахи утверждали, что Чета, направляясь из Сарая в Москву, успел мимоходом заложить православную обитель в Костроме. На самом деле предки Годунова никогда не были татарами, а являлись природными костромичами, издавна служившими боярами при московском дворе.

Своим умом и хитростью Борис возвысился еще при Грозном, так как был женат на дочери известного опричника Малюты Скуратова, а когда Федор взял себе в жены его сестру Ирину, Годунов оказался не только ближайшим советником царя, но и по существу стал единовластно управлять государством и во многом преуспел.

В царствование Федора Ивановича произошли важные события, которые впоследствии сказались на состоянии России. Одним из них было утверждение на Руси патриаршества, 400-летие которого было отмечено в 1989 году. Дело в том, что ранее патриарх находился в Царьграде, влияние которого распространялось и на русскую церковь. Однако после завоевания Царьграда турками в 1453 году, патриарх оказался в зависимости от султана. При Иване Грозном русское государство усилилось настолько, что Федор Иванович решил учредить на Руси свое патриаршество. Из духовных служителей и бояр был созван собор, который 26 января 1589 года посвятил в патриархи митрополита Иова. Одновременно произошло повышение в сан митрополитов архиепископов Казанского, Новгородского, Ростовского и Куртицкого (в Москве) а несколько епископов получили звание архиепископов.

Нововведения произошли и в крестьянском вопросе. В России крестьяне могли переходить от одного хозяина к другому в определенное время (обычно после окончания сельскохозяйственных работ, за неделю до и после 26 ноября) в так называемый Юрьев день. В царствование Федора Ивановича крестьянские переходы от одного помещика к другому были запрещены вообще. Крестьяне были прикреплены к земле, но некоторое время лично еще были свободны. Но помещики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина, которому было трудно бороться с хозяином. Всего через 100 лет помещики будут продавать крестьян «враздробь, как скот», без земли. Так это нововведение положило начало «крепостному праву» на Руси.

Не менее важное событие произошло с наследником российского престола. Так как у Федора Ивановича своих детей не было, то престол должен был перейти после его смерти к его брату Дмитрию, младшему сыну Ивана Грозного, который воспитывался вдали от столицы в Угличе (ныне райцентр в Ярославской области). Его мать Мария Нагая и дяди считали виновником своей ссылки Бориса Годунова. Среди придворных царя ходили слухи о том, что будучи обиженным на брата, Дмитрий однажды зимой наделал фигуры людей из снега назвал их различными именами приближенных к царю бояр и потом начал сечь их саблей, отрубив одному руку, другому - голову, третьего проколов насквозь, говоря при этом, будто бы: «Так будет им в мое царствование». Насколько достоверны эти слухи, судить трудно, но они тревожили бояр, которые решили освободиться от опасного царевича. И вот в мае 1591 года распространилось известие, что Дмитрия не стало. Убийцами его, якобы, были подосланные Борисом Годуновым Волохов, Битяговский и Качалов. Угличане расправились не только с ними, как прямыми виновниками, но и с непричастными к убийству. Всего было убито 12 человек.

По указанию Годунова, для расследования убийства царевича, была создана комиссия в составе Василия Ивановича Шуйского, Крутицкого, митрополита Геласия и дьяка Клешнина, которая, скрыв правду, сообщила, что Дмитрий в припадке падучей болезни сам накололся на нож, а угличане по наущению Нагих, убили людей якобы неповинных. Такое расследование повлекло за собой жестокие наказания для многих родственников Дмитрия, участвовавших в самосуде угличан, подвергшихся осуждению на смерть, телесным наказаниям и высылке в Сибирь, а мать царевича была пострижена в монахини под именем Марфы и заключена в монастыре за Белым озером. Ее братья разосланы по тюрьмам. Более всего интересно, что сослан был и угличский колокол, известивший о смерти Дмитрия своим звоном. В истории существует и версия о том, что убийство Дмитрия было совершено группой знатных бояр, потерявших доверие у российских государей, начиная с Ивана III, и стремившихся к установлению своего правления путем удаления с пути претендента на престол.

Интересны в этом отношении сочинения агента английской торговой компании и дипломата Джерома Горсея, жившего в России в 70-90-е годы XVI века, вышедшие в 1990 году в издательстве Московского университета. Автор сообщает, что оказавшись в ссылке в Ярославле, он был разбужен однажды ночью братом вдовствующей царицы Афанасием Нагим, рассказавшим, что «царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у неё вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем

Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство». Горсей дал Нагому банку с чистым прованским маслом и коробочку венецианского териака и тот ускакал в Углич (в 25 милях от Ярославля). Известие Горсея об обстоятельствах смерти Дмитрия рассматривается исследователями как важный источник, так как оно написано почти участником событий. Народная же молва приписала смерть царевича Дмитрия Борису Годунову. Это нашло потом воплощение в трагедии А.С. Пушкина и музыкальной драме М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Вспомним у Пушкина, на вопрос боярина Воротынского «...точно ль царевича сгубил Борис?

Шуйский отвечает: «А кто же? Кто подкупал напрасно Чепчугова? Кто подослал обоих Битяговских с Качаловым? Я в Углич послан был исследовать на месте это дело: наехал я на свежие следы..»

Борису Годунову и его времени свои произведения посвятили не только русские историки Карамзин, Соловьев, Костомаров, но и многочисленные русские писатели Сумароков, Нарезный, Хомяков, Погодин, Полозов, Чаев, Островский и другие. Обращались к этой теме и видные зарубежные художники: испанский драматург Лопе де Вега, француз Обри, немцы Коцебу, Шиллер и другие. Царь Федор на русском престоле находился до 1598 года, а затем после его смерти, для русской земли началось время, именуемое в истории смутным.

Благодаря пользовавшемуся авторитетом у народа и бояр патриарху Иову, указавшему на Бориса Годунова, как на единственного достойного претендента на Российский престол, последний был избран царем. Однако лишь первые годы царствования Бориса были сравнительно мирными. Затем, чувствуя себя по происхождению недостаточно знатным и боясь потери власти, он начинает преследовать более родовитых бояр, в том числе и Романовых, чем вызывает к себе недовольство.

Недород и в связи с этим страшный голод несколько лет подряд привели не только к большой смертности населения, но и к массовым беспорядкам. «Был в те времена великий голод по всей земле. Три лета земля не родила. Скот весь съели. Пашню не пахали и не сеяли. Бродили люди по лесам, по дорогам: кто в Сибирь тянул, кто на Север, где рыбы много, кто бежал зарубеж на литовские, на днепровские украины. В Москве Борис даром раздавал хлеб, и такое множество народа брело в Москву, дикие звери белым днем драли на дорогах отсталых, тех, кто с голоду ложился», - писал Алексей Толстой в своей «Повести смутного времени». (Собр. соч. в 10 т., т. 3, с. 276.).

Усилившаяся крепостная зависимость крестьян, в связи с упомянутым выше законом, принятом при Федоре, влечет за собой бегство их на окраины России, пополняет казачьи ряды. Растет в народе недовольство Годуновым.

Донские казаки терпели большие притеснения от Бориса Годунова. На Дону все чаще появлялись его воеводы. Еще в 1594 году он посылал в Раздорский городок грамоту, содержащую приказ заключить мир с Азовом, запрещавшую казакам совершать походы на Азов («хотя бы вам какая досада от Азова будет учиняться»). В случае неисполнения требования Годунов грозил казакам лишить жалования. (История Донского края. Ростиздат. 1971, с. 37). В этот же год Годунов послал на Дон дворянина Петра Хрущева и предлагал донцам принять его в своей столице Раздорах в качестве головы, но вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы (Р.Г. Скрынников. «Самозванцы в России в начале XVII века». Новосибирск. 1987, с. 67). В ответ на это сношения Московского государства с Донским Войском были прерваны, а порубежные русские города закрыты для торговли с Доном.

Казаки понимали, что вольностям их приходит конец. Появление в это время слухов о том, что царевич Дмитрий, сын царя Грозного, чудом спасся и находится в Польше, в Раздорах было встречено с большой радостью и надеждой на восстановление былых свобод для казачества в случае воцарения последнего на российский престол.

Имеются сведения, что самозванец и сам пытался склонить казаков на свою сторону и с этой целью ездил в Сечь. Он просил запорожцев «насадить его на Путивле», самом крупном городе Северной земли, после чего обещал их щедро пожаловать.

Однако самозванцу в этот раз привлечь Сечь на свою сторону не удалось, но... Запорожцы помогли ему установить связи с донскими казаками. Осенью 1603 года послы самозванца посетили Раздоры на Дону. «Царевич» обещал донцам волю, и те немедленно отозвались на его обещание.

- Писал ты до нас, - значилось в казацкой отписке, - святой памяти отца своего и нашего прирожденного царя... Иоанна Васильевича... относительно полных вольных лет.

Донцы были первыми в России, кто решительно заявил о поддержке «законного монарха». «Мы, холопы твои, подданные государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению...»

Слухи о чудесном спасении Дмитрия подготовили почву для признания самозванца. Казаки поверили тому, что давно ждали. Их ответ «государю» был проникнут удивительной наивностью. В заголовке казацкой грамоты читаем: «По воле и благословиению бога дарованному государю царевичу, воскресшему, как Лазарь из мертвых» (старина и новизна М-1911, Кн. 14, с. 413).

Обещания «полных вольных лет» при всей их неопределенности произвели на донцов почти магическое действие, и тотчас молва о чудесном спасении царевича начала трансформироваться в утопию о «добром царе».

В элементарном курсе Русской истории К.И. Добрынина (М., 1912, с. 104) говорится о том, что когда слухи о появлении в Польше самозванца дошли до Москвы, Годунов употребил все средства, чтобы разоблачить обман. В Польшу и во все концы русской земли были разосланы грамоты, в которых сообщалось, что Лжедмитрий есть никто иной, как беглый монах Гришка Отрепьев....«Но чем больше старались разуверить народ в справедливости слухов о появлении в Польше Дмитрия, тем упорнее народ верил тому, что самозванец - истинный царевич».

Казачий круг, проходивший на майдане Раздорского городка, постановил признать прирожденного государя, а атаманы Андрей Карела и Михайло Межаков взялись доставить приговорную грамоту «Дмитрию». Однако миссия эта завершилась провалом. Донцы были взяты под стражу, а находившийся в их руках пакет попал к черкасскому старосте князю Янушу Острожскому. Князья Острожские знали беглого московского инока и считали его обманщиком. Они не желали войны с Россией, но более всего боялись нового взрыва казацких восстаний на Украине. Допросив Карелу, князь Януш дознался, что на помощь «царевичу» скоро придут две тысячи донцов и других, «злодеев». Встревожившись, воевода обратился с письмом к королю (Сигизмунду III). Он предлагал с помощью военных мер пресечь назревавшее «воровство», в результате которого казаки «соединившись, или вторгнутся в московскую землю, или получат возможность произвести великие беспорядки на Украине» (там же, с. 431). В последующих письмах Острожский выражал опасения, что казаки, поддерживающие царевича, того и гляди, затеют бунт, наподобие бунта Наливайки (руководитель антифеодального крестьянско-казацкого восстания 1594-96 - Л.А.). Арест атамана Карелы и других послов Войска Донского помешал получить самозванцу своевременную помощь от вольных казаков с Дона. Однако по настоянию короля Острожский освободил донских посланников из-под стражи и отпустил их домой.

Вскоре из Самбора (город в Львовской области), где находился Отрепьев у Юрия Мнишек, на Дон выехал Литвин Счастливый - Свирский с запорожцами. Он отвез донцам «царское» знамя - красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине. У Карамзина читаем: «Зная свойство мятежных донских казаков, зная, что они не любят Годунова, казнившего многих из них за разбой, Лжедмитрий послал на Дон Литвина Свирского с грамотою; писал, что он сын

первого царя белого, коему сии вольные христианские витязи присягнули в верности, звал их на дело славное: свергнуть раба и злодея с престола Иоаннова. Два атамана А. Карела и М. Нежаков (он же Межаков. - Л.А.) спешили видеть Лжедмитрия, видели его честимого Сигизмундом, вельможными панами, и возвратились к товарищам с удостоверением, что их зовет истинный царевич. Удальцы донские сели на коней, чтобы присоединиться к толпам самозванца. На берегах Волги донские казаки разбили окольного Семена Годунова, посланного в Астрахань, и захватив несколько стрельцов, отпустили их в Москву с таким наказом: «Объявите Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Дмитрием» (Русская хрестоматия, М., 1903, с. 87-88). Между тем, московские власти вновь направили на Дон дворянина Петра Хрущева с тем, чтобы предотвратить смуту среди донских казаков, однако те связали царского посланника и отвезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Хрущев рассказал, что должен был склонить донцов к участию в войне с царевичем. Вот что об этом сообщает Карамзин: «Уже расстрига (15 августа) двинулся со своими дружинами к берегам днепровским и стоял в Сокольниках: Хрущев, представленный ему в цепях, взглянул на него... залился слезами и пал на колени, воскликнув: «Вижу Иоанна в лице твоём: я твой слуга навеки».

Князя Острожские - Василий (Киевский воевода) и Януш - опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон.

Войско самозванца насчитывало едва ли полторы тысячи исправных воинов, конников, и пеших, если не считать толпы черни, не организованной и плохо вооруженной. К ним близ Киева присоединились две тысячи казаков, приведенных Свирским с Дона. Вот как описана эта сцена встречи в упомянутой пушкинской трагедии.

На вопрос самозванца к казачьему атаману - ты кто? Андрей Карела ответил:

*«Казак. К тебе я с Дона послан.
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами».*
Самозванец радуясь пополнению:
- Я знал донцов.
Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.

*Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы,
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон».*

Сюда же прибыли толпы вольницы киевской и северской и 16 октября перешли границу России. Лишь только тогда Борис стал решительно готовиться к обороне.

«Лжедмитрий шел с мечом и манифестом: объявлял россиянам, что он, невидимую десницею Всевышнего устраненный от ножа Борисова и долго сокрываемый в неизвестности, сею же рукою введен на театр мира под знаменами сильного, храброго войска, и спешит в Москву взять наследие своих предков, венец и скипетр Владимиров, напоминал всем чиновникам и гражданам присягу, данную ими Иоанну: убеждал их оставить хитрого Бориса и служить государю законному, обещал мир, тишину, благоденствие, коих они не могли иметь в царствование злодея богопротивнаго». (Карамзин. Русская хрестоматия, с. 90).

18 октября жители и воины Моравска встречали Лжедмитрия хлебом-солью, 26 октября самозванцу покорилась столица древних Ольговичей - Чернигов. Здесь его радостно приветствовали криком: «Да здравствует государь наш Дмитрий». И лишь Новгород-Северский благодаря кипучей деятельности князя Петра Федоровича Басманова 11 ноября встретил Лжедмитрия в первый раз, в соответствии с его заслугами, ядрами и картечью.

На заверение прислужника самозванца ляха Бучинского о том, что царь и великий князь Дмитрий готов быть отцом воинов и жителей города, если ему сдадутся, ответил; «Великий князь и царь в Москве, а ваш Дмитрий разбойник сядет на кол вместе с вами». Басманов давал пример мужества многим знатым россиянам, часто ставившим свои корыстные цели выше государственных. Но без боя переходят на сторону мнимого царевича Путивль, Рильск, Севск, Борисов, Белгород, Валуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Елец. Вся южная Россия встала против Бориса.

Басманов проявляет не только мужество, но и полководческий талант: заключает перемирие с самозванцем, чтобы потом, оказавшись в его тылу в самый неподходящий момент, заставить противника прекратить битву.

Борис высоко оценил подвиг Басманова, но вместо того, чтобы поставить его во главе своего войска, вызывает в Москву, посылает навстречу знатнейших государственных сановников и великолепные сани для торжественного въезда героя в столицу, из собственных рук

вручает ему золотое блюдо с червонцами, 2000 рублей и множество серебряных сосудов, доходное поместье и сан боярина Думного. «Царь отнял лучшего воеводу у рати и сделал, кажется, новую ошибку, избрав Шуйского в начальники», - пишет Карамзин.

Шуйский находит войско близ Стародуба в лесах и принимает решение двигаться к Севску, где находился противник. Лжедмитрий несмотря на малочисленность своих сил не стал ждать в Севске и устремился навстречу. Бой разгорелся у Добрыничей. Используя численное превосходство и огневую мощь, несмотря на необыкновенную смелость и успех самозванца в начале боя, Шуйский становится победителем. Но, не будучи настоящим полководцем, он останавливает преследование бегущего, разбитого противника. Было убито около шести тысяч, взято немало в плен, захвачено 15 знамен, 13 пушек, рассеяна казачья конница. Самого Самозванца считали убитым. В Москве, получив донесение, пели благодарственные молебны, звонили в колокола, отлили золотые медали воеводам, а войску выделили 80000 рублей. На обозрение были выставлены знамена, трубы и бубны самозванцев. Борис писал, что ждет сообщения о конце мятежа. Но самозванец был жив, а победители безвременно веселясь и торжествуя, упустили его. И пока воеводы Борисовы занимались казнями жителей, усиливая ненависть к царю и доброе расположение к обманщику, тот обосновался в Путивле, лишенный надежды, разбитый наголову, с горстью беглецов, мечтая о тайном уходе в Литву. Но пристыженный и ободренный русскими сподвижниками, Лжедмитрий понимает, что начатое им дело, не только его личное. В Путивль приходит четырехтысячный отряд донских казаков, другие засели в городах и клялись оборонять их до последнего издыхания. Донские казаки составляли наиболее дисциплинированную и наиболее стойкую часть в рядах самозванца.

Лжедмитрий остался, к Сигизмунду послал за воспоможением, укреплял Путивль, издал новый манифест, рассказывая в нем свою вымышленную историю о Дмитриевой спасении, который умножил ему число друзей.

Карамзин писал: «Суд божий гремел над державным преступником. Никто из россиян до 1604 года не сомневался в убиении Дмитрия, который возростал на глазах всего Углича и коего видел весь Углич мертвого, в течение пяти дней орошав его тело слезами, следственно россияне не могли разумно верить воскресению царевича, но они не любили Бориса! Сие несчастное расположение готовило их быть жертвою обмана. Сам Борис ослабил свидетельство истины, казнив важнейших очевидцев Дмитриевой смерти и явно ложными показаниями затмив страшные обстоятельства. Еще многие знали верно сию истину в Угличе, в Пелыме, но там жила в сердцах

ненависть к тирану. Всех громогласнее, как пишут, свидетельствовал в столице князь Василий Шуйский, торжественно, на лобном месте, о несомнительной смерти царевича им виденного во гробе и в могиле... Еще не имев примера в истории самозванцев и не понимая столь дерзкого обмана, любя древнее племя царей и с жадностью слушая тайные рассказы о мнимых добродетелях Лжедмитрия, россияне тайно же передавали друг другу мысль, что бог действительно, каким-нибудь чудом, достойным его правосудия, мог спасти Иоаннова сына для казни ненавистного хищника и тирана. По крайней мере сомневались и не изъявляли ревности стоять за Бориса».

Между тем царские воеводы после неудачного двухнедельного штурма Рыльска совершают еще одну ошибку. Вместо решительного штурма Путивля, войска устремляются на соединение с запасной ратью Федора Шереметева, теснившего Кромы, небольшой опорный пункт, построенный на пути степняков в пятидесяти верстах южнее Орла (ныне это районный центр в Орловской области).

Под руководством Андрея Корелы, одного из самых первых и верных соратников самозванца, всего шестьсот мужественных донцов, готовых стоять насмерть, в течение многих недель выдержали осаду восьмидесятитысячного войска. И это несмотря на то, что штурм готовился по всем правилам военного искусства. Посреди ночи, чтобы очистить место для атаки огромной армией, стены крепости были подожжены пехотой, сгорело все, что могло сгореть, тяжелые орудия разровняли пепелище, снеся остатки строений и обрушились на острог. А уже во время жестокого сражения на валу, когда казаки вынуждены были вступать в рукопашную, стрелять в упор и рубить шашками, запылала деревянная стена, последняя преграда, защищавшая их. Казаки сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы, вырыли окопы и лазы, по которым могли покинуть крепость и возвращаться вновь. Свои жилища казаки устроили под внутренним обводом вала, вырыв в земле норы. Во время обстрела в них и отсиживались, укрываясь от ядер, а затем бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль. Неравная борьба потребовала больших потерь, истощила припасы, но тут на помощь приходит отряд в пятьсот казаков и обоз с хлебом в сто возов, казаки воспрянули духом.

В это время делает свой выбор и переходит на сторону самозванца со значительными силами герой обороны Новгорода Северского Петр Басманов. Лжедмитрий выступает на Москву и по пути осматривает развалины Кром, на шесть недель сковавших силы Бориса, чтобы отдать должное героизму их защитников, которые не только спасли ставку Лжедмитрия, но выиграли время, необходимое для политического выбора страны.

Вера в законность царствования Бориса была утрачена, число его приверженцев таяло с каждым днем, а число сторонников самозванца росло. В это время от глубоких переживаний Борис внезапно скончался (13 апреля 1605 года). Народ и в этом увидел суд божий за убийство Дмитрия.

Донские казаки вместе с «законным царем» вошли в Кремль и заняли все важные посты. Однако многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, оразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. По этой причине казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот. Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он осыпал его милостями. Однако вождь повстанцев остался чужаком в толпе царедворцев. Во дворе у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. Донской атаман без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги, и в конце концов спился. Другой вождь казачьего войска - Постник Лунев принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, организовавшиеся в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Было угасшая жизнь в казачьих городках и даже в самом сердце донском, на острове в Раздорах, в связи с поддержкой «законного царя» и массовым уходом казаков в район боевых действий вновь ожила, когда полая вода 1605 года, освободив остров, уступила низины буйной зелени.

Сюда стали возвращаться герои Севска, Рыльска и Кром. Казачьи отряды, сыгравшие главную роль в воцарении на российском престоле Лжедмитрия, больше в Кремле были не нужны и под давлением боярской думы, которую все время, пока донцы несли здесь охрану, не покидал непреодолимый страх, они были распущены по домам.

Донская степь, изобиловавшая табунами сайгаков и куланов, косяками диких лошадей и стадами рогатого скота, многочисленным зверьем, включая европейского оленя и лося, речными гигантами и разнообразными пернатыми, могла свободно прокормить всех своих обитателей. Не угрожала людям, в совершенстве владевшим разнообразным оружием и постоянно упражнявшим военную сметку и

находчивость, голодная смерть. Являясь выходцами из разных краев и народов, участвуя в многочисленных походах, казаки стали обладателями уникального и многогранного хозяйственного опыта, который позволял им успешно обслуживать себя в различных ситуациях. Основу благосостояния, конечно, составляли скотоводство и рыболовство. В последнем широко использовались различные способы, среди которых особое место занимали ставные орудия лова: вентерь, ванда, самоллов, сеть. Среди активных орудий лова применялись волокуша, бредень, сеть раскидная, хватка, черпак, сеть наплавная. И особое место отводилось охоте с острогой, напоминавшей копье с трезубцем на конце. Этот вид охоты на крупную рыбу, чаще всего на сазана, весной во время нереста на мелководье требовал большого искусства, ловкости и силы и напоминал собой своеобразный поединок, в котором нередко страдал и сам охотник.

Существовали и многочисленные способы охоты: на птицу с луком, на зайца ставились силки и петли и только на медведя, сохатых и других крупных животных охотились с ружьями, что велось с загоном и засадами. Изготавливать орудия лова и охоты, строить жилища, ухаживать за лошадьёю вплоть до приема новорожденного жеребенка, оказывать первую помощь себе и товарищу умел - каждый член казачьей общины. Конечно, в некоторых видах деятельности требовался профессионализм. В общине были и свои мастера шорники, бондари, кузнецы, колесники, портные. Чтобы прожить день, нужно было хорошо потрудиться и, конечно, только людям - особого мужества и терпения, воли и закалки было под силу казаковать.

«Мы, холопы ваши, за хлебом, и за рыбою, и за зверям и за тровою на ряку и на степь день и ночь ездим беспрестанно, а кой час не поехать, кормиться нечим...».

Так напишут казаки с Дона в 1632 году в своей отписке царю и Патриарху всея Руси.

А ныне идет 1605 год, донцы живут надеждой на исполнение своих обещаний новым царем о предоставлении заслуженных им вольностей и привилегий.

Восстанавливались на Дону старые казачьи гнезда, городок Раздоры по-прежнему выполнял роль казачьей столицы. Все чаще и ярче горели здесь костры, собирая вокруг огня разноплеменные мужественные лица односумов. Они сходились, чтобы за вечерней трапезой обменяться новостями дня. Вспоминались и былые сражения и те, кто пав в боях, навечно остались лежать в Сумской, Орловской, Брянской и Северной земле, и те, кто пристав к «шайкам» вольницы еще продолжал искать счастья на южных и западных границах. Были среди прибывших на Дон и новички, пополнившие

казачьи ряды на пути Самозванца к Москве, теперь постигавшие не менее опасную мирную казачью жизнь. И хотя в Поле уже давно не было видно многотысячных орд крымских татар, занятых завоеванием Венгрии, по степи промышляли охотники из Азовской крепости, Большой и Малой ногайской орды. Неусыпно высматривали врага на сторожевых курганах казачьи посты, далеко вперед выезжали дозоры. Важно было не только достойно встретить врага, но своевременно и надежно укрыть от него в балках и прибрежном лесу находившиеся под присмотром табунщиков на правом берегу против острова косяки лошадей и гурты скота. Не раз вспыхивали и поднимались в ночное небо языки сигнального пламени на Маяцком кургане, хорошо видимого далеко вокруг, предупреждая об опасности и поднимая тревогу в казачьем стане.

Здесь, на Южных границах шла необъявленная война, от которой прежде всего страдали русские окраины и поселения донских казаков. В конце 1605 года казаки достигли крупного успеха в этой войне. В одной из стычек с врагом они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву.

Победа донцов окрылила Лжедмитрия. Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный - католик, православный царь Лжедмитрий не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую бы вошли католические государства; Габсбургская империя, Испания, Речь Посполитая и православная Русь. Однако момент был не слишком удачен, и папа римский ответил Лжедмитрию: «Пускай царь первый выступит на арену, пусть он вовлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой». Габсбурги и Сигизмунд III не поддержали Лжедмитрия, но тот твердо решил, упрочить свое воцарение. Некогда с помощью донцов Иван Грозный сокрушил ордынские владения в Казани и на Нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и нанести удар по Азову с тем, чтобы изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стала крепость Елец (ныне город и районный центр в Липецкой области). Туда он из Москвы отправил полевую и осадную артиллерию, создал склады снаряжения и продовольствия. К Ельцу шли отряды вооруженных людей. С весны 1606 года подготовка усилилась. Самозванец спешил начать войну. В военном лагере в окружении польской стражи, стрельцов и дворянства он мог чувствовать себя в безопасности.

Война с турками из-за Азова вновь привела бы под знамена Лжедмитрия вольных донских казаков, уже оказавших ему один раз неоценимую услугу. В казачьих городках его авторитет был высок, да и планы нового царя совпадали с интересами донских атаманов и

казаков, ведших долгую и непрестанную войну с агрессивным южным соседом.

Не только на Дону свои надежды связывали с новым царем. Значительные силы из влиятельных и знатных людей в центре также поддерживали его деятельность. Видный русский и украинский писатель и историк XIX века Н. И. Костомаров писал:

«Кто бы ни был этот названный Дмитрий, и что бы ни вышло из него впоследствии, несомненно, что он для русского общества был человек, призывавший его к новой жизни, к новому, пути. Однако человек, поднявший всего год назад почти всю Россию, остался в истории не «признанным», а самозванцем».

Историк Ключевский высказал о происхождении самозванца интересную мысль.

«В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства, с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Винили поляков, что они его подстроили: но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве», (соч. 1988 - т. 3, с. 30).

Сын галицкого мелкого дворянина Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий, служил в Москве холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского. Когда опалы обрушились на романовский кружок, он бежит в Литву, а затем в Польшу. Одаренный, великолепный оратор, с благородными манерами, храбрый, ставший царем зарекомендовал себя деятельным управителем, держался как законный, уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил никогда на его лице ни тени сомнения в этом. А принявший его сторону П.Ф. Басманов, именно тот который нанес ему первое поражение, а затем, приведший его к окончательной победе, был уверен, что царь не сын Грозного, а признавал его потому, что для России лучшего царя не видел. Однако 17 мая 1606 года его убьет из бандитского обреза один из заговорщиков (Григорий Валуев), а царское место займет уже известный интриган - князь Василий Иванович Шуйский. «Маленький старик лет за пятьдесят с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы и сильно верил чародейству!», - так характеризует его Соловьев. А Костомаров добавляет и другие его качества: «Он гнул шею перед силою, покорно служил власти, пока она была могуча для него, но изменял ей, когда видел, что она слаба...», - и отмечает его хитрость и коварство.

На Красной площади было выставлено два трупа. Царь - самозванец с дудкой во рту и маской на груди, а у его ног - верный

Басманов. Похоронили же их поровнь. Но даже мертвого Лжедмитрия не оставили в покое.

По Москве пошел слух, что мертвый царь ходит по городу. Жестокие и трусливые убийцы не могли спать спокойно. Тогда из ямы на кладбище, куда сбрасывали умерших нищих, опившихся и обездоленных, куда попал и труп Лжедмитрия, его вынули и вывезли за Серпуховские ворота. Костер и выстрел из пушки развеяли его прах по воздуху, но отнюдь, не остановили новых претендентов на российский престол.

Несмотря на принятые Шуйским меры по предотвращению возможности появления нового самозванца, очень скоро начали распространяться слухи о спасении Лжедмитрия, вместо которого, якобы, был убит кто-то другой.

На южных окраинах русского государства; в Путивле и Кромах, где не так давно население без колебаний поддержало «царевича Дмитрия» и пополнило его ряды, ставшими его опорными пунктами в борьбе за русскую корону: в Ельце, бывшем центре подготовки похода на турецкий Азов Лжедмитрием, который он задумал после прихода к власти и, который был горячо поддержан казаками в Раздорах, сосредоточилось большое количество стрельцов, беглых холопов, крестьян, казаков, совсем недавно сопровождавших и активно поддерживавших своего кумира.

Хотя Шуйский был достаточно знатен родом и был наделен способностями, у народа он уважением не пользовался. Народ не верил в справедливость избрания последнего, так как не только огромная русская земля, но даже Москва не участвовали в его выборах. Он был поставлен царем кучкой бояр. Против Шуйского собралась многотысячная армия простых людей. Возглавил ее талантливый вожак Иван Исаевич Болотников.

Рассказывают, что в молодости Болотников бежал в степь от своего хозяина князя Телятевского в поисках вольной жизни, к казакам. В то время стычки между казаками и кочевниками происходили довольно часто. В одном из сражений с татарами Болотников был захвачен в плен и доставлен на невольничий рынок в Азов. Здесь его купил владелец турецкой галеры в качестве гребца. Через некоторое время в морском бою, в котором турки потерпели поражение, он был освобожден и оказался в Венеции, откуда через Германию возвратился в Россию. Так произошло, что он попал в центр крестьянско-казачьего освободительного движения, где вскоре получил высокое доверие его участников.

Книга XVII века «Летопись о многих мятежах» рассказывает об этом событии в следующих словах: «Собрахуся боярские люди и

крестьяне, к ним же приступаху и украинские посадские люди, и стрельцы, и казаки, и начаша по градам воевод имати и сожати по темницам. Бояр же своих дома разоряху и животы гробяху». (Кремль Москвы: Изд. Московский рабочий. 1957, с. 18).

После победы над войсками Шуйского под Кромами, Ельцом и Калугой 23 сентября 1606 года к армии Болотникова присоединились новые группы не только из народа, но и представители землевладельцев, недовольных правительством Василия Шуйского. Во главе с Прокопием Ляпуновым к восставшим присоединился отряд рязанских бояр, а тульские и веневские землевладельцы - под предводительством сотника Истома Пашкова. Дворянские дружины, конечно, не интересовали цели восставшего народа, они присоединились к нему лишь из желания воспользоваться крестьянско-казацким движением для борьбы с Шуйским. «Политическим же лозунгом восстания Болотникова было провозглашение царем «царя Дмитрия». Вера в него была присуща не только рядовым участникам восстания, но и самому Болотникову, называвшему себя лишь «большим воеводой царя Дмитрия». (Всемирная история, М., 1958, т. 4, с. 520).

Сосредоточившись под Москвой в селе Коломенском осенью 1606 г., сотысячная армия Болотникова была близка к победе, но в решающий момент сражения, примкнувшие к ней дворянские отряды П. П. Ляпунова и других попутчиков, перешли на сторону Шуйского и изменили исход сражения,

После поражения под Москвой главными базами восстания становятся Калуга и Тула. Начавшееся, как чисто казацкое, выступление на Тереке, возглавлявшееся Ильей Горчаковым, выдававшим себя за сына Федора мнимого царевича Петра, в 1607 году слилось с восстанием Болотникова. Движением против крепостников были охвачены Поволжье, Рязанская, Новгородская, Псковская и др. области. Еще не одну победу одержат восставшие, героически будет сражаться осажденная Тула, но истощенный гарнизон, поверив лживым обещаниям Шуйского сохранить жизнь его воинам, сложит оружие и будет беспощадно уничтожен. «Царевич Петр» будет вскоре повешен, а Болотникову сначала выколят глаза, а затем утопят в 1608 году в Каргополе.

Донские казаки приняли активное участие во всех крупных сражениях Болотникова с царскими войсками. Они оказали ему решающую помощь, придя осенью 1606 года в Путивль. Сколь жестокими были сражения, можно судить хотя бы по тому, что у Пчельни армия Шуйского потеряла только убитыми 14 тысяч человек. Удивительно храбро сражался на речке Восме в Каширском уезде отряд казаков в 1700 человек, попавших в осаду. В ходе боя казаки

прорвали осаду превосходящих сил, переправились через Восму и, захватив на левом берегу буерак, метким огнем стали наносить ощутимый урон противнику. А когда войскам Шуйского удалось нанести поражение основным силам Болотникова, казачий отряд оказался снова в осаде. От капитуляции с сохранением жизни отказались, заявив, что «Лучше умереть, чем сдаться». Два дня донцы «бились насмерть», отбивая атаки царских полков пока не кончилось «зелье». Многие из них погибли в сражении, а попавшие в плен на третий день были жестоко казнены за то, что «побили государевых людей» (Смирнов и др. Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.). Известны фамилии нескольких казачьих атаманов, сражавшихся на стороне Болотникова. Это Василий Шестак, Солома, Юрий Беззубцев, Иван Заруцкий и др. Под предводительством Заруцкого казаки продолжали борьбу и после поражения восстания (Золотой и Пронштейн. За землю, за волю... РИ, 1974, с. 19).

В 1607 году объявляется, в Стародубе-Северском новый самозванец, теперь уже выдававший себя за якобы спасшегося Лжедмитрия, но на самом деле выдвинутый польскими феодалами.

О Лжедмитрий втором летописец говорит: «Все воров, которые назывались царским именем, известны были многим людям, откуда который взялся, но этого вора, который назывался расстригиным именем, отнюдь никто не знал, неведомо, откуда взялся; многие догадывались, что он был не из служилых людей, думали, что он или попов сын, или церковный дьячок, потому что знал весь круг церковный». (СМ. Соловьев, 1989, кн. IV. 464). Лжедмитрий второй, чтобы привлечь на свою сторону обещал вольности холопам и крестьянам, свободу и привилегии казакам. Именно к нему, о котором и сегодня мало известно, приехали в Орел 3000 запорожцев и 5000 донцов под начальством атамана Заруцкого, о котором известно, что родом он из Тернополя, еще ребенком был татарами взят в плен, а став взрослым пробрался на Дон к казакам, отличился между ними в сражении, потом служил у Болотникова. На службу к Лжедмитрию появился уже старшиною, перед товарищами выдавался не только стройностью и красотой, но и отвагой.

«Донцы привели с собой вместо казненного Лжепетра другого племянника, также сына царя Федора... казакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич, Лаврентий, оказался внуком Грозного от царевича Ивана, в степных юртах явились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка - все сыновья царя Федора Ивановича» (СМ. Соловьев, там же, с. 469).

Основное военное ядро Лжедмитрия второго состояло из польско-литовских отрядов. Здесь оказались бывший покровитель Лжедмитрия князь Вишневецкий и князь Рожинский, а вслед за ними и более мелкие шляхтичи. Присоединились к нему и русские, кто продолжал борьбу с правительством Шуйского, и в их числе Трубецкие и Романовы. Из «Летописной книги», написанной, вскоре после событий «Смутного времени» (1626 год), которую высоко оценивают многие исследователи как «исторический источник и считают ее автором представителем боярской знати князя И.М. Катырева-Ростовского, можно узнать подробности похода Лжедмитрия второго к Москве. «Было это весной 1607 года. Тогда ротай ралом погружает, и сладкую борозду прочертает, и плододателя бога на помощь призывает. Растут желды (травы) и еленеются поля, и новым листвием облачаются дрevesа, и отовсюду украшаются плоды земля, поют птицы сладким воспеванием, иже по смотрению божию, по его человеколюбию всякое упокоение человеком спeет на услаждение. В сие же время красовидные години прежереченный хищный волк собрался со множеством воин польского народу и с казаки Северские страны и поидоша на воевод московских и на все воинство». (Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1952, с. 339). Москву ему захватить не удалось и он расположил свои войска в селе Тушине под столицей за что был прозван «Тушинским вором». Здесь в 1603 году Лжедмитрий второй, чтобы более убедительно представлять своего предшественника, тайно обвенчался с его вдовой Мариной Мнишек, которая якобы в нем узнала своего законного мужа.

В 1608 году, когда положение Шуйского стало критическим, он решил воспользоваться еще ранее предлагавшейся ему шведским королем Карлом IX помощью. Под предводительством талантливого русского полководца Скопина-Шуйского, возглавившего объединенные русско-шведские силы, был проведен целый ряд успешных операций против поляков и тушинцев. Лжедмитрий второй в конце 1609 года бежит в Калугу, но в 1610 году опять подступит безуспешно к Москве. После нового бегства будет убит в Калуге.

Чрезмерная популярность в народе Скопина-Шуйского становится причиной его смерти, последовавшей 23 апреля 1610 года.

«Многим казалось, что если Бог восстановит Россию, то она в награду за свои великодушные усилия должна иметь царя лучшего, не Василия, который предал государство разбойникам, сравнял Москву с Тушином, и едва на главе слабой удерживает венец срываемый с него буйною чернию; а мысль о новом царе была мыслию о князе Михаиле (имеется в виду Скопин-Шуйский - Л.А.) и человек сильный духом, дерзнул всенародно изъяснить оную. Тот, кто господством ума своего решил судьбу первого бунта, способствовал успехам и гибели

опасного Болотникова, изменил Василию и загладил измену важными услугами, не только не пристал ко второму Лжедмитрию, но и не дал ему Рязани - думный дворянин Ляпунов, вдруг и торжественно, именем России, предложил царство Скопину, называя его в льстивом письме единым достойным венца, а Василия осыпая укоризнами. Сию грамоту вручили князю Михаилу послы рязанские: не дочитав, он изодрал ее, велел схватить их, как мятежников, и представить царю. Послы упали на колени, обливаясь слезами, винили одного Ляпунова, клялись в верности к Василию. Еще более милосердный, нежели строгий, князь Михаил дозволил им мирно возвратиться в Рязань, надеясь может быть, образумить ее дерзкого воеводу и сохранить в нем знаменитого слугу для Отечества. Он сохранил Ляпунова, но не спас себя от клеветы...» - пишет Карамзин (Русская хрестоматия М-1903, т. I, с. 100-101).

Народ считал виновником этой трагедии самого царя и сверг его с престола. После Шуйского к власти пришла группа родовитых бояр. Новое правительство получило название «Семибоярщины» (состояло из семи человек). Уже известный нам Джером Горсей в своих «Записках о России» (МГУ - 1990, с. 208) упоминает, что 17 августа 1610 года «семибоярщина» заключила договор, по которому русским царем признавался польский королевич Владислав. Однако Сигизмунд III условия этого договора выполнять не собирался. «Семибоярщина», предав интересы родины, впустила в столицу польские войска во главе с А. Гонсевским. Давно вынашивая планы захвата русского севера, король Швеции Карл IX также перешел к открытой интервенции. В июле 1611 года шведские войска под предводительством Делагарди захватили Новгород Великий и оккупировали всю Новгородскую землю. Не сдались врагу Псков и его пригород Гдов.

В этих условиях на защиту страны поднялся простой народ. Против интервентов сражались многие города. Особую известность получили героическая защита Смоленска, длившаяся почти два года, и Троице-Сергиевой лавры, показавшие высокую доблесть и непоколебимое мужество в сражении со значительно превосходящим противником.

Появляются воззвания, призывающие к вооруженной борьбе против польских захватчиков. Одним из авторов воззваний был глава православной церкви Гермоген. Поляки заключили Гермогена под стражу, требовали, чтобы он успокоил народ, призвал его не выступать против польской власти, но патриарх был непоколебим. Его слышали во многих городах. В Рязани начало собираться ополчение, которое возглавил рязанский воевода Прокопий Ляпунов. К нему присоединились служилые люди, казаки из разных мест, а также

остатки вооруженных сил Тушинского лагеря - казачьи полки во главе с Иваном Заруцким и Дмитрием Трубецким. Но еще до подхода ополчения к Москве, там вспыхнуло восстание, во время которого поляки подожгли город.

Осадив уцелевшие Кремль и Китай-город, где засели поляки, ополчение выбрало временное правительство из трех лиц, из двух казацких вождей, князя Трубецкого и атамана Заруцкого, и дворянского предводителя Прокопия Ляпунова. В руководство временному правительству был дан документ, именуемый «Приговором первого ополчения 30 июня 1611 года о борьбе с польскими захватчиками», в котором в частности говорится: «...выбрали всю землю, бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина воеводу Прокопия Петровича Ляпунова, на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправы всякие меж «сяких людей чинити в правду, а ратным и земским всяким людем и их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем...»

«Ополчение два с лишним месяца, простояло под Москвой, еще ничего важного не сделало для ее выручки, а уже выступило всевластным распорядителем земли. Но когда Ляпунов озлобил против себя своих союзников казаков, дворянский лагерь не смог защитить своего вождя и без труда был разогнан казацкими саблями», - пишет Ключевский (т. 3, с. 44).

Овладеть Москвой первому ополчению не удалось. После убийства Ляпунова, здесь остались лишь казаки во главе с Иваном Заруцким и Дмитрием Трубецким, которые одни были бессильны очистить столицу от интервентов. А впереди был новый, незаконный претендент на верховную власть в России, некий Сидорка, объявивший себя в конце 1611 года теперь уже за спасшегося Лжедмитрия второго. И в казачьей среде появляется сомнение в справедливости той борьбы, которая затянулась на многие годы. Некоторая часть их ушла в родные места. Одним из первых казачьих атаманов, отказавшихся бороться за самозванцев, был Смага Степанович Чертенский (он же Чершенский - Л.А.), который покинул Заруцкого и вернулся на Дон. Здесь, на казачьем кругу в Раздорах, он был избран войсковым атаманом и руководил войском в течение ряда лет. Король польский Сигизмунд III в конце 1612 года присылал к Смаге Степановичу послов, извещая о совершившемся будто бы своем избрании московским царем и требовал присяги на верность себе от казаков и ногайцев, однако из Раздор польское посольство вернулось к королю ни с чем.

Сидорка в Ивангороде, собрав отряды казаков и стрельцов, добился присяги Пскова, почему стал прозываться «Псковским вором», а в 1612 году ему присягнули и подмосковные отряды, распавшегося первого Земского ополчения, в том числе и казаков Заруцкого. После выдачи Сидорки правительству и отправки его в Москву, Заруцкий и Трубецкой целовали крест «царенку» (сыну Лжедмитрия второго и Марины Мнишек), что лишило их доверия тех слоев населения, которые стремились продолжить борьбу с интервентами. А между тем в это же время ширится патриотическое движение за освобождение отечества и столицы от польских и шведских интервентов. Центром его стал Нижний Новгород, а организатором народных сил был земский староста Козьма Захарович Минин. По его призыву началось формирование второго ополчения.

«В Нижнем Новгороде гости и посадские люди и выборный человек Косьма Минин, ревнуя пользе, не пощадя своего имения, учили ратных людей сподоблять денежным жалованьем, и присылали по меня, князя Дмитрия, многожды, чтобы мне ехать в Нижний для земского совета; и я, по их прошению приехал к ним... и, прося у бога милости, учал с ними и с выборным человеком с Косьмою Мининым и с посадскими людьми советовать, чтобы нам против врагов и разорителей веры христианские, польских и литовских людей, за Московское государство стояти всем едино мысленно и вору, который во Пскове и Марине и сыну ее не служити и против их и тех, которые им учнут служить, стояти, а государя выбрати всю землю, кого милосердный бог даст; и советовав, дали мы в том богу души свои, а ратным всядам людям денежное жалованье дали нескудно...

И вам бы господа, про то было ведомо, и прислали бы вам к нам, для общего земского совета, изо всяких чинов человека по два и по три...» - говорится в Окружной грамоте Пожарского с товарищами в июне 1612 года о создании второго ополчения. (Собрание государственных грамот и договоров. М-1822, т. II, № 281).

Россия переживала, по выражению современника, такое лютое время, что люди не чаяли впереди спасения себе. Чуть не вся земля русская запустела. И прозвали старики наши это лютое время лихолетьем. «Звери пожирали живых людей, и люди людей ели. Жигимонт (Сигизмунд III) все московское государство велел предать огню и мечу». Истомленные голодом и болезнями, израненные и измученные врагами, люди искали пристанища в монастырях. В это время вновь отличается Троице-Сергиева лавра. Она превратилась для тысяч несчастных людей в столовую и больницу. А после смерти в подземелье Чудова монастыря патриарха Гермогена, его роль глашатая в борьбе за веру и русское государство берет на себя архимандрит Троицкой лавры Дионисий.

Из Нижнего Новгорода ополчение, которое возглавил князь Дмитрий Михайлович Пожарский, переместилось в Ярославль. Здесь было создано из выборных людей новое «земское» правительство, которое не только формировало отряды, занималось их вооружением и снаряжением, но и вело дипломатические переговоры со шведами и австрийскими Габсбургами в результате которых удалось достичь соглашений, обеспечивших свободу действий ополчения против главного врага - Польши. Известие о движении значительных сил наемников под предводительством Ходкевича на помощь польскому гарнизону, засевшему в Москве, ускорило выступление второго ополчения из Ярославля которое к началу августа 1612 года разместило свои отряды в построенных укреплениях у Петровских (400 всадников) и Тверских (700 всадников) ворот, перерезав Смоленскую дорогу, по которой двигался Ходкевич.

Казаки князя Трубецкого, поддерживавшие новое ополчение, стояли в Замоскворечье. 20 августа к Москве подошли главные силы Пожарского, а вместе с ними и отряды донских казаков, «отъехавших» в Ярославль, и присоединившихся ко второму ополчению, после того как Заруцкий с частью казаков стал главной силой, поддерживавшей Марину Мнишек и ее сына от Лжедмитрия второго.

Об огромном значении второго ополчения в борьбе с польско-шведской интервенцией и в освобождении Москвы нам хорошо известно из школьных учебников, поэтому в данном очерке мне хотелось бы показать роль в этой борьбе донских казаков. Одним из современников

Лихолетья, участником и свидетелем событий под Москвой был Авраамий Палицын, келарь Троицкой лавры, ведавший ее земельными владениями и имуществом. В своих воспоминаниях «О приходе втором к Москве гетмана Хоткевича и о бою с православными» он, в частности, пишет: «Исперва литовские конные роты русских людей потеснили, и потом же многими пешими людьми приходили на станы приступом и бились с утра и до вечера. И паки господь бог милость показа, литовских людей от станов отбили, и за Москву за реку прогнали. В ноци же той от гетмана проишоша во град к литовским людям гайдуков шесть сот человек, а на утрие вышедшие из грады, за Москвою рекою у страстотерпца христова Георгия острог взяли и знамя свое поставили на церкви. Зверообразный же гетман Хоткевич, придя от реки Сетуни со всеми своими людьми ко пречистые Богородицы Донские. Светающу понедельнику начаша полцы сходится: бе бо от обою страну множество бесчисленно людей, окоянные же люторы (неправославные) польские и литовские люди начле зверообразным рвением наступиша на московское воинство, божьим же попущением грех наших ради рустии полцы вдаша плещи

свои, на бегством устремишася так же и пешие все, ров покинувше побегоша и острог у святого Климента покинули, из града же вышедшие литовские люди в том острожке сели, и знамена на церкви поставили и запасы многие от гетмана в тот острог ввезоша, яко никому же им возбраняющу. Но егда уже изнемогаши... и ко спасителю своему... от всея души возопиша помощи на сопротивных просяще. Тогда всемогий вскоре показа крепкую свою и непобедимую силу. Казаки убо, которые от Климента святого из острожку выбегли, возревшееся на острог, видеша на церкви литовские знамена и запасов много во острог вшедших и зело умилившееся и воздохнувшее и прослезившееся к богу, мало бо их числом. И тако возвращеся устремишася единодушно к острогу приступом, и взелише его, литовских людей всех острию меча предаша, и запасы их поимаша, прочие же литовские люди устрашишася зело и вспять возвратишася во град Москву, иные же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их, яко и самим им удивляющимися силе божий». (Хрестоматия по русской военной истории с. 79).

При очищении Москвы от поляков, казаки сыграли очень важную роль, особенно в напряженные, самые критические моменты борьбы войск второго ополчения. Так, видя поведение, не отвечающее общей задаче ополчения, со стороны своего предводителя князя Трубецкого, донские атаманы Филат Межеков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Марка Козлов «со всею дружиною своею поидоша самовольством на помощь к биющимся... и придоша на помощь к Пожарскому, и пособием божиим гетмана поразивши отгнаша»... (там же). Активное участие в борьбе с польско-шведскими интервентами в 1611 - 1612 годах под Москвой и под Смоленском в 1616 году с князем Трубецким принимали атаманы донских казачьих отрядов Иван Адамов, Дружина Бешеной, Михаил Горчаков, Павел Гусинский. (Материалы для истории Войска. 1864).

Очень высоко оценивает роль донских казаков в составе второго ополчения В. О. Ключевский, как в отражении гетмана Ходкевича и захвате обоза с продовольствием для осажденного в Москве польско-литовского гарнизона, так и в победе их над Сигизмундом III под Волоколамском. Под Москвой стоял казацкий отряд князя Трубецкого, остаток первого ополчения. Казаки были для земской дворянской рати страшнее самих поляков и на предложение князя Трубецкого она отвечала: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Но скоро стало видно, что без поддержки казаков ничего не сделать, и в три месяца стоянки под Москвой ничего важного не было сделано. Врагом князя Пожарского числилось больше сорока начальных людей, все с родовитыми служилыми именами, но только два человека сделали крупные дела, да и те были не служилые люди: это - монах А. Палицын и мясной торговец К. Минин. Первый по просьбе князя

Пожарского в решительную минуту уговорил казаков поддержать дворян, а второй выпросил у князя Пожарского 3-4 роты и с ними сделали удачное нападение на малочисленный отряд гетмана Ходкевича, уже подбиравшегося к Кремлю со съестными припасами, для голодавших там соотчичей.

Смелый натиск Минина приободрил дворян-ополченцев, которые вынудили гетмана к отступлению, уже подготовленному казаками. В октябре 1612 года казаки же взяли приступом Китай-город. Но земское ополчение не решилось штурмовать Кремль, сидевшая там горсть поляков сдалась сама, доведенная голодом до людоедства. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой.

Дворянское ополчение здесь еще раз показало в Смуту свою малопригодность к делу, которое было его сословным ремеслом и государственной обязанностью». (Соч. т. 3, с. 56. 57).

Побежденные поляки, оставив Москву и разделившись на группы, бродили по стране, занимаясь грабежом и разбоем. Одна из таких групп, узнав об избрании царем Михаила, решила убить его. Молодой царь в это время жил со своей матерью в родовой вотчине, близ Костромы. Пробираясь к его усадьбе, полями в качестве проводника взяли крестьянина из деревни Домнино Ивана Сусанина, обещая большое вознаграждение. Сусанин догадался зачем ищут поляки царя Михаила и вместо усадьбы завел их в густой непроходимый лес, между тем своего сына он послал потихоньку предупредить Михаила, и тот немедленно уехал в Ипатьевский монастырь, близ Костромы, где он был в безопасности. Поняв, что Сусанин завел их в глушь специально, поляки убили его, но и сами не смогли выбраться из леса.

Особый интерес представляет история выборов царя на российский престол. На царское место претендовали многие, среди которых были князья Голицын, Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, М.Ф. Романов. «Сам скромный по отечеству и характеру, князь Пожарский тоже, говорили, искал престола и немало потратил денег на происки». Видную роль в избрании царя сыграли донские казаки.

Крупнейший русский историк В.О. Ключевский считает, что «Московское государство выходило из страшной смуты без героев, его выводили из беды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарский был не Борис Годунов, а Михаил Романов - не князь Скопин-Шуйский... В то время как собор разбивался на партии, не зная кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим «писания», петиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов Северной земли и даже от казаков, последние и решили дело. Видя слабосилие дворянской рати,

казаки буйствовали в освобожденной ими Москве, делали, что хотели, не стесняясь временным правительством Трубецкого, Пожарского, Минина. Но в деле царского избрания они заявили себя патриотами, решительно восстали против царя из чужеземцев, намечали, «примеривали» настоящих русских кандидатов, ребенка, сына вора тушинского и Михаила Романова, отец которого Филарет был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго. Главная опора самозванства - казачество, естественно, хотело видеть на престоле московском или сына, своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно, больше из казацкого приличия, и казаки не настаивали на этом кандидате, когда земский собор отверг его. Сам по себе Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество! Это неожиданное согласие отразилось и на соборе».

Нельзя не остановиться на самой процедуре борьбы за кандидатов на царский престол, который, как мне кажется, наиболее ярко показывает авторитет казаков на соборе, описанном так же Ключевским. Суть такова: дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал письменное мнение за М.Ф. Романова, объясняя это тем, что он ближе всех по родству к прежним царям. Против Михаила были многие члены собора, хотя еще патриарх Гермоген указывал на него, как на желательного преемника царя Василия Шуйского. Письменное мнение из Галича раздражило многих. Раздались многие голоса недовольства. В это время из рядов выборных выделился донской атаман Феофилакт Межаков и подойдя к столу, положил на него бумагу. «Какое это писание ты подал, атаман?» - спросил его князь Д.М. Пожарский». «О природном царе Михаиле Федоровиче» - ответил атаман. Этот атаман и решил все дело: «прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет», - как пишет один бытописатель. Так Михаила провозгласили царем. Окончательное избрание произошло 21 февраля 1613 г. На вопрос с Лобного места на Красной площади духовных лиц и боярина к собравшемуся здесь во множеству народу, кого хотят своим царем, все закричали: «Михаила Федоровича».

Толпы черни, отряды запорожских и донских казаков, ватаги других борцов за свои права против угнетателей, возникшие в разных уголках России, переходящие от одного самозванца к другому, частью уверенные в своей правоте, частью же влекомые жаждой добычи, с бегством последнего вирного заговорщика Заруцкого в Астрахань, получили возможность обдумать свои действия и поступки.

Большинство из них устав от беспокойной и бурной жизни последних лет принесли присягу новому, избранному всероссийским Собором царю Михаилу Федоровичу Романову и отправились на Дон и в другие места, чтобы начать мирную жизнь и восстановить свои гнезда, разрушенные смутой и лихолетьем. А через некоторое время, после вступления на престол Михаила Федоровича Романова, в Раздорах на Дону атаманы Смага Степанович Чертенский и его правая рука Епиха Иванович Родилов, приняв «с честью» государства посла Солового-Протасова направлявшегося в Цареград, отправят в Москву атамана Игнатия Давыдовича Бедрищева и казака Назара Ивановича Могилева с просьбой о присылке на Дон «государева жалования».

В документах Посольского приказа через некоторое время будет сделана следующая запись:

«1613, декабря 22. Приезд в Москву донского атамана Игнатия Бедрищева с челобитьем от войска казачьего о жалованье. Тут же обратное отправление его с грамотами на Дон и в Астрахань к волжским казакам и Ивану Заруцкому». (Быт. Московск. государ., арх. Мин. ин. д. Дела Донские. 1594 - 1641 г. св. I).

Смутное время явилось не только великим испытанием для русского народа, но и временем роста его самосознания. Тяжелый рабский труд сначала толкнул крестьян в армии самозванцев, поддерживавшихся казаками, а с приходом к власти новой царской династии Романовых, не захотевшие вернуться к своим хозяевам пополнили еще продолжавшиеся антиправительственные выступления в разных районах страны. Многие подались на Дон. Правительство вынуждено было пойти на уступку, дозволив тем, кто пошел в казаки, оставаться в казачестве, допустив существование последнего в виде особого военного сословия, наравне со стрельцами, пушкарями и воротниками. Смутное время, таким образом, явилось временем самого значительного пополнения казачьих рядов, а некоторые исследователи приходят к выводу, что, стремясь только к образованию в южных русских краях отдельного общества, но вмешавшись в начале XVII века в дела Москвы для защиты своей независимости от северного единовластия, казачество уже не могло ограничиться южными степями, а стремилось распространить свои «начала» по всей земле Московского государства. С этого времени повсюду появляются казаки: на Тереке - гребенские (терские), на Яике (Урале) - яицкие (уральские), в Средней Азии - семиреченские, на Волге - астраханские, на Иртыше - сибирские, на Оренбургской оборонительной линии - оренбургские, на Кубани - кубанские, в Забайкалье - забайкальские, на Уссури - уссурийские, на Амуре - амурские.

Перекликаются с вышеизложенным и воспоминания Ф.Ф. Вигеля, опубликованные в 1865 году в издававшемся в Москве литературно-политическом журнале «Русский вестник», в которых в частности, автор говорит:

- Во дни порабощения России, ея бессилия и неустройства на южных пределах её без её участия и ведома сама собою встала живая стена, составленная из ратников, которые удалством своим долго изумляли окрестные края. То, что мудрость человеческая сделала для охранения Рима (военные пограничные поселения) и не спасла его. Провидению угодно было то сотворить для нас. От берегов Днепра и вдоль по Тихому Дону перстом Всевышнего проведена была блестящая черта: она должна была, как межа, означать владения возвеличенной им России. Когда же они достигли до этой грани, то черта сама собою, естественным образом, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находим ее на берегах Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконец, ее видели на Амуре до стока его в Тихое море (Тихий океан - Л.А.). Запас, самым небом для нас приготовленный, за которым мы не можем достаточно возблагодарить его: казачье войско сберегло нам половину Украины, помогло взять обратно другую и теперь в отдаленнейших местах стоит везде на страже, как передовые версты сил русских. Его заслуги неисчислимы.

В ранний период своей истории, как это ни странно, казаки не считали себя русскими или московскими; в то же время и жители Московского государства, да и само правительство смотрели на казаков, как на особую народность, хотя и родственную с ними по вере и языку. В подтверждение сказанного видный донской историк Е.П. Савельев приводит, на мой взгляд, убедительный довод, все сношения казаков с российским правительством в XVI - XVII веках происходили через Польский, приказ. Казацких послов в Москве принимали с такою же пышностью и торжественностью, как и иностранные посольства. Об этом же говорит и русский публицист XVII века Григорий Катошихин. Да и документ, уже ранее приведенный мною и содержащий запись, сделанную в Посольском приказе в 1613 году 22 декабря «О приезде в Москву донского атамана Игнатия Бедрищева с челобитной от казачьего войска о жалованье», хранился не случайно в архиве именно Министерства иностранных дел, что также свидетельствует в пользу высказанного мнения.

Долгое время позиция казачества в трудное для России время «пресечения власти» и польско-шведской интервенции в исторической литературе несправедливо освещалась односторонне, лишь как носителя смуты и сторонника самозванства, что бесспорно соответствует исторической действительности, однако это

справедливо лишь к первому периоду этого времени. Когда же Москва оказалась в руках интервентов, в отличие от представителей многих боярских родов, легко перешедших на сторону врага, казаки прочно заняли свое место в ополчениях русского народа.

Донские атаманы со своими отрядами, как это стало теперь достоверно известно из сказаний не только очевидца, но и участника событий келария Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, которого В.О. Ключевский ставит рядом с К. Мининым, немало способствовали освобождению Москвы от поляков, а затем и участвовали в соборе по выборам российского царя, сыграли в них не менее значительную роль. Таким образом, выполнив свое назначение в смутное для Руси время, казаки возвратились на Дон, но не затем, чтобы вести мирную жизнь, ибо таковая им не была знакома, а чтобы сразу включиться в защиту южных окраин России, которые не переставали интересовать не только Турцию, но и подвластное ей Крымское ханство, а также, вышедшие из-под влияния России в лихолетье Большие и Малые Ногаи и установившие связи с Заруцким, продолжавшим борьбу с новым царем.

Вновь закипела весной 1613 года жизнь в Раздорах, оказавшихся еще и еще раз местом важных событий российской истории. Проводив в сентябре государева посла дворянина Солового-Протасьева и дьяка Данилова, следовавших в Константинополь к султану Ахмату, в Азовскую крепость и отправив в Москву станицу за жалованием, Смага Чертенский в своей атаманской деятельности видит главную задачу в утверждении казаков в верности Москве. И не только потому, что был предан новому царю, а потому, что не верил старый атаман в успех движения, возглавлявшегося Заруцким, которое, как сообщили сопровождавшие на Дон Солового - Протасьева, атаманы Григорий Долгошея и Гаврило Стародуб со своими станциями, еще носило широкий размах. Атамана Долгошею и есаула Василия Панка при следовании на Дон посол отправил вперед для осмотра пути, и они, не доезжая до устья Хопра, возвратились назад, сообщив, что «на Хопре казаки воруют, прямят Маринке и сыну ея, а про вора сказывают, что он будто в Кизилбашах (Персии). И Заруцкого и Маринку с сыном пустили в Астрахань и крест ей целовали».

Однако такое настроение хоперских казаков не помешало послу, благодаря уменью и осторожности атаманов Долгошеи и Стародуба благополучно добраться в «нижние юрты».

Борьба с Заруцким и его сторонниками для нового царя являлась важным государственным делом и была поручена воеводе князю Ивану Одоевскому. До Москвы дошла весть, что Заруцкий собирает силы казаков на борьбу с государством. Грамота за грамотой из Москвы пошла на Дон, на Волгу от царя и духовенства, от бояр и

всяких чинов с увещеванием не соединяться с Заруцким, но стоять против него. Грамоты были адресованы и непосредственно самому Заруцкому, царь обещал помилование в случае сложения оружия, духовенство грозило проклятием в случае ослушания царской грамоте.

Между тем к Заруцкому пробирались шайки казаков из Белозерского, Пошехонского и других уездов. Ногайский князь Иштерек сначала был в ссоре с Заруцким, но потом помирился, дал сыновей в заложники и поклялся со всеми ногаями поддержать его. Заруцкий в Астрахани выдавал себя за Дмитрия. Известна, например, челобитная за 1614 год, обращенная к царю Дмитрию Ивановичу, царице Марии (Марине) и царевичу Ивану Дмитриевичу (сыну ее).

Ему удалось установить контакт и с Персией. Сам шах Аббас впоследствии извинялся перед государем через русских посланников - дворянина Тихонова и подьячего Бухарова в том, что по просьбе Марины и Заруцкого обещал помочь им ратными людьми, казною и хлебом из запасов; они его уверили, что при них находится царь московский Иван Дмитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать; как же скоро он, шах, узнал о воровстве Маринки и Заруцкого, то не дал им никакой помощи. Шах Аббас объявил, что хочет быть с царем в крепкой дружбе. В частности, смотря на небо, он произнес: «Бог меня убьет, если я брату моему Михаилу Федоровичу неправду сделаю». И когда царь отправил к нему дворянина Леонтьева просить денег в помощь против литовских людей, шах в конце 1617 года прислал 7000 рублей в слитках серебра.

Войсковой атаман Смага знал, что и среди раздорских односумов еще немало сочувствующих Заруцкому, но знал и то, что не удержать казаков от выступлений против центрального правительства, не удержать их от столкновений с азовцами хотя бы на время пребывания московских послов в Константинополе, значит не сохранить благоволение Москвы, а следовательно не получить жалования и много необходимого для своей жизни и предстоящей борьбы с подданными Султана. Бесспорно, что для достижения этих целей от казачьего предводителя требовались особые личные качества и не только бесстрашие и военное искусство, но и высокий авторитет у общества и житейская мудрость. Умело удерживая казаков от больших и дальних, в том числе и морских походов, Смага добивается своей цели.

Со времени своего возникновения Русское государство постоянно подвергалось нападениям со стороны народов мусульманского мира. Сначала были печенеги, торки, хазары, половцы, затем - длительная борьба с монголо-татарами, турками. Важную роль играли в ограничении деятельности врагов России казаки.

Пригнали турки в верховья Дона более двухсот рабов и свыше сотни кораблей, а на тех кораблях привезли пушки и ядра. Султан Селим Второй велел соединить каналом Дон и Волгу, чтобы корабли пустить в Хвалынское море, осадить Астрахань, с моря и суши, отнять ее у Ивана Грозного и властвовать над Каспием. Многотысячное скопище султана мотыгами копали землю, в корзинах и мешках носили ее, но канала не прорыли. «Порушили то дело турецкое, поморили людей султана голодом, побили великое множество его войска воевода Серебряный да донские казаки. Казаки подорвали много тысяч пудов пороху в Азове - Азов с землей сравняли... Убоялся Селим царя Ивана Васильевича, что ключи от моря заберет у него и приказал ставить Азов заново да укрепить его поболее...».

С приходом к власти Михаила Федоровича, наряду с продолжением польско-шведской интервенции, отнюдь, не были безопасны российские южные границы. Несмотря на старания молодого царя в установлении добрых отношений с Турцией и привлечении ее к борьбе с северо-западными соседями, султан Ахмат не раз предъявлял свои претензии на Казанское и Астраханское ханство, он не мог отказаться от мысли, выношенной его предшественниками, о водном пути в Казань и Астрахань через Азовское море и Дон, то есть о продолжении строительства канала от Дона до Волги. Не оставляло его и страстное желание свести казаков с Дона, как своих заклятых врагов. Не случайно ведь другой Султан Турции Амурат Второй, победитель в многочисленных сражениях, которому пришлось видеть собственными глазами, как казаки угрожали его сералю (султанскому дворцу) в Константинополе, сказал: «Гнев и ненависть всех христианских народов не мешают мне спать, но казаки... причиняют мне бессонные ночи». (Мейер. Большой энциклопедический словарь. 1851, т. XVIII).

Крымские татары и ногаи по приказанию султана продолжали набеги на окраины Руси и казачьи земли. Стоявший во главе Крымского ханства Джанибек-Гирей не мог быть настоящим союзником царя Михаила. В 1614 году в Ливнах, где по обычаю происходил обмен посланников, кымский посол Ахмет-паша Сулешов объявил: «Если не станет государь присылать ежегодно по 10000 рублей, кроме рухляди (шкурки соболей), то мне - доброго дела совершить нельзя: со мной два дела, доброе и лихое, выбирайте! Ногайские малые люди безвыходно вас воют, а если мы своими силами на вас же придем, то что будет? Вы ставите шесть тысяч рублей в дорого, говорите, что взять негде; а я на одних Ливнах вымещу, хотя возьму тысячу пленных и за каждого пленника возьму по 50 рублей, то у меня будет 50000 рублей» (Соловьев, кн. V , с. 64).

И на самом деле, многие тысячи русских людей уводились в полон и продавались на невольничьих рынках, принося огромные барыши работаровцам. В освобождении своих единоверцев из «бусурманской» неволи, в охране российских границ казаки видели главную цель своей деятельности. Именно поэтому они, пренебрегая опасностью, отправлялись на своих легких суденышках в дальние походы по Азовскому и Черному морям к берегам Крыма и Малой Азии и в частности: Бахчисарай, Кафу, Синоп, Трапезунд и даже Царьград.

В XVI - XVII столетиях Дон являлся главной транспортной артерией в сношениях Московского государства, как с донскими казаками, так и с Турцией. Водный путь начинался от Воронежа, где задолго до сооружения Петром Первым знаменитой судовой верфи строили новые струги, чинили и смолили старые.

Раздорские казаки, как правило, на пути между Воронежем и Азовом встречали и сопровождали русских Послов, следовавших в Царьград, а турецких - в Москву. Как сообщает известный донской историк и краевед Б. В. Лунин, первый русский посол в Турции Василий Коробов проехал через Азов в 1515 году 15 марта, а последним послом, ездившим в Константинополь в 1699 году, был думный дьяк Емельян Украинцев. С 1515 по 1699 год все русские послы ездили в Турцию через Азов, а, следовательно, так же через Раздоры и Черкасск.

Учитывая все это и видев своими глазами донских атаманов со своим воинством в составе ополчения в деле против польской интервенции, бояре понимали, сколь могуча и взрывоопасна эта сила, если не привлечь ее на сторону нового царя. И поэтому уже весной 1614 года на Дон было направлено посольство во главе с дворянином Опухтиным с милостивою грамотою и царским жалованием «чего от прежних государей казакам не было».

Яркую картину нарисовал в своем исследовании «Встреча послов на Дону в XVII веке» член Областного Войска Донского Статистического комитета С.З. Щелкунов. Узнав о движении царского посла в Главное войско, на отлогом песчаном берегу близ многочисленных вытасченных на берег челнов и стоявших на якорях походных стругов, занимая все пространство от высокого земляного вала, утыканного сухим терновником и глубокого рва, окружавших городок Раздоры и составлявших его защитные укрепления, и до самой пристани собралась огромная толпа казаков, одевшихся в свое лучшее платье с оружием, с хоругвиями и знаменами, захваченными в боях у врагов, окружая своего атамана Смагу Степановича Чертенского и дряхлого попа Симеона, стоявшего с зажженным кадиллом тонкой византийской работы.

Для встречи посольства в Главное войско съехались многочисленные представители от городков Верхнего Дона, с Волги, Яика и других мест. Только что прибывший легкий, как чайка, передовой стружок оповестил собравшееся воинство, что московские послы уже недалеко, и в самом деле вдали на блестящей поверхности просторно развернувшегося Дона завиднелись силуэты разукрашенных будар, стругов.

Глухо шумела, напряженно всматриваясь вдаль, ожидая прибытия почетных гостей, разнолика, разноцветная толпа обветренных степными ветрами, опаленных южным солнцем, бородатых и бритых казаков - односумов. Разодетые в комчатые, бархатные и заморского сукна синие, голубые, желтые с золочеными пуговицами, перетянутые разноцветными кушаками или наборными поясами, кафтаны; плисовые и шелковые красные и других цветов широкие шаровары, заправленные в расшитые золотом по голенищам сафьяновые сапоги; вооруженные кизилбашскими, турецкими, черкесскими с костяными ручками, в изукрашенных разноцветными камнями, серебром и медью ножнах, лишь слегка изогнутыми и довольно кривыми булатными саблями, кинжалами и самопалами; с подвешенными на поясах пороховницами из бычьих рогов и сыромятными сумками-дробницами; в бараньих лохматых, высоких шапках-трухменках с малиновым верхом.

Возле Смаги собрались наиболее удалые и опытные атаманы. Здесь идет говор тихий о гостях и о том, какие они вести везут с собой. Среди встречающих выделялся еще молодой, но уже известный из числа недавно возвратившейся части донцов из Москвы Алексей Федорович Старой.

В ополчении Минина и Пожарского под Москвой, в казачьем отряде Феофилакты Межакова он служил и ходил на приступ Китай-города еще рядовым казаком. Тогда будущий царь вместе со своей матерью, инокиней Марфой Ивановной, чуть было не померли голодной смертью в плену у ляхов. Только решительные действия казаков спасти их от неминуемой гибели.

После разгрома поляков и освобождения, Михаил Романов жил со своей матерью в родовой вотчине близ Костромы. Когда же, узнав от сына Сусанина о готовящемся на него покушении поляков, он перебрался под защиту Крепких стен и надежной охраны Ипатьевского монастыря, туда вместе с Шереметьевым, с архимандритом, ездил, находясь в казачьей охране, и Старой «бить челом нареченному царю Михаилу Федоровичу Романову, чтобы он не мешкая ехал со своей матушкой на Москву царствовать».

Царь потом сумеет отблагодарить своего верного слугу трехлетней ссылкой и заточением на Белоозере, когда тот, выполняя

волю Донского Войска, приедет в Москву в качестве атамана казачьей станицы. Но это будет впереди, а сейчас, как и всех ожидающих необычных гостей, его жжет любопытство и нетерпение узнать причину приезда на Дон важных представителей государя и боярской думы. Не задумываясь, Старой отдавал всего себя заботам о Войске, как и многочисленные его товарищи, пришедшие встречать московских гостей.

И сегодня, как обычно, когда выдавалось время собраться боевым друзьям вместе, кто-нибудь из них заводил разговор о былых походах, о современных, волнующих их всех новостях.

Недоверчиво хмурится старый атаман Гаврила Стародуб, немало видевший на своем веку, косится своим единственным глазом и его друг Федор Татар, ждут нетерпеливо разрешения своим сомнениям известные бойцы атаманы - Дмитрий Кобан, Василько Волдырь, гроза азовцев Матвей Лисишников и Иван Нос с безобразным шрамом на все лицо, полученным им в схватке с татарами; тяжело вздыхает еще молодой атаман из монахов Василий Черный, которому еще предстоит совершить важные административные дела для Великого Войска Донского.

Наряду с добрыми делами немало грехов накопилось за казаками в смутную пору, что и теперь еще часть их не вернулась на Дон, а гуляет по Волге, близ Астрахани, с «охрияном» Ивашкой Заруцким, о котором и в Раздорах появляются как новые сведения, так и подробности о его прошлых связях с Сигизмундом и особенно о его отношениях с Мариной, которая была в руках его, «тщетно писав из Калуги жалобные грамоты Сапеге, чтобы он спас ее честь и жизнь от свирепых россиян, сия бес стыдная кинулась в объятия казака, с условием, чтобы Заруцкий возвел на престол Лжедмитриева сына - младенца и в качестве правителя властвовал с нею! Что нелепое и безумное могло казаться тогда несбыточным в России? Лицемерно пристав к Трубецкому и Ляпунову - взяв под надзор Марину, переведенную в Коломну, имея дружелюбные сношения с Гонсевским, обманывая россиян и ляхов, Заруцкий умножал свои шайки прелестью добычи, искал единомышленников в пользу лжецаревича Иоанна, между людьми чиновными и находил, но еще не довольно для успеха вероятного (Карамзин, IV, с. 448).

Зашел разговор и о Рязанском боярине Ляпунове, о том, что он был человеком «себе на уме» и не случайно для очищения государства, для установления наряда подал руку казакам, рассчитывая с их помощью самому прийти к власти. Что же касается Заруцкого, то Ляпунов приманил его обещанием, что по изгнании поляков будет стоять за провозглашение царем сына Марины, с которой уже тогда Заруцкий был в связи.

Сам же имел тайное желание завладеть властью лично. Будучи избранными в состав первого ополчения, Прокопий Ляпунов, Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий стремились выказать себя друг перед другом более знатными, более заслуженными и никто не хотел уступать первенства. Ту же оценку первого ополчения мы находим и у историка С. М. Соловьева: «В начальниках была великая ненависть и гордость. Друг перед другом начальство и честь получить желали и ни один меньше другого быть не хотел, всякий хотел один владеть. Прокопий Ляпунов не по своей мере вознесся и от гордости его отецким детям много позору и бесчестия было не только детям боярским, но и самим боярам. Приходили к нему на поклон и стояли у его избы долгое время, никакого человека к себе прямо не пускал, а к казакам был очень жесток и за то была на него ненависть большая». (КН. IV , с. 627). И далее: - Ляпунов сам замышлял сделаться царем и говорил со своими советниками: «Ведь Борис Годунов, Василий Шуйский и Гришка Отрепьев не лучше меня были, а на государстве сидели» (кн. V , с. 44).

- В грамотах (московских) говорится, что еще в 1612 году Сигизмунд присылал к Заруцкому ротмистра Синявского, убеждая его мутить Московское государство до тех пор, пока он, король, заключит мир с турками и заплатит жалованье войску, а там он пойдет на Москву, взявши которую даст Заруцкому в вотчину Новгород Великий или Псков с пригородами, или Смоленск и сделает его великим у себя боярином и владельцем (Соловьев, кн. V , с. 22).

Спокойной кажется лишь группа, среди которой уважаемый всеми товарищами - казаками старый атаман Исай Мартемьянов, рассудительный, опытный начальник в сражениях; его воспитанник молодой, но уже успевший завоевать себе известность Епиха Радилов - твердый сторонник Москвы, правая рука атамана Чертенского, принявшего его сторону и проводившего эту линию среди донцов, да черноусый с лихо надвинутой набекрень лохматой бараньей шапкой Петр Вострая Игла, которому всегда море по колено и которому решительно все равно, с кем сражаться: с московитами ли или с неверными бусурманами, ибо кровавый бой - его стихия. Уже слышны окрики рулевых, тихие всплески тяжелых бабаек и легкий трепет ветерка, шумящего в широких парусах будар: видны уже бороды почетных гостей, красные кафтаны Воронежских казаков и стрельцов, а также сверкающие на солнце отточенные бердыши.

И вот со скрипом уткнулись будары в берег, просвистели брошенные канаты и по спущенным сходням, врезавшимся в золотистый песок, между выстроившимися по обеим сторонам сходен стрельцами стал спускаться седобородый посол, московский дворянин Иван Лукьянович Опухтин, с тонкими чертами лица, на

котором выделись и природный ум, и хитрость. Следом за Опухтиным сошли на берег сухощавый дьяк посольского приказа, ездивший в Москву атаман Игнатий Бедрищев и вся посольская свита.

Холодком повеяло на Опухтина от сумрачных взглядов, обступивших мостки казаков, не издавших ни одного возгласа приветия при его появлении, и чтобы придать себе смелости, он громким и ясным голосом, заглушившим смутный гул тысячной толпы, обращаясь к группе неподвижно стоявших атаманов, произнес:

- Государь и великий князь всея Руси, Михаил Федорович наказывал мне справиться у вас, атаманы-молодцы и Всевеликое Войско Донское, о здравии вашем и спознать, хорошо ли вы здесь, на вольном Дону о делах его Государевых помышляете? А еще приказал мне Государь свезти вам за вашу верную службу его царское ласковое слово и Государево жалование: деньги, сукна, зелье, свинец, серу и селитру и прочий запас, чтоб было вам чем се время, покаместо вы по Государеву слову с азовцы мирны, прокормиться и одеться!

- Здрав будь и счастен на Руси Государь-Царь и великий князь Михайло Федорович, а мы за него не токмо кровь проливати рады, но и до смерти битися, сколько Бог поможет! - дружно прокатилось в толпе, и сумрачные лица казаков мгновенно просветлели, чуя, что не с лихом и с недобрим словом, а с дорогою дружбою и знатными вестями приехали послы из далекой Москвы.

Повеселел и Опухтин. Расступились казаки перед послами и открыли им широкую дорогу, а Смага, окруженный прочими атаманами, подошел к Опухтину и обнявшись, они тоекратно облобызались.

- Теперь братие, помолимся о здравии милостивца нашего, Государя, - вмешался поп Симеон. Он показал руками в направлении уже значительно тронутой временем деревянной часовни. Известно, что в Раздорском городке безалтарная часовня была построена вместе с первыми его куренями и что прошло с тех пор много зим и лет, так много, что первые поселенцы городка успели здесь и состариться, Симеон было сделал шаг в указанном им направлении, но тут из толпы требовательно прозвучало:

- Наперед грамоты вычесть надо, а потом и богу молиться. И тут вслед за московскими послами и атаманами дружной волной всколыхнулись все казаки и, поднявшись на майдан, разлились по его огромной плотно убитой площади. Атаман Игнатий Бедрищев стал посреди круга, держа в левой руке привезенное только жалованное царем знамя - явное доказательство Государевой милости и покровительства. Вокруг него сгруппировались послы, их свита, атаманы, поп Симеон, стрельцы, воронежские казаки. Никогда еще не

было в Раздорах за все время, сколько здесь существует Главное войско, столь представительных и авторитетных посланников российского Государства. Вернувшись в Москву с Дона, Иван Опухтин скажет в Посольском приказе, что при его встрече на Дону в Раздорском городке «казаки вынесли в круг Государево знамя, которое к ним прислано с атаманом Бедрищевым, о чем будет упомянуто в одном из документов Посольского приказа под 1614 годом (Б.В. Лунин. Очерки истории Подонья Приазовья. И. 1951, с. 27).

Гриша Долгов, взяв почтительно поданные младшим дьяком Посольского приказа грамоты, писанные к казакам от митрополита и от архиепископов, от епископов и всего Собора, от бояр и всяких чинов людей, внятным голосом стал читать их, по временам поглядывая на толпу, желая узнать, какое впечатление производят на круг эти грамоты. Казаки внимательно слушали, стараясь не пропустить ничего из читавшегося дьяком, особенно при чтении царской грамоты, в которой в частности речь шла и об услугах, выполняемых донскими казаками:

- Вы нам, великому государю, служите, по шляхам разъезжаете и по перевозам лежите, и ясырей огромливаете, и в наши украинные города приводите душ по сту и по двести, и струги и гребцов наймете, и корм про них покупаете, а наших послов и посланников встречаете и провожаете в Царь-город и в Ногаи большие и малые (там же, с. 28).

Послав на Дон знамя, царь в своей грамоте казаков наставлял:

- И вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и «прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердный бог подает помощи; к нам, великому государю, по началу и по своему обещанью службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово инако к вам не будет. (С.М. Соловьев, кн. V, с. 20-21).

Давно уже так не ласкала, не миловала их Москва, родина многих из них. А ведь было совсем иначе при царе Борисе. Им даже заказан был вход в пределы земли русской, ибо в то время смотрел он на них, как на воров и изменников, заслуживающих только наказания.

Стоявшая во время чтения грамот тишина была нарушена радостными возгласами и шумом одобрения только с окончанием чтения. В поднявшемся внезапно гомоне раздавалась хвала новому царю и Господу, а воздух наполнился оглушительным треском выстрелов из казачьих самопалов, вытасканных привычным движением из-за цветных поясов. Клубы порохового дыма на время затмили яркое весеннее солнце, освещавшее (несколько минут назад многолюдный разноцветный, наполненный торжественной тишиной

майдан. Только теперь попу Симеону было разрешено совершить молебен, и толпа не спеша направилась к часовне.

После молебна Игнатий Бедрищев вновь вынес жалованное царем знамя на середину площади и «как пчелы к матке», в круг стали стекаться было разошедшиеся казаки. Атаман Епиха, посоветовавшись со Смагою и Исаем, решил провести суд над провинившимся казаком. Вернувшись из похода, загулял он со своими друзьями и под хмельком стал высказывать недовольство Москвою, которая зарится на донские степи и давит вольное казачество, как Польша придавила Запорожье. С.З. Щелкунов в своем исследовании упоминает только имя этого казака - Семейка. С малолетства Семейка жил среди казаков, отбили его вместе с другими пленниками у возвратившихся из набега на русские города татар.

Оставили его у себя как сироту, так и вырос он в суровых условиях казачьей общины, каких не было ни в одном из рыцарских орденов. Стал настоящим казаком. Вот как описывает этот суд историк Соловьев:

- Донцы, получив государево жалованье, вынесли царское знамя, собрали возле него круг, а под знаменем лежал человек, осужденный на смерть; когда царский посланник Опухтин спросил, что это за человек, то ему сказали: «Двое пьяных казаков проговорились, что атаманы и казаки за посмех вертятся, а Ивашки Заруцкого не избить, быть под его рукою». Одного из этих казаков прежде повесили, а другой приговорен к смерти и лежит теперь под знаменем. При этом многие казаки били челом посланнику, чтоб он для имени царского величества отпросил у них этого молодца от казни, потому, что он виноват без хитрости, неумышленно, сопьяна. Посланник, зная, что так бывало и прежде, и видя, что тут было много казаков с Волги и Яика, чтобы их государскою милостию обнадежить, начал говорить: «Вы этому казаку ничего не сделали до меня, я теперь приехал с царским жалованьем, у вас у всех теперь радость, а государь милосерд и праведен, всех нас, виноватых, пожаловал, ничьих вин не упомянул: так и вы бы теперь этого виноватого для имени царского величества пощадили, а царское величество бог в сохраненье держит, и враги ему никакого зла сделать не могут».

Только что посланник выговорил эти слова, казаки завопили: «Дай, господи, государю царю здоровья на многие лета! Сами мы знаем, что государь милосерд и праведен, божий избранник, никто ему зла сделать не может», (кн. V , с. 21).

Освобожденному от казни, поднимавшемуся Семейке, Епиха Радилов со злостью крикнул:

- Благодарю Бога, смутьян, что тебе для царского имени казнь отдана. Семейка исподлобья бросал на него полные ненависти взгляды, в которых читалось страстное желание отомстить за надругательство. Епиха не оставил бы казака и еще долго терзал его своими упреками, если бы мудрый Исай Мартемьянов не остановил Епиху, увидев, что еще мгновение и озлобленный Семейка бросится на него.

- Иди до куреня! - сурово крикнул Семейке Исай, а войсковой атаман Чертенский, не принимавший участия в судилище, произнес, обращаясь к послам: «Просим, дорогие гости, хлеба-соли нашей откушать».

Трудно описать то застолье, которое происходило на острове в сердце донском - городке Раздорах под сенью деревьев-великанов за самодельными столами, уставленными разнообразной снедью: грудями вареной и жареной говядины, бараньим пловом, дымящимися мисками со стерляжьей ухой, сажеными осетрами и мелкой и крупной дичью: жареными гусями, сайгаками и дикими кабанями, яростно скалившими белые клыки. Между явств стояли сулеи с заморскими винами, добытыми в Азове, кувшины меда - сарибала, а прямо на земле - многоведерные кувфы и буты с горячим вином и просяной водкой.

За столом, покрытым дорогим царьградским сукном, на скамьях, застланных византийской парчой, расселись старшие атаманы и почетные гости; за ближними разместились посольская свита и конвой, а прочие места заняли казаки, среди которых было много приехавших для встречи послов из разных мест.

Далеко за полночь затянулась веселая гульба, прерываемая ружейными залпами и нестройными песнями охмелевших стрельцов и казаков. В общем веселье не принимали участия лишь Семейка, старавшийся заглушить свою обиду вином да сторожевые казаки, зорко следившие за окружающей местностью.

Отшумели праздничные дни, отбыли из Раздор царские послы, наступили казачьи будни, в которых каждый день отмечался значительными событиями как для

Войска Донского, так и для государства российского. В 1615 году донскую столицу посетила делегация запорожских казаков. Запорожцы в то время собирались писать литовскому королю, чтобы он заключил мир с Москвою и возвратил ей Смоленск, угрожая в противном случае перейти на сторону Москвы и служить ей на тех же основаниях, на каких служат донские казаки. А вскоре атаманы Григорий Долгошея и Артемий Плохой, будучи в Воронеже, сообщили воеводе Никите Борятинскому, что запорожцы просили донских

казаков прислать к ним в Сечь «атамана или казака доброго и говорить бы им о добром деле».

В этом же году войсковой атаман Смага Чертенский отправляет в Москву вместе с возвращавшимся из Царьграда и зимовавшим в Раздорах царским послом Соловым-Протасьевым атаманов Исаю Мартемьянова, Семена Смурьгина и Василия Черного с войсковой челобитной о предоставлении казакам права беспошлинной торговли в «польских» (расположенных в поле - Л.А.) городах Московской Руси, и видеться с ними повольно». По весне 1616 года вместе с посланниками Смаги, получившими на свою челобитную специальную царскую грамоту, в сопровождении донских атаманов Семена Уколова, Андрея Репчукова и Назара Иванова (Могилева) в Раздоры прибыл новый государев посол Петр Мансуров и дьяк Самсонов, привезшие казакам царское жалованье и направлявшиеся через Азов в Царьград к Султану. Так как в то время у казаков с азовцами было «размирье», то они для заключения мира «царского величества по повелению» избрали из своей среды трех наиболее уважаемых атаманов Василия Черного, Гаврилу Стародуба и Василия Волдыря, которых азовцы и привели к крестному целованью. Но узнав, что в это время азовцы захватили в гирлах Дона и казнили атамана Матвея Лисишникова и вскоре разорили передовой казачий острожек, чем развязали руки казакам, почти три года не предпринимавших далеких морских набегов, Чертенский не стал на этот раз сдерживать законного со стороны казаков желания возмездия и, став во главе Войска, повел его к цветущим берегам Малой Азии, где казаки, сжегши Синоп и взяв приступом один из посадов Трапезунда, с богатой добычей благополучно вернулись в Раздоры. А. Мансуров и Самсонов в Царьграде были задержаны на тринадцать месяцев, несмотря на дорогие подарки в виде большого количества соболей и приятные вести для султана. «Казаки пересиливали соболей». (Соловьев, кн. V , с. 59 - 60). С этих пор имя Чертенского ни в каких исторических документах не встречается, что дает основание думать о его кончине в этом году.

Войсковым атаманом после Смаги Чертенского становится его ближайший помощник Епиха (Епифан) Иванович Радиллов, еще при жизни первого упоминавшийся во многих царских грамотах и войсковых отписках. Весною 1617 года около 700 казаков под руководством Епифана Радилова вышли в море, где соединились с тремя тысячами запорожцев, но султан, услышав об их движении, выслал против них две сильных флотилии, и они, разделившись, поспешили назад: первые на Дон, а вторые - в устье Днепра. Семь больших турецких каторг нагнали донских казаков, но были ими разбиты, и паша, начальствовавший всеми каторгами, был взят в плен

и привезен казаками в Раздоры с целью получения за него крупного выкупа.

Своими вновь начавшимися набегами на владения турецкого султана казаки сильно тормозили переговоры о союзе Москвы с Турцией, почему отправленному в конце 1617 года к казакам дворянину Несмеяну Чаплину велено было испросить у них разрешения видаться наедине с пленным пашой и тайно от казаков убедить его, что казаки производят набеги по наущению Польши и что Московский Государь в скором времени сгонит их с Дона. Успешно выполнив возложенные на него поручения, Чаплин вместе с тем сумел не возбудить подозрения в казаках.

В 1618 году турки, доставив из Стамбула в Азов государева посла Петра Мансурова, не отпускали его к казакам на Дон, пока не исполнили своего замысла - запереть казакам выход в море. Для этой цели они засыпали вход в Мертвый Донец, а на гирле Каланче поставили сторожевую башню, снабдив ее пушками и гарнизоном. Казаки не вмешивались, видимо, по совету Радилова, из опасения за жизнь Мансурова. Однако, это сооружение долго не просуществовало. В 1625 году, когда казаки ушли в очередной морской поход, азовцы совершили внезапное нападение на казачьи поселения и сожгли пять городков, в том числе и Раздоры. Возвратившись из похода и узнав о турецком походе в своих городках, казаки совершают нападение на азовскую крепость и едва не решают ее судьбу, при этом разоряют сооруженную турками башню на каланче, таким образом, опростав выход в море.

Над Раздорами всходило солнце, быстро набиравшее высоту над рекой и лесом. Его ласковые косые лучи еще не успели накалить песок на обширных плоских косах острова, остывший за ночь и поэтому резко отличавшийся от парившей воды. Река жила бурной жизнью, наполняя окрестности звуками различной тональности: от drobных резких ударов по воде до глухих мощных водоворотов. Поверхность реки причудливо расписывалась неповторимыми узорами ее обитателей. Над водой плавно парил коршун, с высоты высматривая добычу. Выстроившись в шеренгу на отмели, принимали свой утренний туалет чайки. В Главном Казачьем Войске начался новый день, несущий с собой и новые нелегкие заботы, и новые испытания.

Л.Т.Агарков,

Газета «Звезда Придонья»,
август 1990 - сентябрь 1991 г.

Символика действия в донских гаданиях

(На материале гаданий Усть-Донецкого района Ростовской области)

Гадания, записанные в Усть-Донецком районе Ростовской области, представляют собой интереснейший источник для изучения мифопоэтической картины мира донских казаков. В процессе гадания символическим смыслом наделяются все составляющие обряда: и язык, и предметы, и действия, и место, избираемое для его осуществления. Анализ этих составляющих и позволяет вычлнить символические концепты, имеющие особое значение для донской духовной культуры, выстроить систему ценностей, свойственную традиционному казачеству. В данной статье остановлюсь на одном элементе символики гаданий - действии.

Акциональная парадигма символов представлена в комплексе записанных текстов достаточно широко. Она включает в себя разнофункциональные действия, соотносимые с объектами нескольких типов.

Представляется логичным разделить все выявленные акциональные символы на 2 группы в зависимости от субъекта действия:

- различные действия гадающего;
- действия медиатора /объекта гадания/ предмета, используемого в гадании.

В данной статье проанализируем первую группу символов.

Действия, производимые субъектом гадания, по своей функции могут быть предварительными (исполнение которых делает возможным осуществление гадания) и основными (действия, направленные на получение сведений о будущем).

В первом случае мы говорим об особой регламентации обрядового поведения. Основная часть акций этого типа - действия, семантически противопоставленные обыденным.

Лучше всего в нашем регионе сохранились описания предварительных действий при гаданиях перед зеркалом. Основная цель большинства из них - это уподобить гадающего персонажу «чужого» мира. Как один из способов такого уподобления используется **изменение внешнего облика**. Прежде всего, преобразованию подвергаются те его детали, которые являются отличительными признаками человека православного: повсеместно фиксируются свидетельства о том, что нельзя гадать с крестом, подпоясанной, с волосами, убранными в причёску: *«В двинацѣть*

чисов ноци нада была воласы распустить, и, как гаварят, щерти приходят» [8]. Для успешного проведения гадания бывает необходима не только трансформация внешности человека, но и отход от принятых в обществе моделей поведения.

Условием многих, особенно «страшных», гаданий является запрет на разговоры во время совершения ритуальных действий. Использование отрицательно маркированного члена оппозиции **говорить (речь) - молчать (немота)** - это способ связать себя на определенный срок со сверхъестественными силами [1].

Если молчание (или немота) символически оценивается как негативная характеристика человека, то тишина в значении отсутствия производимого шума воспринимается уже как норма, нарушение которой мы можем наблюдать в некоторых типах гаданий. Так, гадание под окном часто сопровождается не просто формальным стуком, привлекающим внимание хозяина, но часто смехом, криками. Данная форма поведения сближает гадающих девушек с ряжеными - также символическими представителями «чужого» мира, бесчинства которых - неотъемлемая черта святочного цикла обрядов [4]. С другой стороны, такая нехарактерная для повседневной ситуации форма речевого поведения может, как и молчание, быть условием установления контакта с тем светом. Таким образом, отношения между нормой и антинормой в данной семантической группе глаголов можно описать с помощью трёхчленной оппозиции: **кричать (шуметь, смеяться) - говорить - молчать**, где крайние члены являются обрядовыми синонимами с общим значением «действия, переводящие человека в статус иномирного существа».

Комплекс правил поведения касается таких акций человека, как **(не) видеть / быть (не) видимым**. Так, при гаданиях под окном девушка стремилась оставаться вне поля зрения хозяев, называющих имя жениха: *«Ну пад Новый гот ходяд жы, судьбу спрашывають. Ну отак вечир жы. Ани приходють пад акно, пастучать: «Девачка, скажы судьбу. А с хаты-та и гаварять. Ни знают жы хто, и гаварять: Тибе Гришка, тибе Ванька, тибе кабель рябый, тибе сучку лахматую» [8]. В некоторых типах гаданий символический отказ от возможности видеть был смыслообразующим: «На празники, у Святки, под Ражыство-та выскакували мы. Тада плитни жы были плитёныи. И када он плитёт этот плитень, то палачка адна, ни хватаит на усю. И вон отак-от наставляитъ. И от мы бигим у патимках. Завязываиш, какой, или другажениц будит у тибе, ли нет. Чи два раза замужым будиш» [8], Слепота, как и немота, - характеристика, свойственная не-человеку, воспринимается носителями традиции как антинорма. То же значение приобретает и способность оставаться невидимым, свойственная многим*

мифологическим персонажам, таким, как леший, домовый. Целью ритуального ослепления как способа символически отождествить гадающего с представителями «чужого» мира может являться отказ от возможности волеизъявления гадающей. В этом случае человек уже не является непосредственным субъектом ритуала, его действия приобретают характер случайных, иррациональных, непредсказуемых.

Другим значимым акциональным символом в гаданиях оказываются действия с общим значением движения в пространстве. Символически маркированным становится отсутствие акции - в данном случае - **лежание**, которое является необходимым условием гаданий двух типов: на сон и с зеркалом, например: *«Я гадала. Я от нашла такую чашычку... Памалилась, «Отчи наш» прачитала... Лигла и думаю. Патом паднилась, села и гаварю: «Хто напьёца с этой чашки, тот мой жыних»* [8]. Горизонтальное положение человека - наиболее стабильное, прочное, его пределом становится мёртвое тело, покойник, труп [6]. Таким образом, сознательно принимая положение умершего человека, гадающий принимает на себя и его прогностические способности. В случае с гаданиями на сон данная семантика действия дублируется и вхождением человека в состояние сна, символически синонимичное смерти [5].

Другой вариант движения, характеризующегося самостоятельной значимостью в гаданиях, - это бег, противопоставленный ходьбе как норме, акции, свойственной человеку. Значительная часть гаданий, локализованных вне дома, предполагает подобный способ перемещения: *«И на Раждиство жы галодная кутья, и вот ни идять да первой звёздачки, а патом паидять и хватають са стала как аглашенныи, хто чиво. Хто кутью, хто лошки, хто крошки, и бигуть на пирикрёстак отакой как у нас»* [8].

Способ передвижения важен и для некоторых гаданий с животными. Информаторы свидетельствуют о том, что в определенных случаях необходимо было идти задом: *«Эта мы так, авечик хадили задам лавили ...Ночью идём жа, у катух жы, то сараи были, и нужна жы паймать иё задам. Ни пиридом жы иё лавить»;* *«Слыхала, што ловють питухоу. И ловют-та задам. Задам сымають с насесты. И смотрют: чи питуха, чи курачку»* [8]. Данный вариант перемещения в пространстве, как и обсуждавшиеся ранее, несет в себе символику постулирования временной отнесенности субъекта гадания к обитателям «чужого» пространства.

«Остранению» при гадании мог подвергаться не только внешний вид человека, но и задействованная в ритуале вещь. Придание предмету черт чужого, случайного, найденного могло осуществляться посредством использования по отношению к нему определенного типа действий, например, кражи, при гадании с петухами и овцами: *«Пашли,*

украли у хазяина питуха, да принесли. (А его обязательно украсть надо?) Украсть. (А почему?) Ну а как жы, ни сваиво жы. А патом нисём здать» [8].

Другую функцию носили обрядовые действия, объединяемые термином «ритуальное кормление». Цели и семантика акций подобного рода были раскрыты Л. Н. Виноградской в статье «Девичьи гадания о замужестве в цикле календарной обрядности». Исследователь ставит данные действия в один ряд с другими гиластическими (задабривающими) обрядами, направленными на умилостивление духов-опекунов (в случае гадания они должны были предсказать будущее). По мнению Виноградской, акцент в этом случае стоит как на самом действии ритуального кормления, так и на предмете - ритуальной еде [3]. В текстах, записанных в Усть-Донецком районе, мы находим различные реализации действия подобного типа: *«Када от воду светють, свещки, Крищенье то. Кусоцик схватил и пабех. Как дятьку звать. Жыних твой будя»; «Хто напьёца с этой чашки, тот мой жыних» [8].*

Таким образом, символические действия, предваряющие гадания, оказываются разнообразны по функциям и характеру реализаций. Объектом большинства из них становится сам гадающий, реже - используемый в ритуале предмет или животное. Целью же акций данной группы является придание объекту свойств, характерных для обитателей «иноного», «чужого» мира. Действием, выпадающим из данной парадигмы, является ритуальное кормление, объект которого - мифологический персонаж, а цель - его задабривание, которое должно было обеспечить успех в гадании.

Перейдём к анализу второй группы акций субъекта гадания - действий, направленных на получение знаний о будущем. Собранный материал показывает, что действия данной группы реже подвергаются символическому осмыслению. Достаточно большой процент гаданий предполагает такие способы узнавания сведений о будущем, как слушание различных звуков извне, смотрение куда-либо. И хотя взгляд можно трактовать, как «материальный контакт, устанавливающий магическую связь между человеком и явлением природы, предметом либо его символической сущностью» [6], все же символически доминантную позицию в гаданиях этого типа занимает локус. В других случаях акцент стоит на элементах предметного кода обряда, символизирующих границу между тем и этим светом, как, например, вода в стакане, зеркало, кольцо: *«Гадали дифчата на зеркала. Но над вадой жы зеркала диржали, над вадой. Вот вада, и зеркала становють. И там какии-та слова, што «пакажысь» мол. А! О! Вышыл, вышыл! А там вышыл - ни вышыл, хто иво знаит» [8].*

К данной группе примыкает действие «видеть во сне», где, как уже говорилось, символически маркируется само состояние сна.

Придание магических свойств определенным предметам становится целью таких действий, как пускание троицких венков по воде, подбрасывание и перебрасывание обуви, сжигание бумаги. Прагматика действий первого и второго типа - помещение предметов в иномирное пространство, последнего - изменение формы предмета.

Большой интерес для нас в данном случае представляют те варианты гаданий, где основная смысловая нагрузка ложится на само действие. Стоит отметить такие акции, как ловить (петуха / барана), считать (колья в плетне).

Взгляд на ритуал гадания как на нечто не зависящее от воли человека обнаруживается в гаданиях, стержневое действие которых обозначается глаголами «ловить», «поймать», «найти», «найти на что-либо»: «Слыхала, што ловють питухоу. Ну эта жы питух жы ни адин. И ловют-та задам. Задам сьмають с насесты. И смотрят, чи питуха, чи курачку. (А если петуха?) Ну стала быть жаних будить. (А если курица?) Ну да пасидит нихай» [8]. В других районах области фиксируются также гадания с «ловлей» ступы, символическим «нахождением» жениха. Мотив случайной встречи, появляющийся в данных текстах, с одной стороны, позволяет классифицировать «найденные» и «пойманные» предметы как чужие, пришедшие с того света, а с другой - говорить о том, что потенциальным субъектом действий по определению будущего в гаданиях данного типа выступает судьба, доля, а человек лишь принимает то, что ему наречено.

Еще одно гадательное действие, имеющее самостоятельную значимость - пересчёт кольев в плетне. Вне зависимости от числа предметов, сам процесс счёта, как доказывает Богданов, является действием, постулирующим существование того объекта, на который падает выбор человека при перечислении: «Считая нечто, считающий тем самым как бы присваивает объект, наделяет его своей собственной телесностью, делает чужого - своим» [2], в случае с гаданиями - переводит объект - кол плетня - из пограничного пространства в своё. В гаданиях может учитываться внешний вид или значение, приписываемое определенному по счёту колу. Счисление элементов может производиться в двоичной системе, где парное количество кольев, а также выпадение слов оценивается положительно, обозначает скорое и удачное замужество, а непарное количество, либо выпадение слова, «женатый», «вдовец» - оценивается отрицательно, сулит сидение в девках или менее удачный вариант замужества. В гаданиях с пересчётом кольев используется также и десятичная система, при которой жениха

определяют по третьему (иногда - трём), девятому, десятому, двенадцатому колу - числам, наделяемым в славянской традиции сакральным смыслом. В других случаях конечным пунктом счёта становится угол ограды - стык двух плетней - локус, который также обладает особой значимостью, воспринимается как место обитания представителей того света.

Итак, наблюдения над гадательными действиями показывают, что они неоднородны в семантическом и функциональном планах. В некоторых случаях (слушать, смотреть, пускать по воде) акции играют дополнительную роль по отношению к определенным сакрализованным локусам или предметам, в других же (ловить, считать) - получают самостоятельное значение и выступают в гаданиях как полноценные культурные символы.

Обратившись к языковой стороне акциональных обрядовых символов, можно указать на ряд присущих им особенностей. Так, больше половины глаголов, служащих для обозначения действий в гаданиях - переходные, т.е. требуют наличия прямого объекта, например: «носить (курей)», «ловить (петуха, ступу)», «считать (колышки)», «бросать (обувь)», «спрашивать (судьбу)». Некоторые из этих выражений приобретают формульный характер, т.е. употребляются по отношению к одной и той же обрядовой ситуации на разных территориях. Так, в нескольких населенных пунктах мы фиксировали идиому «носить курей», которая служила названием гадания с петухом.

Другая форма конкретизации значений глаголов в текстах гаданий - это локативные уточнения: «смотреть в окно», «выбегать на перекрёсток», «бросать через хату», «бегать под окна». В текстах может отмечаться и способ осуществления действия: «ложиться спать молча», «ловить задом».

Большинство лексем, используемых для описания ритуальных действий, принадлежат литературному языку, реже - диалекту (грехотать - смеяться, найти на что-либо - поймать).

Говоря об отражении системных отношений в лексике, обслуживающей сферу ритуальных действий человека во время гаданий, можно отметить существование в контексте ритуала обрядовых синонимов (кричать = молчать) и антонимов (идти = бегать и др.)

Подведем некоторые итоги исследования акционального кода гаданий Усть-Донецкого района Ростовской области. Анализ данного элемента обрядовой символики показал, что действия являются важнейшей частью обряда гадания, так как часто именно конкретизация ритуального действия становится ответом

информатора на вопрос о способах гадания, существующих в данной местности.

Наблюдения над различными действиями во время совершения гадательного ритуала позволяют нам обобщить данные этнографического характера (о форме бытования мантической обрядности на территории нижнего Дона) и этнолингвистического (проследить отражение в ритуале концептов и универсальных категорий, формирующих мифопоэтическую картину мира донской казачки, таких как верх /низ, своё/ чужое, концепт встречи и концепт судьбы).

Н.Ефимова,

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

Библиографический список

- [1] Агапкина Т.А. Молчание // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. - М.: Международные отношения, 2002.
- [2] Богданов К.А. Счёт как текст в фольклоре // <http://www.ruthenia.ru/folklore>
- [3] Виноградова Л.Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле святочной обрядности // Славянский и балканский фольклор. - М., 1981.
- [4] Мадлевская Е.Л. Святочные бесчинства // Русский праздник. Энциклопедия. Праздники и обряды земледельческого календаря. - СПб., 2001.
- [5] Насонова А.С. Представления о сне в духовной культуре донских казаков. Бакалаврская диссертация, выполненная на филологическом факультете РГУ под рук. Н.А. Архипенко в 2003 г.
- [6] Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения // Концепт движения в языке и культуре. - М., 1996.
- [7] Топорков А.Л. Смотреть // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. - М.: Международные отношения, 2002.
- [8] Полевые записи автора в ст. Раздорской, хуторах Пухляковский, Каныгин и Крымский Усть-Донецкого района в 2001 году (информаторы: Алексеевой Екатерины Фёдоровны, 1909 г.р.; Алпатьевой Евдокии Михайловны, 1915 г.р.; Бударинной Марии Кирилловны, 1924 г.р.; Давыдыч Анны Александровны, 1936 г.р.; Качалиной Валентины Васильевны, 1935 г.р.; Макаровой Анны Александровны, 1906 г.р.; Сухаревой Екатерины Ивановны, 1929 г.р.).

Представления о сне в верованиях жителей станицы Раздорская

(К опыту этнолингвистического анализа полевых материалов*)

Представления о сне являются неотъемлемой частью традиционной культуры, связаны с различными ее сферами и выступают в качестве важного источника изучения и реконструкции традиционной картины мира. А исследование этого раздела с позиций этнолингвистики дает возможность определять своеобразие духовной культуры того или иного этнического образования. Так, в славянской духовной традиции сон — особое состояние, воспринимаемое как близкое к смерти. Верование в близость сна и смерти подтверждается, например, славянскими поговорками: сон — смерти брат; спит как мертвый и др. [3]. Задача данной статьи — сделать обзор представлений о сне в верованиях жителей ст. Раздорской.

Во время диалектологической экспедиции 2001 г. в эту казачью станицу были собраны интересные и, как показал опыт работы на других территориях бывшей Области Войска Донского, достаточно традиционные тексты по этой теме.

Тексты, описывающие представления о сне, очень разнообразны в жанровом отношении и разнородны по тематике. Например, особым жанром можно считать специальные молитвы перед сном. Процесс подготовки ко сну — это целый ритуал: необходимо перекрещивать окна и двери, иногда место, где спишь, и при этом произносить молитву. Считается, что при несоблюдении перед сном особых запретов и предписаний человек может быть подвержен опасности со стороны нечистой силы, заболеть, страдать бессонницей, мучиться страхами или даже умереть. Ритуал подготовки ко сну требует «приведения в порядок» не только самого человека (чтение специальных молитв), но и всего окружающего пространства. В этом отражаются черты архаического мышления с характерной для него нерасчлененностью: все, что принадлежит человеку, тождественно человеку. По верованиям носителей культуры данные действия должны обезопасить человека от опасности, связанной, во-первых, с иррациональностью сна, а во-вторых, с особенным временем суток — ночью, когда существует возможность проникновения потустороннего, «чужого», мира в земной, «свой», мир: *«Так я шоп спакойна уснуть, гаварю на ночь: Госпади, дай, Госпади, спакойна уснуть, спакойна спать ночь»* [1]. А вот пример молитвы, где присутствует обращение к святым, которые должны «защитить» человека от опасности, исходящей от недоброжелателей: *«Вот я лажусь спать: Царица Нибесная, атвиди ат маей души злых людей. Царица Нибесная и*

Николай Угодник» [1]. Интересно в данном тексте то, что информатор обращается к Богоматери и Николаю Угоднику, которому в русских заговорах приписывается способность защищать от колдунов, порчи, болезней, оружия, огненного змея, летающего к девице и пр. [2, т.3].

Представления о ночи как об особом времени суток, а также о сне как об особом состоянии, в котором человеку может являться нечистая сила, иллюстрирует следующая быличка о приходе огненного змея к женщине, затосковавшей по своему умершему мужу:

«А я вам дажы расскажу. Эта настоящий, настоящий эта. Типерь в дивяноста дивятам гаду вот эта Любачка мая <...> красивая, хорошая такая женщина. Сорак два года ей. У ниё Саша, этот, любимый, пашол на работу и, гипиртоник, и сразу вдарила иво эта, и он дарогай умир. И што праизошло: ана день и ночь кричит, день и ночь плачит. Вот ана говорить: мам, сплю, в адно время я иво дажы за хвост поймала. <...> А я говорю: эта ты плачиш, эта ты думаиш — эта прилител, говорю, Саша. Так што ты пиристань, гаварю, а то... — Ночь, мама, дажы ф пасьтель са мной лажылся. — Нильзя этава делать, нильзя задумывать. Нильзя так делать. Ты за ним следам пайдеш. Так ана гаварит: читай малитвы, фсе малитвы, какии там бапки... Как только вечир, ана пирикрещиваит фсе окна, фсе двери, а в двинацыть — тр-р-р — трищить, а зайти ни можыть. Звук такой, што он рвеца, а чирис кристы ни можыть. <...> Сначала дочки сказала, внучка приближала ка мне: бабушка, ей плоха, к мамки папка литаить, каждый рас. Патаму шта ана плачить. — Значит, плакать нельзя? — Нильзя ни ф коим случии. Фсе таскують, я ей сказала: сколько пагибла у нас народу. Каждый таскуить па сваиму роцтвинику, но так убиваца тожы нильзя. Ей толька кристы эти памагли. И он пиристал литать» [1].

Как показывает данный текст, в представлении информатора закрещивание окон, дверей и произнесение молитв избавило женщину от «визитов» огненного змея. В мифопоэтической картине мира славян окна и двери осознаются как элементы «открывающие» дом, наиболее подверженные воздействию внешнего, «чужого» мира и поэтому нуждающиеся в особой защите. [2, т.2]. Итак, сон осмысляется как пограничное состояние, опасное для человека, поэтому действия, совершаемые перед сном, направлены на защиту домашнего пространства от нечистой силы, на организацию миропорядка и гармонизацию пространства вокруг спящего. Таким образом, попадание в пространство сна, с одной стороны, вполне естественно и необходимо для человека, но с другой — представляет опасность со стороны нечистой силы.

Значительной частью текстов, описывающих представления о сне, являются толкования сновидений. Причем наибольший интерес для исследователя традиционной духовной культуры представляют именно вещие сны. Устойчивостью символики и толкований обладают сны, предсказывающие смерть. Анализ символов сновидений этой группы и изучение механизма, по которому строится соотношение между знаком и его толкованием, позволяет составить обобщенный «образ» смерти в традиционной культуре донских казаков, обнаружить архаические зоны общеславянской картины мира. Часто в снах, предвещающих смерть, присутствуют образы, связанные с погребально-поминальным обрядом. Например, в основе толкований, относящихся к земле, лежат обрядовые ассоциации с могилкой, её рытьем, могильным холмом, а также с любыми земельными работами, пахотой, обработкой огорода и пр. В снах о смерти довольно часто присутствует мотив разрушения, распада, он отражает общее представление о деструктивности смерти в противоположность жизни, созидающему началу. Этот мотив прослеживается, например в снах о доме как символе микро и макрокосма. Дом — это средоточие всех важнейших жизненных ценностей, он воплощает идею семьи и рода, связи предков и потомков, также имеет антропоцентрическую символику (ср. метафору: «окна — глазницы дома»). Поэтому треснувшие стены дома, обрушившаяся крыша символизируют смерть.

Та же идея нарушения целостности получила выражение в распространенном сне о выпавшем зубе: «А бывают сны к смерти, вот если снится, что дом разваливается или печка? — *Эта к печали. Если печка свалица, зуп выпадаить или выкрашыца, эта к радьне какой-то. Как боль малая, значить к радьне...*» [1]. Зубы по общеславянскому представлению связаны с понятием жизненной силы [2], поэтому символично, что потеря зуба ассоциируется у носителей культуры с утратой этой жизненной силы. В приведенном выше тексте разрушение печки также символизирует несчастье. Печь в традиционной картине мира славян является одним из сакральных центров дома, наряду с такими, как стол, красный угол и др., а также «играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы» [2]. Печь является вместилищем пищи и огня, поэтому символически связана с идеей семейного очага, а также полноты и достатка в доме. Нарушение и разрушение домашнего центра также символизирует утрату гармонии, осознается как несчастье, смерть. Таким образом, символика сновидений может мотивироваться мифологическими представлениями и отражать их.

Но помимо мифологических и метафорических (ср. огонь в печи — домашний очаг) ассоциаций и организующего текст мотива разрушения в формуле «печка — к печали» присутствуют и лексико-

фонетическая связь, т.е. данное толкование строится по принципу паронимии между знаком сновидения и ожидаемым результатом. Это довольно распространенный принцип (ср., тексты снотолкований, собранные на территории ст. Казанской Верхне-Донского района: «плетень — к сплетням»; «груша — к грусти», «мущина — к смущению»; «покойник — к спокойствию» и т.д.), по которому организуется механизм сонника, это явление требует дальнейшего рассмотрения и тщательного исследования. Изучение механизма снотолкования дает представление о значимых явлениях традиционной духовной культуры, о важнейших ценностях её носителей.

Анализ описывающих представление о сне текстов, собранных на территории ст. Раздорской показал, что здесь сохранились древние общеславянские верования в иномирную природу сна.

А.Насонова,

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Все тексты, использованные в статье, записаны во время экспедиции в ст. Раздорскую Усть-Донецкого района в 2001 г. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом - вопросы собирателей.

Библиографический список

[1] Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ.

[2] Славянские Древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. - Т. 1: А-Г. - 1995. - с. 584; Т. 2: Д-К. - М.: Междунар. отнош., 1999. - с. 704; Т. 3: К-П. - 2004. - с. 704

[3] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. - М.: Междунар. отношения, 2002. — с. 512

Реферат

по теме: «Зарождение донского казачества»

ПЛАН

Введение

- 1. Основные направления изучения казачества**
- 2. Происхождение казаков**

- 3. Первые упоминания о казаках в летописях**
- 4. Казаки и татары**
- 5. Когда образовалось Донское казачество**
- 6. “Притязания” и “права” казаков**

Заключение

Список литературы

Введение

В тысячелетней истории Российского государства, созданного, по мнению писателя графа Льва Николаевича Толстого, казаками, роль самих казаков незаслуженно принижена и забыта отчаянным бесстыдством коммунистической эпохи. Но именно казаки пятьсот лет охраняли рубежи России и часто становились заслоном на пути вторжения ее врагов.

Казаки-первопроходцы осваивали и завоевывали новые земли вплоть до Аляски и Кушки. Во времена крупных войн, которые Россия вела постоянно, казаки составляли наиболее мобильные и боеспособные войска, им доставались самые трудные и ответственные участки в боях и сражениях. Будучи в подавляющем большинстве сословием русских людей, казаки несли в своем характере те черты русской нации, которые обеспечивали им роль создателей Великой Российской империи, из которых важнейшими были: мужество, выносливость, добродушие и уважительное отношение к другим народам и государствам.

Основные направления изучения казачества.

В литературе, посвященной казачеству, нет однозначного ответа на вопрос, как соотносятся современные казаки с этническими и социальными группами, существующими в современном обществе, и с самим русским этносом. Действительно, они парадоксально сочетают в себе и этнические, и социальные характеристики, но не являются моноэтническими. Есть казаки-русские и казаки-калмыки, казаки-башкиры и казаки-осетины, казаки-татары и казаки-армяне и т. д. Поэтому декларируемая особая этничность не приводит к всеобщему требованию отдельного национального казачьего государства. А этатистские требования, основывающиеся на особенностях социального уклада и военной профессионализации, не доходят до стремления установить политический контроль над Россией. Казаки представляются некоей вещью в себе. Здесь фокусируются все

дискуссии, отсюда идет поляризация позиций. Мне уже приходилось писать, что казаки сочетают в себе и этнические, и сословные черты, и невозможно механически отрывать одно от другого.

В работах специалистов по казачеству учитывается этнический фактор. Однако иногда встречаются подходы, при которых гипертрофируется этнический фактор и нивелируется социальный.

По этому вопросу будет написано еще немало работ. Предстоит провести этнографические, этносоциологические исследования в местах традиционного и нетрадиционного проживания казаков. Пока следует отметить, что нынешнее казачество не поддается какой-то узкой дефиниции и однолинейной идентификации.

Критически следует отнестись и к трактовке казачества как сословия, которая утвердилась во второй половине XIX в. В ходе своей эволюции оно приобретало не только социально выраженные сословные, но и этнические и даже, как отмечалось на "круглом столе" в журнале "Социологические исследования", национальные черты.

Вопрос о том, чем является казачество - сословием или народом, остро стоял уже в 1917 г. Развивавшаяся революция при любом ее исходе упразднила бы казачье сословие, поэтому лидеры казачества ради сохранения своих привилегий и интересов на общеказачьих съездах и кругах стали доказывать, что казачество - это народ, а не сословие, которое можно было бы уничтожить.

Атаманы Дона, Кубани, Терека и лидеры казачьей эмиграции неоднократно заявляли, что хотя казачество Юга России является частью русской нации и особой ветвью русского народа, они будут руководствоваться конституциями и законами, принятыми в годы гражданской войны возникшими казачьими образованиями. Они рассматривали эти объединения как плацдармы, с которых предстояло утвердить новую центральную власть во всей России, а затем обеспечить для казаков местное самоуправление с правом решения земельного вопроса.

В то же время небольшая часть казаков-эмигрантов, обосновавшаяся первоначально в Софии, пропагандировала идею, что казачество - это народ, и вынашивала мысль о создании государства Казакия (Козакия) на основе Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. Эта группа и ее сторонники пытались распространять свои взгляды в Европе и США, но не смогли убедить казачью эмиграцию. Ныне старая дилемма "сословие или народ" по разным, в том числе и

конъюнктурным соображениям воспроизводится и учеными, и лидерами казачества, и политиками.

Происхождение казаков

О казаках знает каждый, независимо от интереса к истории. Казаки появляются на страницах учебников всякий раз, когда речь идет о значительных событиях в истории российского государства. Но что известно о них? Откуда они повелись?

Учебники, как правило, внушают нам мысль о беглых свободолюбивых крестьянах, которых замучили помещики-крепостники и которые в XVI -XVII вв. побежали из России на юг, на Дон, там обстроились и постепенно превратились в служивый народ. Народ этот в XIX -XX вв., забыв о прошлых конфликтах с царями, стал их надежной опорой. Есть и варианты в подобной "истории казаков". Суть этих вариантов в том, что вместо беглых свободолюбивых крестьян появляются вольные душегубы-разбойники, которые со временем обзаведутся женами, хозяйством, угомонятся и вместо грабежей займутся охраной государственных рубежей.

Вместе с тем существует несколько иной взгляд на происхождение казачества выраженный в частности известными историками Татишевым, Полевым и другими.

Казаки лишены своей истории. Почему? "Выступления казаков (в частности, известные антиромановские выступления Степана Разина и Емельяна Пугачева) показывают их определенные притязания. Но если существовали "притязания", значит, существовали и обоснования этих притязаний - "права". Однако сведения XVI-XVII веков о казаках не все открыты и, вероятно, частично уничтожены".

"Вопрос о возникновении казачества далеко не выяснен в исторической литературе. Грабянка, а за ним Ригельман производили казаков от хозар; Ян Потоцкий видел в казаках потомков тех косога, которых великий князь Мстислав Владимирович поселил в XI веке в Черниговщине. По мнению Татищева в Египте был город Черказ (от него и казаки впоследствии у русских назывались черкасами), жители которого переселились на Кавказ и стали называться косогами" Татищев действительно пишет о наличии упоминаний у Геродота о черкасах и что "род князей их, пришедших из Египта, где был град Чиркас, или Циркас...".

Пришедший род, поселился на Кубани и был когда-то христианской веры. И далее: "...черкесы язык славянский имеют,

весьма неправо, но паче татарский с египетским смешан, так что и татара без довольного искусства разуместь не могут, но, мню, он черкас Малой Руси разумеет. Оные прежде из кабардинских черкес в 14-м месте в княжестве Курском, под властью татар собравши множества сброда, слободы населили и воровством промышляли, и для многих на них жалоб татарским губернатором на Днепр переведены, и град Черкасы построили. Потом, усмотря польское беспутное правление, всю Малую Русь в казаки превратили, гетмана или отомана избрав, все черкесы именовались. При царе Иоане II-м, на Дон с князем Вешневским перешед, град Черкасской построили ...”

В этом заявлении масса загадок. Однако начало казаков отмечено XIV веком. Другими словами казаков вполне можно поискать в числе сражающихся на Куликовом поле. На чьей стороне? Похоже, с равным успехом их можно найти по обе стороны, поскольку Куликовская битва - это сражение между двумя поднимающимися этносами - великорусским, основывающимся на православии, и литовским, впитавшим в себя многие католические истины. Казаки в XIV веке представляли собой веротерпимое образование, в их рядах были и христиане разного толка, и мусульмане, и язычники. Раскол в вере прошелся пока по христианским рядам.

“Известен и такой факт, что Донские казаки в 1380 г. преподнесли князю Дмитрию Донскому накануне Куликовской битвы икону Божией Матери. Эти и другие упоминания указывают на то, что на Дону в это время уже складывалась община людей, которая могла стать зерном Донского казачества”

Как могли оказаться казаки на стороне монголов? Приведем длинную цитату из Еременко : “Казак - слово нерусское. Оно пришло к нам от степных кочевников, которые с незапамятных времен совершали набеги на земли восточных славян. Конные лавины степняков на пути к богатым городам и селам земледельцев нередко натывались на такие же летучие конные отряды вольных славян, выступающие как защитники южных рубежей своих земель. И закипали жаркие схватки...”

Со временем степные кос-саки стали завязывать дружеские знакомства с похожими на них конными витязями славян, даже родниться с ними, также называя их коссаками. Во времена татаро-монгольского нашествия пограничные отряды коссаков-славян не смогли удержать натиск завоевателей... Ханская Золотая Орда в течение многих последующих лет специально формировала такие же летучие конные отряды из угнанных в плен русских и украинских юношей, называя их казаками. Как правило, отправляясь в очередной

набег на земли восточных славян, ордынцы пускали вперед себя отряды казаков, которые первыми гибли в сражениях против своих же братьев. Так не могло продолжаться вечно. Перелом в настроении казаков-рабов произошел в ходе Куликовской битвы. Они в решающий момент отказались быть авангардом в атаке на русские войска, отвернули в сторону, а после поражения Мамай всем кошом перешли на сторону победителей. По соглашению с Дмитрием Донским, казаки так и остались боевым лагерем на Дону, приняв на себя охрану южных границ славянской Руси”.

С точки зрения чужеродности Золотой Орды такой взгляд автора цитаты на казаков-рабов вполне естественен. Но вспомним, что самые лучшие войска турок, состояли из славян, с детства взятых турками “на воспитание” с целью пополнения лучшей части своей армии. Похоже, что Золотая Орда исповедовала тот же подход при формировании войска. Вообще пора заявить, что слово “орда” в равной мере относится к монголам, к казакам, и к русским. За то, что его “закрепили” за татаро-монголами следует благодарить авторов школьных и вузовских учебников по истории. Аналогичную процедуру они проделали со словами “князь, царь”, введя слово “хан” исключительно для монголов и прочих кочевников.

“Какое сильное влияние Востока оказывается ... в вольных ордах донских и уральских казаков! Сравните с малороссийскими, где преобладали Запад и Польша”.

Л.Н.Гумилев производит запорожских и слободских казаков от крещеных половцев. Низовские казаки по Гумилеву - предки бродников, которые в свою очередь - потомки православных хазар. Бродники стали союзниками монголов, когда те появились на Дону.

Первые упоминания о казаках в летописях.

“Прибавим к описанию дел Василия, что в его время в Истории Русской в первый раз появилось имя казаков: так названы в летописях вольные удальцы, жившие в Рязанской области, и сбежавшиеся на помощь против Мустафы в 1444 году. Они пришли на лыжах, с сулицами, с дубьем, и вместе с мордвою присоединились к дружинам Василия”. “Придоша на них (татар) мордва, на ртах, с сулицами и с рогатинами и с саблями, а Казаки Рязанские такожь на трах, с другия стороны”.

Вот несколько известий, в коих мы находим имя казаков: в 1492 г. ордынские казаки грабили близ Алексина, в 1494 г. ограбили послов Иоанна, ехавших из Крыма; в 1497 г. ограбили послов его “Японча Салтан, Крымского царя сын с своими Казаками”; Менгли-Гирей отыскал и возвратил все тогда пограбленное; в 1499 г. ордынские азовские казаки грабили под Козельском, и были прогнаны”. Таким образом, казаки были ордынские, азовские и, видимо, крымские, раз подчинялись сыну крымского царя. В самом деле, “Махмет отвечал ...королю, что нападение в 1516 г. сделано без его воли, крымскими казаками Набег этот был ужасный...”.

Казаки восточные (Донские) назывались ордынскими, азовскими, западные (днепровские) запорожскими, малороссийскими, литовскими. От сего смешивались исследователи, находили казаков там, где их не было, и терялись в догадках.

“Днепровские казаки назывались иногда черкесами, или черкасами. Это название происходило, вероятно, от города Черкасы. Город сей находился за Днепром, ниже Канева, ибо заселения казаков, когда Польша стала принимать и покровительствовать им, были первоначально по правую сторону Днепра. Недалеко от Черкасов, древнейшего главного становища казацкого, основан был потом казаками Чигирин, бывший главным их городом. Имя Черкасы могло произойти .. сие название города казацкого заставило думать многих, будто казаки были переселенцы с Кавказа, и именно черкесы горские... Начало казацкого днепровского города Черкас можно отнести к последним 20 годам XV века, и Богдан, воевода Черкасский, мог быть такой же вождь казаков, каким был потом Дашкович. Рассмотрите поход его к Очакову: это настоящий казацкий набег, повторенный Дашковичем в 1516 году! - На Дону, впоследствии, также построен был выходцами с Днепра, казаками, присоединившимися к донским, город Чекрасск, или Черкасской. Это имя казалось для них драгоценно, как имя Москвы русскому, которого называли москвитом и москалем”.

“Городецкими казаками называли вольных людей, живших около Касимова (Мещерского городка, от чего происходило также название мещерских казаков), и далее около Волги (отсюда название волжских казаков)” (Полевой, т.3. с.684).

Год 1496. “Тоя же весны маяя прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу от казанского хана Махамета-Аминя, что идет на него шибанский хан Мамук со мною силою, а измену чинят казанския казаки Калимет, Урак, Садырь, Агиш” (Татищев, т.6, с.86).

“В Азии доньне целая Орда Турецкая называется казаками (киргиз-кайсаки). Татары и русские принимали в XV веке имя казака в смысле бездомного, странствующего удальца-воина” (Полевой, т.3. с.663). Эти удальцы были объединены в Орды!

Известно, что донские казаки в XVII веке жили на Дону, но вот в Европе думали, что это земли Тартарии. Донской казачий край входит во времена Василия Шуйского в пределы государства Тартария. На европейской карте 1562 года, времен Ивана Грозного по правому берегу Иртыша (или Оби) живут cassac, т.е. казаки, на Дону находится Тартария, а по левому берегу Дона пятигорские черкасы, или, по существу, те же казаки (кубанские?, терские?).

Казаки и татары

Пытаясь “докопаться” до истоков казачьего рода, мы неизбежно наталкиваемся на татар. Не то казаки произошли от татар, не то казаки “пошли в татары”. Первые упоминания летописей о казаках связаны с татарскими казаками, которые привязаны к употреблению слов, имен и названий с корнем “черк”; проживают на землях Тартарии (или в Поле), точнее, живут вне пределов Московии и Киевской области; поначалу не испытывают тяги к христианству, но со временем именно принадлежность к православию становится для них необходимостью.

Год 1492. “...приходили татарове ординские казаки, в головах приходил Темешем зовут, а с ним 220 казаков...”. При этом казаки названы погаными, то есть они не являлись христианами.

Год 1493. “Того же лета приходили татарове, ординские казаки, изгоном на Рязанские места, и взяша три села, и поидоша вскоре назад”.

Год 1494. “Октября прииде из Волох Иван Андреевич Субота Плещеева, а из Крыма Константин Заболоцкий; а шли Полем, и грабили их на Поле татарове, ординские казаки”.

Год 1501. Июля в 11 день азовские казаки Угус-Черкас да Корабай пограбили на Поле на Полуозоровском перелеске великаго князя послов князя Федора Ромодановского да Андрея Лапенка, и Андрей тамо и скончался, и гостей многих пограбища”.

Историки задаются вопросом: “Почему, как только монголы появились вблизи Руси, их сразу же называли татарами?”

Как-то надо же объяснить почему в XVII-XVIII вв. татарами стали называть болгар, жителей Казанского царства, а казаками стали православные вольные люди на Дону, Днепре, Кубани и т.д. Если казаки - это славяне, ушедшие в степи и служившие татарам, то почему у них нерусские имена (Темеш, Калимет, Урак, Садырь, Агиш, Угус-Черкас, Корабай). Впрочем, Василий Шемяка также имеет явно татарское прозвище "Шемяка". Скорее всего, казаки - это субэтнос великорусского этноса, который в процессе своего этногенеза вобрал людей самых различных этносов.

Казаки - неотъемлемая часть наследия татаро-монгольской эпохи в истории России. Их военная организация, порядок несения воинской службы имеют много схожего с военной машиной монголов. Военные уставы казаков во многом построены на принципах "Большой Ясы" Чингиз-хана и наконец, казаки селились в местах, где располагалась Золотая Орда.

Когда образовалось Донское казачество?

"Недостаток летописных источников, как российских, так и зарубежных, не позволяет точно определить время зарождения Донского казачества как самостоятельной вольной военизированной общины, имеющей свою организацию и свои особенности. Некоторые авторы находят отправные моменты истории Донского казачества даже в эпоху амазонок. Но большинство склоняются к тому, что процесс формирования казачества на Дону проходил параллельно с процессом христианизации Киевской Руси. Так, в 1265 г., т.е. еще во времена владычества на Руси татаро-монголов, была учреждена так называемая Сарайская христианская епархия, которая охватывала население огромной территории между Волгой и Днепром, а значит и Подонья. Именно по берегам Дона в 1354 г. прошло разделение на новую Рязанскую епархию (левый берег) и прежнюю Сарайскую (правый берег). И уже от 1360 г. имеется исторический документ - послание "ко всем христианам, обретающимся в пределах Черленаго Яру и по караулом возле Хопор и Дону".

Историк В.Н. Татищев считал, что Войско Донское образовалось в 1520 г., а донской историк И.Ф.Быкадоров - с 1520 по 1546 г. Именно в это время казачество переходит на оседлый, постоянный образ жизнедеятельности, строя первые "зимовища и юрты", т.е. поселения, в которых можно было перезимовать в "Диком поле", как тогда называли глухие, малообжитые придонские степи. Естественно, что землянки и шалаши со временем сменились огороженными поселениями, т.е. городками, вокруг которых стоял острый частокол, сдерживающий внезапные набеги кочевников или

разбойников. Позднее такие места стали называть "станциями", от слова "стан", стоянка.

О первых казачьих городках писал ногайский князь Юсуф в 1549 г. московскому царю Ивану Грозному в своей жалобе на разбойные действия донских казаков во главе с атаманом Сары-Азманом. Казаки в это время практически не признавали над собой ничьей власти и бились с татарами с одной стороны и турками с другой. В 1552 г. в лице Ермака и его дружины казаки участвовали в покорении Иваном Грозным Казанского царства, а позднее и Сибирского.

“Первым официальным письменным источником, дошедшим до наших дней является грамота царя Ивана Грозного от 3 января 1570 г. о том, чтобы атаман Михаил Черкашенин и Донские казаки слушали царского посла Новосильцева, едущего в Царь-Град через Дон и Азов, и "тем бы вы нам послужили..., а мы вас за вашу службу жаловать хотим". Именно этот царский документ считается днем официального образования войска Донского. С этого времени Донские казаки постоянно взаимодействуют с царской властью и православной церковью в Москве в деле защиты южных рубежей Руси как с единой по языку, вере и быту”

Кстати, о слове “атаман”. Оно не всегда писалось через “а”: “...всю Малую Русь в казаки превратили, гетмана или отомана избрав, все черкесы именовались...”. Случайно ли совпадения имени создателя Оттоманской империи и казачьего чина: “...Отман той бысть уже султан у турков...”?

“Притязания” и “права” казаков

Вспомним фразу Гримберг о “притязаниях” казаков, предполагающих их “права”: “Выступления казаков (в частности, известные антиромановские выступления Степана Разина и Емельяна Пугачева) показывают их определенные притязания. Но если существовали “притязания”, значит, существовали и обоснования этих притязаний - “права”. Однако сведения XVI-XVII веков о казаках не все открыты и, вероятно, частично уничтожены”. Что бы это значило?

Казаки с упорным постоянством появляются во всех важнейших событиях в жизни московского (и литовского!) государства. Они представляют собой военную силу, способную склонять чашу весов в ту или иную сторону. Чего добивались казаки?

Если судить по учебникам, казаки то становились на сторону угнетенного крестьянства, восставшего против угнетателей - бояр да

помещиков (до XIX в.), то подавляли восстания этого народа (в XIX-XXвв.). С точки зрения теории происхождения казаков из бежавших за пределы Московии “свободолюбивых крестьян”, то такое поведение казаков вполне естественно: пока голодные - бьют сытых, а насытившись (с помощью умной политики царских властей) - сами бьют голодных.

Заключение

Дореволюционная литература по казачеству обильна и разнообразна. Публиковалось множество официальных документов: положения о казачьих войсках, распоряжения, отчеты. В правительственные акты включались документы, регламентирующие штатный состав казачьих частей, порядок прохождения службы, продвижение по служебной лестнице и т. д. Выпускались всевозможные положения и постановления по каждому казачьему войску, регламентирующие жизнь и службу в каждом конкретном случае. Издавалась и литература справочного характера, содержащая сведения по экономике, статистике, землевладению и земледелию, войсковым капиталам, земскому обложению того или иного войска. Выпускались положения, регулировавшие общественные и земельные отношения в станицах.

Масса литературы посвящена истории, происхождению казаков, их жизне- и бытоописанию, участию в военных кампаниях. Эти издания насыщены сведениями краеведческого характера. Так, материалы по истории Кубанского казачьего войска, включающие копии документов из архива Главного штаба Кубанского и Терского войск, изданные И. Дмитренко, составили четыре тома.

Многие публикации (как и в наши дни) способствовали мифологизации героического образа казака. В ряде работ содержались описания подвигов казачьих героев, отдельных исторических личностей

Можно констатировать, что современное изучение казачества в чем-то по инерции продолжает традицию, сложившуюся до революции. Исследователи обращают внимание на то или иное историческое событие, того или иного исторического деятеля. Работы чаще всего посвящены какому-либо одному войску. При этом количественно продолжали преобладать (как и до 1917 г.) работы по Донскому казачьему войску. Чуть позже исследователи обратили свои взоры к востоку.

В целом в появляющихся работах по казачеству большой акцент делается на историческое описание 11 традиционных казачьих

войск, существовавших до октября 1917 г. О современном состоянии дается скорее краткий обзор, раздел или часть заключительной главы (практически без отсылок на появляющиеся новейшие работы). Пока нет исследования, специально посвященного современному возрождению казачества, которое подробно рассматривало бы истоки, движущие силы, динамику роста, потенциал казачества. Координаторы Консультативного совета по вопросам возрождения российского казачества так или иначе изначально тяготели к Союзу казачьих войск России. Их работа давала представление скорее о том, что разделяло альтернативные организации казаков. При этом подчеркивалась важность не только генетического, но и "родового" казачьего происхождения, что характерно для относящих себя к "белым" казакам.

Список литературы

1. А. Заичкин И. Н. Почков *“Русская история от Екатерины великой до Александра II”*
2. *“История России”* Ответственный редактор А. Н. Сахаров
3. Электронные ресурсы Internet.